

Джон Бойн

МАЛЬЧИК В ПОЛОСАТОЙ ПИЖАМЕ

Посвящается Джейми Линчу

Благодарности

За добрые советы и замечания, которые мне очень помогли не сбиться с курса, огромное спасибо Дэвиду Фиклингу, Белле Пирсон и Линде Сарджент. А за то, что я благополучно добрался до финала, благодарю, как всегда, моего агента Саймона Тревина.

Я также многим обязан моему старому другу Джанетт Дженкинс: прочитав черновик, она поддерживала и вдохновляла меня, пока книга не была готова.

Глава первая

Бруно совершает открытие

Как-то днем, придя из школы, Бруно очень удивился, застав у себя в спальне Марию, горничную (она всегда ходила потупившись, не отрывая глаз от ковров и половиц). Главное же, Мария не просто забрела в комнату Бруно — она там распорядилась: вытаскивала из шкафа его вещи и укладывала в четыре деревянных сундука. Вынимала даже то, что было спрятано в самой глубине шкафа и к чему никто не смел прикасаться.

— Что ты делаешь? — Бруно постарался, насколько это было в его силах, чтобы вопрос прозвучал вежливо. Понятно, он не обрадовался, увидев по возвращении домой, что кто-то роется в его шкафу, но мама всегда говорила, что с Марией он должен обращаться уважительно, а не так, как папа это делает. — Не тронь мои вещи!

Вместо ответа Мария кивком головы указала на лестницу, где как раз появилась мать Бруно. Это была высокая женщина с длинными рыжими волосами, которые она скручивала на затылке — и убирала в нечто вроде сетки. Мать нервно потирала руки — верный признак того, что она предпочла бы избежать расспросов. Либо ее что-то не устраивало.

— Мама, — Бруно решительно двинулся ей навстречу, — что происходит? Почему Мария перетряхивает мои вещи?

— Она их пакует, — ответила мама.

— Пакует?

Бруно быстренько перебрал в уме события последних нескольких дней: может, он вел себя как-нибудь особенно плохо или произнес вслух слова, которые ему запрещено произносить, и за это его отсылают из дома? Но ничего не смог припомнить. Наоборот, последние несколько дней он вел себя лучше некуда по отношению ко всем без исключения и ни разу не вышел из берегов.

— Но почему? — спросил Бруно. — Что я сделал?

Мама остановилась на пороге своей спальни, где дворецкий Ларс занимался тем же самым — упаковывал вещи. Вздохнув, мама всплеснула руками и повернула обратно к лестнице. Бруно преследовал ее по пятам, от него так легко не отделаются, пусть ему сначала все разъяснят.

— Что случилось? Мы переезжаем? — сыпал вопросами Бруно.

— Ступай со мной вниз, — поманила его мама, направляясь в столовую — просторную залу, где неделю назад обедал Фурор. — Там поговорим.

Бруно сбежал по лестнице, обогнав мать; в столовой ему даже пришлось дожидаться, пока она подойдет. А когда мама вошла, сперва он молча разглядывал ее, отмечая про себя, что сегодня утром она, должно быть, не напудрилась, потому что веки у нее краснее обычного. Такая краснота вокруг глаз случалась и у Бруно, когда он выходил из берегов или попадал в беду, что, как правило, заканчивалось слезами.

- Послушай, Бруно, тебе не о чем беспокоиться, — сказала мама, усаживаясь в кресло, в котором неделю назад сидела красивая блондинка, приходившая с Фурором на обед; она еще помахала Бруно, прежде чем папа закрыл двери. — В любом случае, тебя ждет увлекательное приключение.

— Что? Значит, меня все-таки отсылают из дома?

— Не торопись с выводами. (Бруно показалось, что мама чуть было не улыбнулась, но передумала.) Мы все покидаем этот дом. Папа, я, Гретель и ты. Все вчетвером.

Услышанное восторга у Бруно не вызвало. Гретель может катиться на все четыре стороны, ему до лампочки, его сестра — безнадежный случай, и от нее только одни неприятности. Но разве справедливо, что они все обязаны ехать вместе с ней?

— Куда? — хмуро спросил он. Куда мы едем? Почему мы не можем остаться здесь?

— Это связано с работой твоего отца, — объяснила мама. — Ты ведь знаешь, как это важно, верно?

Бруно кивнул. Еще бы ему не знать. В дом постоянно заходили множество людей, самых разных: мужчины в потрепанной форме, женщины с пишмашинками (Бруно от пишущих машинок неизменно отгоняли, ссылаясь на его «грязные лапы») — и все эти люди были очень, очень вежливы с папой. Шушукаясь меж собой, они говорили, что этот человек далеко пойдет, у Фурора на его счет большие планы.

2

— А когда кто-нибудь становится очень важным, продолжала мама, бывает, что начальник назначает его на особую работу в другом городе, куда не всякого пошлешь.

— А что за работа? — полюбопытствовал Бруно. Если быть честным с самим собой — к чему он всегда стремился, Бруно не очень-то понимал, — чем занимается его отец.

Однажды в школе они разговорились об отцах. Карл сказал, что его папа зеленщик, и Бруно знал, что это чистая правда, потому что отец Карла держал зеленую лавку в центре города. Даниэль сказал, что его папа учитель, что тоже было правдой, потому что отец Даниэля учил старшеклассников, от которых лучше было держаться подальше. А Мартин сказал, что его папа повар, о чем Бруно опять-таки знал наверняка, потому что, когда отец забирал Мартина после уроков, на нем всегда была белая спецовка и клеенчатый фартук, будто он прибежал в школу прямо от плиты.

Но когда спросили Бруно, кем работает его отец, он открыл было рот, но вдруг сообразил, что и сам не знает. Единственное, что он мог сказать, это то, что его отец далеко пойдет и у Фурора на его счет большие планы.

— Очень серьезная работа, — ответила мама после небольшой заминки. — Для выполнения которой требуется особый человек. Думаю, ты способен это понять.

— И нам всем надо уезжать? — не поверил Бруно.

— Ну разумеется. Ты ведь не хочешь, чтобы папа поехал на новую работу один и грустил там без нас?

— Наверное, нет.

— Папа по нам будет ужасно скучать.

— А по кому он будет больше скучать? — встрепенулся Бруно. — По мне или по Гретель?

— По обоим одинаково.

Мама полагала, что в семье не должно быть любимчиков, и Бруно уважал ее мнение, тем более что ему было доподлинно известно: мама любит его сильнее, чем Гретель.

— А что будет с нашим домом? спросил Бруно. — Кто о нем станет заботиться, когда мы уедем?

Мама вздохнула и огляделась с таким видом, будто уже не надеялась снова увидеть эту комнату. Дом был очень красивым, в пять этажей, если считать подвал — где повариха готовила еду на всех, а Мария с Ларсом ругались, сидя за столом и обзывая друг друга словами, которые Бруно запрещалось произносить вслух, и если считать крохотную комнатушку на самом верху со скошенным оконцем, откуда Бруно, встав на цыпочки и крепко держась за раму, мог увидеть весь Берлин.

— Дом мы запрем, — сказала мама. — Но мы ведь сюда когда-нибудь вернемся.

— А куда денется повариха? — не унимался Бруно. — И Ларс? И Мария? Разве они не останутся здесь жить?

— Они едут с нами. — Мама положила ладонь на стол. — На сегодня вопросов достаточно. Пожалуй, тебе стоит пойти наверх и помочь Марии укладывать вещи.

Бруно поднялся, но с места не сдвинулся. Ему было необходимо спросить еще кое о чем, прежде чем он решит, что ситуация более или менее прояснилась.

— А далеко это? Ну, папина работа? Дальше чем в километре отсюда?

— О боже, — рассмеялась мама. Правда, смех ее был каким-то странным, веселой она не выглядела и даже отвернулась, словно не хотела, чтобы он видел ее лицо. — Да, Бруно, это дальше чем в километре отсюда. Намного дальше, доложу я тебе.

Глаза Бруно расширились, рот сложился буквой О, а руки сами собой раздвинулись в стороны, как всегда, когда он был чем-то изумлен.

— Неужто мы уезжаем из Берлина? — задыхаясь, выговорил он.

Мама печально кивнула:

— Боюсь, что так. Работа твоего папы...

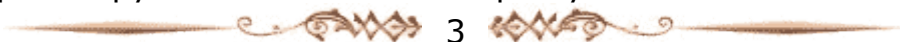
— А как же школа? — перебил Бруно. Он знал, что в разговоре никого нельзя перебивать, но догадывался, что на сей раз его простят. — И Карл, Даниэль, Мартин? Как они узнают, где меня искать, когда мы захотим встретиться?

— С ними придется попрощаться... Впрочем, я уверена, что пройдет немного времени — и вы опять будете вместе. И пожалуйста, никогда не

перебивай меня, — не преминула напомнить мама. Мол, сколь бы странными и неприятными ни были грядущие перемены, это еще не повод нарушать правила вежливости, которым обучали Бруно.

— Попрощаться? — Мальчик уставился на мать. — Попрощаться? — повторил он, выплевывая слово, будто его рот был набит печеньем, разжеванным на мельчайшие кусочки, но пока не проглоченным. — Сказать «прощай» Карлу, Даниэлю и Мартину? — Голос его уже смахивал на крик, а кричать ему дозволялось только на улице. — Но они мои лучшие друзья, верные и на всю жизнь!

— О, заведешь новых, — небрежно обронила мама, словно найти трех верных друзей на всю жизнь пара пустяков.

— Но мы собирались кое-что сделать, — упрявился Бруно.

— Собирались? Сделать? — Мама приподняла бровь. — Что же именно?

— Это тайна.

Бруно не мог раскрыть сути их планов, тем более что выход из берегов в них присутствовал. Мальчики предвкушали, как через месяц их распустят на летние каникулы и тогда у них появится уйма времени не только строить смелые планы, но и осуществить их.

— Прости, Бруно, твои замыслы придется отложить. У нас нет другого выхода.

— Но, мама!..

— Хватит, Бруно. — Мама резко встала, давая понять, что возражений более не потерпит. — Вспомни, только на прошлой неделе ты жаловался, что здесь с некоторых пор многое изменилось.

— Да, мне не нравится, когда по ночам приходится выключать свет во всем доме, — признал он.

— Теперь все так делают. Ради безопасности. И кто знает, возможно, там, куда мы едем, будет спокойнее. А теперь иди наверх и помоги Марии. На сборы у нас меньше времени, чем мне хотелось бы. Скажи за это кое-кому спасибо.

Бруно уныло поплелся прочь. Он знал, что на языке взрослых «кое-кто» означает «папа», но Бруно так выразиться запрещалось.

По лестнице он поднимался медленно, опираясь на перила и пытаясь угадать, имеются ли в новом доме на новом месте, где у отца новая работа, перила, по которым так же здорово съезжать вниз. Здешние перила тянулись от самого верха — от крохотной комнатухи, откуда Бруно, стоя на цыпочках и крепко держась за оконную раму, обзревал Берлин, — и до первого этажа, заканчиваясь прямо перед огромными дубовыми дверьми столовой. Бруно ничего так не любил, как взгромоздиться на перила на верхнем этаже и скользить вниз, сквозь весь дом, громко ухая по пути. С верхнего этажа на следующий, где находилась комната мамы и папы и просторная ванная, куда ему заходить не разрешалось.

Потом на этаж ниже, где была его комната, комната Гретель и ванная поменьше, которой, напротив, ему следовало пользоваться чаще, чем это было на самом деле.

Потом на первый этаж, где, спрыгивая с перил, он должен был непременно приземлиться на обе ноги, а если чуть-чуть пошатнется, надо начинать все сначала.

Лучшее, что было в этом доме, — перила... Ну, еще то, что бабушка с дедушкой живут поблизости, и когда Бруно вспомнил о них, он задумался: едут ли они тоже на новую работу папы? — и решил, что едут, ведь нельзя же бросить их одних. Вот о Гретель никто печалиться не стал бы, ведь она — безнадежный случай, и Бруно было бы много легче, если бы сестра осталась приглядывать за домом. Но бабушка с дедушкой... Нет, это совсем другое дело.

К себе Бруно зашел не сразу. Сначала он посмотрел вниз, на первый этаж, и увидел, как мама входит в папин кабинет куда доступ ему «воспрещен в любое время суток и заруби себе на носу». Он услышал, как мама что-то громко говорит отцу, а тот отвечает еще громче, и на этом их беседа обрывается. Потом мама закрывает дверь в кабинет, и Бруно уже ничего не слышит; тогда ему приходит в голову, что неплохо бы пойти к себе и заняться сборами, иначе Мария повытаскивает из шкафа все без разбору, даже то, что запрятано в самой глубине и к чему никто не смеет прикасаться.

Глава вторая

Новый дом

Впервые увидев их новый дом, Бруно вытаращил глаза. Рот его сложился буквой О, а руки сами собой раздвинулись в стороны. Все в этом доме выглядело полной противоположностью их старому дому, и Бруно не мог поверить, что они в самом деле намерены здесь жить.

Дом в Берлине стоял на тихой улице в ряду с десятком других таких же больших и красивых домов, очень похожих на тот, в котором жил Бруно, если не обращать внимания на мелкие различия. И в этих домах тоже жили мальчики, Бруно знал их всех по именам. С одними, настроенными по-дружески, он играл; от других, от которых не приходилось ждать ничего хорошего, держался в стороне. Новый же дом стоял сам по себе, на пустом ровном месте, и иных домов вокруг не наблюдалось, а значит, никто тут поблизости не живет и не с кем будет играть, — ни друзей, ни врагов, никого.

Дом в Берлине был большим, и хотя Бруно прожил в нем девять лет, там все еще хватало закутков и разных укромных местечек, которые Бруно не успел хорошенько исследовать. Существовали даже целые комнаты — к примеру, кабинет отца, куда путь ему был заказан «в любое время суток и заруби себе на носу» и куда он почти не заглядывал. В новом же доме насчитывалось всего три этажа: верхний с тремя спальнями и всего лишь одной ванной, нижний с кухней, столовой и новым кабинетом отца (куда, как предполагал Бруно, доступ столь же ограничен, как и в прежний) и подвал, где спала прислуга.

Вокруг берлинского дома пролегали улицы с высокими домами, и если идти по направлению к центру, всюду натыкаешься на прохожих; они останавливаются, чтобы поболтать друг с другом, или торопятся прочь, объясняя на ходу, что у них нет времени на разговоры, только не сегодня, когда у них столько дел. Там были магазины с яркими витринами, а также овощные и фруктовые лотки с горками моркови, свеклы, цветной капусты и кукурузы. Другие лотки ломились от грибов и лука-порея, репы и спаржи; третьи были завалены салатом и зеленой фасолью, кабачками и

пастернаком. Бруно любил встать напротив лоточного ряда, закрыть глаза и вдыхать ароматы, чувствуя, как начинает кружиться голова от смешанных сладковатых запахов, запахов свежести и жизни. А возле их нового дома не пролегалo ни одной улицы, никто не прохаживался по тротуару и никуда не спешил; магазинов, а также фруктовых и овощных лотков тоже определенно не было. Когда Бруно закрыл глаза, он ощутил лишь пустоту и холод, словно оказался в самом неудобном месте на свете. Затерянный мир, да и только.

В Берлине на улицах стояли столики. Когда он возвращался из школы с Карлом, Даниэлем и Мартином, за этими столиками обычно сидели люди, они пили пенные напитки и громко смеялись. Бруно всегда думал, что люди за столиками очень странно себя ведут: о чем бы ни шла речь, кто-нибудь обязательно смеялся. Новый же дом выглядел так, будто в стенах его никогда не раздавался смех; нечему тут было смеяться и нечему радоваться.

— По-моему, зря мы сюда приехали, — заявил Бруно спустя несколько часов по прибытии.

Мария в это время распаковывала его чемоданы, поэтому Бруно торчал в комнате матери. (Обнаружилось, кстати, что Мария — не единственная горничная в доме; кроме нее были еще три довольно тощие женщины, которые переговаривались между собой исключительно шепотом. Вдобавок на кухне трудился какой-то старик, — в чьи обязанности входило, как объяснили Бруно, чистить овощи и прислуживать хозяевам за ужином. Старик этот казался очень несчастным, но и одновременно немножко сердитым.)

— Поинтересоваться нашим мнением сочли излишним, — ответила мама, открывая коробку с шестьюдесятью четырьмя бокалами, подаренными ей бабушкой и дедушкой, когда она выходила замуж за папу. — Кое-кто решил все за нас.

Бруно не понял, что она имела в виду, поэтому притворился, будто она вовсе ничего не говорила.

— Зря мы сюда приехали, — повторил он. — По-моему, лучшее, что можно сделать, плюнуть на все это и вернуться домой. Умному и неудача впрок, — добавил он фразу, которую недавно заучил и теперь намеревался употреблять как можно чаще.

Мама осторожно выставляла бокалы на полку.

— А я вот как скажу, — улыбнулась она, — делай хорошую мину при плохой игре.

— Ну, не знаю... — протянул Бруно. — По-моему, тебе нужно сказать папе, что ты передумала, и... Ну, если нам придется остаться здесь до вечера, поужинать и переночевать, тогда ладно, но завтра нужно встать пораньше, если мы хотим вернуться в Берлин к полднику.

Мама вздохнула.

— Бруно, почему бы тебе не пойти наверх и не помочь Марии распаковывать вещи?

— Но зачем их распаковывать, если мы только...

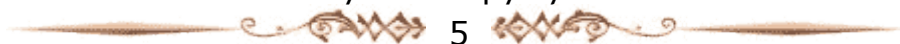
— Бруно, будь любезен! — повысила голос мать. Выходит, ей перебивать Бруно можно, а ему ее — ни при каких обстоятельствах. — Мы здесь, мы

приехали и в обозримом будущем никуда отсюда не уедем, и не надо падать духом. Ты понял?

Что такое «обозримое будущее», Бруно не понял и сказал матери об этом. — Это значит, что теперь мы здесь живем. Точка.

У Бруно вдруг заболел живот. Что-то нарастало у него внутри, и это что-то, когда проделает путь из самых глубин его существа во внешний мир, вынудит его либо раскричаться («с ним поступили подло, нечестно, и это большая ошибка, за которую кто-то скоро заплатит!»), либо разразиться слезами. Он не понимал, каким образом все так сложилось. Только что он был совершенно доволен жизнью, играл дома или с тремя лучшими друзьями, скатывался вниз по перилам, вставал на цыпочки, чтобы посмотреть на весь Берлин, а теперь его засунули в холодный мерзкий дом с тремя горничными-шептуньями и старым слугой, разом несчастным и сердитым, в дом, где все бродили с таким видом, будто навсегда забыли, что такое веселье.

— Бруно, повторяю, иди наверх и займись чемоданами. Сейчас же. Тон у мамы был неласковым, и Бруно знал: спорить бесполезно. Он повернулся и зашагал прочь. В уголках глаз закипали слезы, но он не позволит им выплеснуться наружу.

Наверху он сделал полный круг по этажу в надежде отыскать маленькую дверцу или каморку — что-нибудь, годившееся для деятельности исследователя, но не нашел ничего. На этаже было всего четыре двери, по две с каждой стороны, друг против друга. Дверь в его комнату, дверь в комнату Гретель, в комнату папы с мамой и в ванную.

— Это не дом, и никогда он им не станет, — пробормотал Бруно себе под нос, переступая порог своей новой спальни.

Его одежда была разбросана на кровати, а коробки с игрушками и книгами до сих пор стояли нетронутыми. Ясно, что Мария не умеет отличать главное от пустяков.

— Мама велела тебе помочь, — тихо произнес Бруно.

Горничная кивнула и указала на большую сумку, в которой лежали носки, майки и трусы:

— Когда разберешься с этим, можешь сложить все вон в те ящики.

Бруно проследил за ее взглядом. У противоположной стены стоял уродливый комод рядом с зеркалом, покрытым пылью.

Со вздохом Бруно открыл сумку, она была доверху набита его бельем. Как бы ему хотелось забраться в нее, свернуться калачиком и уснуть, а проснувшись, вылезти из сумки уже в Берлине, в своем родном доме.

— Что ты обо всем этом думаешь, Мария? — спросил он после долгой паузы.

Мария всегда ему нравилась, он считал ее членом семьи, хотя папа говорил, что это всего лишь горничная и к тому же она им дорого обходится.

— О чем — обо всем?

— Ну об этом. — Бруно слегка удивился ее непонятливости. — О том, что мы приехали в такое место. Тебе не кажется, что мы совершили большую ошибку?

— Не мне судить, — уклонилась от ответа Мария. — Мама ведь рассказывала тебе о папиной работе и...

— Ох, да надоело мне слушать про папину работу, — не выдержал Бруно. — Все только про нее и говорят: папина работа то, папина работа се. А я думаю, что если из-за папиной работы мы должны бросить наш старый дом с перилами и трех моих верных друзей на всю жизнь, то лучше бы папе задуматься, а зачем ему такая работа. Разве я не прав?

В этот момент в коридоре что-то заскрипело. Высунувшись в коридор и увидев, что дверь в папину с мамой комнату чуть-чуть приоткрылась, Бруно замер, не смея пошевелиться. Мама была по-прежнему внизу, лихорадочно соображал он, значит, в комнате находится отец. А вдруг он слышал все, что Бруно только что наговорил? Мальчик смотрел на дверь едва дыша: вот сейчас из нее выйдет отец и отведет его вниз для серьезной беседы. Дверь открылась пошире, и Бруно сделал шаг назад, когда из проема появился человек. Нет, это не его папа. Незнакомец был намного моложе отца и в придачу ниже ростом, но на нем была такая же форма, только без многочисленных наградных планок. Лицо у молодого военного было очень строгим, фуражка сидела на его голове как влитая, виднелись лишь виски, и по ним Бруно определил, что волосы у незнакомца какого-то неестественно желтого цвета. В руках он нес коробку и направлялся к лестнице, но, заметив Бруно, наблюдавшего за ним, на секунду остановился и оглядел мальчика с ног до головы с таким выражением лица, будто впервые в жизни видел ребенка и не совсем понимал, что с ним делать: съесть или равнодушно пройти мимо, а может, спустить пинком с лестницы. Так ничего и не предприняв, желтоволосый коротко кивнул Бруно и отправился дальше.

— Кто это? — спросил Бруно. Молодой военный выглядел таким строгим и деловитым — наверняка он здесь важная шишка.

— Один из папиных подчиненных, наверное, — ответила Мария. При появлении незнакомца она выпрямилась во весь рост и сложила руки, как для молитвы, но смотрела в пол, а не на человека в форме, словно боялась, что обратится в камень, если глянет ему прямо в глаза. Спину она расслабила, лишь когда военный удалился. — Думаю, скоро мы узнаем, кто он такой.

— Он мне не нравится, — сморщил нос Бруно. — Очень уж строгий.

— Твой папа тоже очень строгий, — заметила Мария.

— Да, но это папа, — возразил Бруно. — Папам полагается строгость. И неважно, кто они, зеленщики, учителя, повара или коменданты. — Он перечислил все те профессии, над названиями которых размышлял тысячу раз и которые считал подходящими приличным, уважаемым отцам. — А этот человек совсем не похож на отца. Хотя он и строгий, это точно.

— Ну, у них такая работа, без строгости им не обойтись, — отозвалась Мария. — По крайней мере, они так думают. Но на твоём месте я бы держалась от военных подальше.

— А на что они еще годятся? — уныло произнес Бруно. — Очень сомневаюсь, что здесь отыщется кто-нибудь, кроме Гретель, с кем можно поиграть. Но Гретель не в счет, моя сестра — безнадежный случай. — Он почувствовал, что опять вот-вот разревется, но сдержался, не желая выглядеть плаксой в глазах Марии.

Бруно осмотрелся исподлобья, пытаясь обнаружить хоть что-нибудь интересное. Ничего. Пусто. Да и откуда здесь взяться интересному?! Внезапно кое-что привлекло его внимание. В углу комнаты, напротив двери, находилось окно. Начиналось оно от потолка, как и окно на верхнем этаже в их берлинском доме, но заканчивалось много ниже. Даже не придется вставать на цыпочки, чтобы выглянуть на улицу.

Он медленно двинулся к окну. А вдруг удастся увидеть Берлин, и свой дом, и соседние улицы, и столики, за которыми сидят люди, пьют пенные напитки и рассказывают друг другу смешные истории? Бруно ступал не торопясь, боясь разочарования. Но в комнате маленького мальчика не может быть огромных расстояний, и путь от двери до окна завершился, стоило Бруно прижаться лицом к стеклу. Он выглянул наружу. На этот раз, когда его глаза расширились, а рот сложился буквой О, руки не раздвинулись в стороны, но вытянулись вдоль тела, потому что Бруно вдруг стало очень холодно и страшно.

Глава третья

Безнадежный случай

Бруно был убежден: зря они не оставили Гретель в Берлине приглядывать за домом, ведь от сестры добра не жди. И похоже, он был не одинок в своем мнении. Бруно не раз слышал, как Гретель называли «сплошным мучением с самой колыбели».

Гретель была на три года старше Бруно, и сколько он себя помнил, она все время поучала его, а в событиях, касавшихся их обоих, норовила играть главную роль. Бруно не хотелось сознаваться в том, что он боится сестры, но если быть честным с самим собой — к чему он всегда стремился, — невозможно отрицать: немножко побаивается.

Гретель славилась противными привычками, впрочем, обычными для сестер. Например, она слишком много времени проводила в ванной по утрам, и, сдаётся, ей было плевать, что Бруно стоит за дверью, переминается с ноги на ногу, а его терпение на исходе.

У Гретель была огромная коллекция кукол, расставленных и рассаженных по всей комнате. Куклы впивались в Бруно глазами, стоило ему зайти к сестре, и пристально следили за ним, что бы он ни делал. Он не сомневался: займись он исследованиями в комнате сестры, пока ее нет дома, они непременно нажаловались бы своей хозяйке. Подружки у сестры тоже были противные. Они прямо-таки обожали потешаться над младшим братом Гретель; разумеется, будь Бруно на три года старше, он бы себе такого никогда не позволил. Эти противные подружки не знали в жизни большей радости, чем мучить Бруно и говорить ему гадости, когда мамы или Марии не было поблизости.

— Бруно не девять лет, ему только шесть, — распевало одно самое приставучее чудище, выплясывая вокруг него и тыча пальцем под ребра.

— Мне не шесть, а девять, — протестовал Бруно, пытаясь вырваться.

— Тогда почему ты такой маленький? — спрашивало чудище. — Все, кому девять лет, выше тебя.

Это было правдой и незаживающей раной Бруно. Его постоянно мучило, что он не такой же высокий, как другие мальчики в его классе. На самом деле он доставал им только до плеча. Когда он шел по улице вместе с

Карлом, Даниэлем и Мартином, прохожие иногда принимали его за их младшего брата, хотя он был вторым по старшинству.

— Значит, тебе только шесть, — не унималось чудище, и Бруно убегал и принимался растягивать позвоночник — в надежде, что однажды утром он проснется и окажется длиннее сантиметров на двадцать, а то и на все пятьдесят.

Откровенно говоря, в отъезде из Берлина кое-что хорошее все же было: противные чудища остались там. Возможно, если его вынудят задержаться в новом доме на какой-то срок, пусть даже на месяц, он за это время подрастет, и тогда они уже не смогут над ним издеваться. Неплохая мысль, и не стоит о ней забывать, если он хочет последовать совету мамы и сделать хорошую мину при плохой игре.

Он вбежал в комнату Гретель, не постучав, она как раз размещала свой кукольный народ по полкам.

— Что ты тут делаешь? — закричала она, оборачиваясь к брату. — Разве не знаешь, что в комнату к даме не входят без стука?

— Ты что, привезла с собой все куклы до единой? — изумился Бруно. Он выработал привычку игнорировать вопросы сестры, а вместо ответа задавать свои собственные.

— Конечно, — дернула плечом Гретель. — А ты думал, я оставлю их дома? Только этого не хватало, ведь неизвестно, когда мы туда вернемся. Не раньше чем через неделю или две.

— Две недели? — огорченно переспросил Бруно, но в глубине души даже обрадовался, ведь он-то уже смирился с мыслью провести здесь не меньше месяца. — Ты правда так думаешь?

— Ну, я спросила папу, и он сказал, что в обозримом будущем наш дом — здесь.

— А когда закончится это обозримое будущее? — поинтересовался Бруно, усаживаясь на кровать сестры.

— Через пару недель, считая с сегодняшнего дня, — учительским тоном пояснила Гретель. — Самое большее недели через три.

— Тогда ладно, я согласен на обозримое будущее, лишь бы не целый месяц. Здесь отвратительно.

Гретель взглянула на младшего брата — впервые в жизни ей не хотелось с ним спорить.

— Я тебя понимаю, — сказала она. — Это не самое приятное место на свете.

— Жуткое, — подтвердил Бруно.

— В общем, да, — кивнула Гретель. — Сейчас здесь ужас что творится. Но как только дом приведут в порядок, уверена, все станет посимпатичнее.

Папа сказал, что тех, кто жил в Аж-Выси до нас, быстро уволили и они не успели привести дом в подобающий вид.

— Аж-Высь? — повторил Бруно. — Что это значит?

— Ничего особенного, — пожала плечами Гретель. — Просто Аж-Высь.

— Нет, это же должно что-то значить? — настаивал Бруно. — В какую высь? И почему «аж»?

— Так называется наш новый дом, — отрезала Гретель. — Аж-Высь.

Бруно задумался. Он не заметил, чтобы на улице стоял щит с названием дома, и над входом тоже ничего написано не было. Их дом в Берлине никак не назывался, просто «номер четыре».

— Но что это значит? — Бруно потихоньку начал злиться. — Аж-Высь?

— Может быть, это связано с теми людьми, что жили тут до нас, — рассуждала Гретель. — Они плохо себя показали, и начальство так рассердилось, что аж вышвырнуло их из дома пинком, и они полетели вверх тормашками — высоко-высоко! А на их место назначили человека, который умеет хорошо делать свое дело.

— То есть папу.

— Ну конечно.

Гретель всегда говорила об отце так, будто он не способен поступить неправильно. Папа же всегда добр к ней и каждый вечер, перед тем как она отправится спать, целует дочку, желая спокойной ночи. Не будь Бруно так сильно расстроен всем тем, что случилось с ним за день, он был бы справедливее к отцу и вспомнил, что папа и его целует на сон грядущий.

— Выходит, мы оказались в Аж-Выси, потому что людей, которые жили здесь до нас, уволили с работы?

— Именно, Бруно. А теперь встань с моего покрывала, а то запачкаешь.

Бруно вскочил и с грохотом приземлился на ковре. Звук, который он произвел, ему не понравился. Он был очень гулкий, и Бруно решил впредь поменьше прыгать в доме: как бы это строение не развалилось, обрушившись им на головы.

— Мне здесь не нравится, — в сотый раз произнес он.

— Знаю, ответила Гретель. — Но мы с тобой ничего изменить не можем, верно?

— Я скучаю по Карлу, Даниэлю и Мартину, — продолжал Бруно.

— А я скучаю по Хильде, Изабель и Луизе, — подхватила Гретель, и Бруно попытался припомнить, которая из них была самым гнусным чудищем.

— И по-моему, у здешних детей не очень дружелюбный вид, — добавил Бруно.

Гретель вмиг прекратила усаживать на полке одну из своих самых злобных кукол и устала на брата.

— Что ты сказал?

— Я сказал, что здешние дети выглядят не слишком дружелюбно.

— Какие дети? — озадаченно переспросила Гретель. — Ты о чем? Я не видела тут никаких детей.

Бруно повертел головой. Здесь тоже имелось окно, но, поскольку комната Гретель располагалась напротив комнаты Бруно, окно выходило совсем на другую сторону. Притворяясь, будто ничего особенного не происходит, он вразвалочку направился к окну, сунув руки в карманы штанов и даже насвистывая, хотя у него то и дело перехватывало дыхание. На сестру он не обращал ни малейшего внимания.

— Бруно? — окликнула Гретель. — Что на тебя нашло? Ты рехнулся?

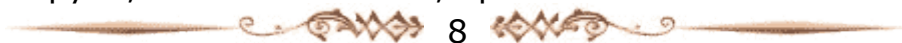
Бруно не остановился и не обернулся, пока не добрался до окна, которое — о счастье! — оказалось достаточно низким, чтобы он смог выглянуть на улицу. А выглянув, увидел машину, на которой они приехали, а кроме нее еще три-четыре автомобиля, принадлежавших военным, работавшим под началом отца. Несколько военных торчали во дворе, они курили,

пересмеивались и время от времени с тревогой поглядывали на дом. Выезд со двора почти сразу превращался в дорогу, огибавшую лес, — вот куда бы хорошо отправиться в исследовательскую экспедицию, отметил про себя Бруно.

— Будь любезен, объясни наконец, в чем дело? — строго потребовала Гретель.

— Там лес, — сообщил Бруно.

— Бруно! — рявкнула Гретель и столь решительно направилась к брату, что Бруно, отскочив от окна, прижался спиной к стене.

— Что? — спросил он, притворяясь, будто не понимает, о чем идет речь.

— Местные дети, — напомнила Гретель. — Ты сказал, что они не слишком дружелюбны.

— Ну, они такими кажутся. — Бруно не хотелось до личного знакомства со здешними ребятами судить их по внешнему виду; мама не раз предостерегала его от этого.

— Откуда здесь дети? — допытывалась Гретель. — Где они?

Бруно улыбнулся и двинулся к двери, делая знак Гретель следовать за ним. Сестра испустила глубокий вздох, но приглашение приняла. На миг она задержалась у кровати, чтобы положить на нее куклу, но передумала. В комнату брата она вошла, прижимая куклу к груди, но тут ее едва не сбила с ног Мария — горничная выбежала из комнаты, держа в руке нечто, сильно смахивавшее на дохлую мышь.

— Вон там. — Бруно уже стоял у окна. Он даже не позаботился проверить, рядом ли Гретель, настолько был поглощен разглядыванием детей. На какое-то время он напрочь позабыл о сестре.

Гретель вовсе не спешила к окну, хотя ей ужасно хотелось убедиться в правоте брата либо уличить его во лжи. Но что-то в его голосе и в том, как он смотрел в окно, встревожило ее. Бруно еще ни разу не удалось обмануть сестру, и она была почти уверена, что и сейчас он не водит ее за нос, но, глядя на Бруно, она вдруг почувствовала, что сама не знает, хочет ли на самом деле увидеть этих детей. Нервно сглотнув, она помолилась про себя: пусть Господь вернет их в Берлин сразу же, как только обозримое будущее превратится в обычное настоящее, а не через месяц, как считает Бруно.

— Ну что же ты? — Бруно обернулся. Сестра стояла в дверях, вцепившись в куклу, золотистые косы Гретель понуро спускались на плечи — самое время дернуть за них. — Не хочешь посмотреть?

— Конечно, хочу. — Гретель неуверенно шагнула к окну. — Отойди, загораживаешь, — приказала она, локтем отпихивая брата.

Их первый день в Аж-Выси выдался теплым и погожим. В тот момент, когда Гретель приблизилась к окну, из-за облака вынырнуло солнце, но скоро глаза привыкли к свету, да и солнце опять скрылось, и Гретель увидела именно то, о чем говорил Бруно.

Глава четвертая

Что они увидели в окно

Правда, там были вовсе не дети. По крайней мере, не только они.

Маленькие мальчики и рослые парни, отцы и дедушки и наверняка дядюшки с двоюродными братьями. А еще люди совсем без родственников,

которые бродили сами по себе, путаясь у всех под ногами. Словом, кого там только не было.

— Кто это? — выдохнула Гретель. Настал ее черед таращить глаза и складывать губы буквой О. — И что это за место?

— Точно не знаю, — ответил Бруно, чувствуя, что фантазиям сейчас не время. — Но здесь не так хорошо, как дома. В чем, в чем, а в этом я уверен.

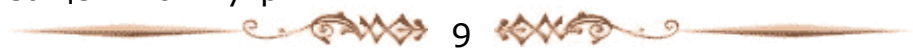
— А где девочки? — продолжала удивляться Гретель. — И мамы? И бабушки?

— Может, они живут где-нибудь подальше, — предположил Бруно. Гретель кивнула. Больше всего ей хотелось отвернуться от окна, но зрелище словно заорожило. Из своего окна она видела только лес, слегка мрачноватый, но вполне пригодный для пикников, если, конечно, в нем отыщется поляна неподалеку. Но с этой стороны дома открывался совершенно другой вид.

Впрочем, начиналось все довольно мило. Прямо под окном был разбит большой сад, полный цветов. Они росли ровными рядами, и за ними явно хорошо ухаживали, будто понимали, что выращивать цветы в таком месте доброе дело, как выставлять горящую свечу под карнизом замка, когда на окружающие топи опускается темная зимняя ночь.

За цветочными грядками пролегла асфальтированная дорожка с деревянной скамейкой — тут, наверное, хорошо сидеть, греясь на солнышке и читая книгу. К спинке скамейки крепилась табличка, но с такого расстояния Гретель не удалось прочесть, что на ней написано. Скамейка была повернута к дому, что выглядело бы довольно странно, если бы не привходящие обстоятельства, Гретель сразу сообразила, почему скамью расположили именно так.

Метрах в десяти от сада, цветов и скамейки с табличкой обстановка резко менялась. Параллельно дому тянулась мощная ограда из проволоки, изгибаясь с обеих сторон и уходя куда-то вдаль, так далеко, что невозможно было различить, где она заканчивается. Ограда была очень высокая, даже выше, чем дом, и держалась на деревянных столбах, напомиавших телеграфные. Поверху она была утыкана огромными мотками колючей проволоки, закрученной в спирали, и Гретель, глядя на острые шипы, торчавшие повсюду, почувствовала вдруг, как у нее что-то защемило внутри.

За оградой травы не было, и вообще никакой зелени на обозримом пространстве не наблюдалось. Кругом простирался грязный песок, и сколько Гретель ни напрягала зрение, она не увидела ничего, кроме низеньких домишек, каких-то длинных строений, похожих на склад, и нескольких зданий с печными трубами в отдалении. Она открыла рот, намереваясь высказаться, но поняла, что ей не хватает слов, чтобы описать свое изумление, поэтому, не придумав ничего более разумного, просто закрыла рот.

— Ну как? — Бруно, внимательно наблюдавший за сестрой, чувствовал себя победителем. Что бы там ни было — и кем бы ни оказались эти люди, — он увидел все это первым и может смотреть на это, когда захочет, часами, потому что вид на проволочную ограду и все то, что за ней,

открывается из его комнаты, а не из комнаты сестры, а значит, принадлежит ему и только ему. Он здесь король, Гретель же — его вассал. — Ничего не понимаю, — ответила Гретель. — Зачем кому-то понадобилось строить такие отвратительные здания?

— Отвратительные, да, — согласился Бруно. — По-моему, в этих домишках не больше одного этажа. Посмотри, какие они низенькие.

— Наверное, это современные дома, — предположила Гретель. — Папа ненавидит все современное.

— Тогда они ему не понравятся, — заметил Бруно.

— Нет.

Гретель по-прежнему стояла у окна не шевелясь. Ей было двенадцать лет, ее считали одной из самых умных девочек в классе, поэтому, поджав губы и прищурившись, она приказала голове сообразить, на что же смотрит ее хозяйка. Голова выдала лишь одно-единственное объяснение.

— Думаю, это деревня, — объявила Гретель, с торжествующим видом обращаясь к брату.

— Деревня?

— Да, ничего иного быть не может. Как ты не понимаешь, дома, в Берлине, мы живем в городе. Вот почему там так много людей, домов и школы забиты детьми, а в субботу днем, когда идешь по центру города, на улицах страшная толкотня.

— М-м... — промычал Бруно, стараясь вникнуть в ее слова.

— Но на уроке географии нам рассказывали, что в деревне, где обитают крестьяне и животные и где выращивают продукты, существуют бескрайние пространства, вроде того, что мы видим за окном. Люди там живут, работают и посылают нам продукты. — Она опять поглядела в окно на бескрайнее пространство, расстилавшееся перед ними, на дома, отделенные изрядным расстоянием друг от друга. — Точно. Это деревня. А это наш загородный дом, — с воодушевлением добавила она.

Поразмыслив, Бруно покачал головой.

— Нет, не деревня, — твердо произнес он.

— Тебе всего лишь *девять*, — парировала Гретель. — Откуда тебе знать? Вот когда дорастешь до моих лет, научишься лучше разбираться в том, что происходит вокруг.

— Может, и так, — уклончиво отозвался Бруно. Гретель старше, и с этим он не спорил, но категорически отказывался принимать на веру любое утверждение сестры. — Если мы в деревне, как ты говоришь, то где животные? Или ты про них забыла?

Гретель опять открыла рот, но подходящего ответа не нашлось, поэтому она снова уставилась в окно, выискивая за оградой животных, но их там не обнаружилось.

— У них должны быть коровы, и свиньи, и овцы, и лошади, — подсказывал Бруно. — То есть если эти люди — крестьяне. Не говоря уж о курах и утках.

— Но их тут нет, — тихо констатировала Гретель.

— А если они выращивают еду, — продолжал Бруно, в кои-то веки наслаждаясь беседой с сестрой, — тогда и земля у них должна быть другой. Что можно вырастить в такой грязи?

Бросив взгляд в окно, Гретель кивнула. Не дурочка же она какая-нибудь, чтобы *всегда* настаивать на своей правоте, особенно когда факты явно против нее.

— Значит, это не крестьянское хозяйство, — сказала она.

— Нет, — подхватил Бруно.

— Следовательно, это не может быть деревней, — развивала мысль Гретель.

— Нет, не может.

— И получается, что это, скорее всего, не наш загородный дом, — заключила Гретель.

— Скорее всего, нет, — подвел итог Бруно.

Он опустил на кровать, и на миг ему захотелось, чтобы Гретель села рядом, обняла его и сказала, что все будет хорошо, что рано или поздно они полюбят это место и забудут думать про Берлин. Но сестра все еще смотрела в окно, и на этот раз не на цветы, и не на асфальтированную дорожку, и не на скамейку с табличкой, и даже не на высокую ограду с телеграфными столбами и мотками колючей проволоки, и не на бескрайнее пространство за оградой с домишками, длинными зданиями и печными трубами, — она смотрела на людей.

10

— Кто эти люди? — произнесла она очень тихо, словно задавала вопрос не брату, но кому-то другому. — И что они там делают?

Бруно поднялся, и впервые они встали вместе у окна, плечом к плечу, пристально глядя на то, что происходило не более чем в двадцати метрах от их нового дома.

Всюду, куда ни бросишь взгляд, были люди — большие, маленькие, старые, молодые, — и все они как-то суетливо передвигались. Правда, некоторые, сбившись в группы, стояли совершенно неподвижно, вытянув руки по швам и стараясь держать голову прямо, а мимо них вышагивал солдат, открывая рот и мгновенно закрывая, словно он кричал им что-то.

Другие, образуя нечто вроде цепочки, толкали перед собой тачки; они появлялись со своими тачками неведомо откуда, потом сворачивали за угол какого-нибудь строения и опять пропадали из виду. Перед домишками отирались горстки людей, они не разговаривали друг с другом, но смотрели себе под ноги, словно играли в какую-то игру и не желали, чтобы их застукали за этим занятием. Попадались люди на костылях, а еще больше с повязками на голове. Некоторые шли строем с лопатами в руках, и вели их солдаты, но куда они направлялись, невозможно было определить.

Перед Бруно и Гретель копошились сотни людей, но дети могли охватить взглядом лишь небольшую часть домишек, пространство же за оградой простиралось так далеко, теряясь в туманной дымке, что, возможно, людей там было не сотни, а тысячи.

— И все они живут прямо у нас под боком, — нахмурилась Гретель. — В Берлине на нашей милой тихой улочке всего-навсего шесть домов. А здесь их не сосчитать. И зачем папа перевелся на новую работу в таком противном месте, где вдобавок полно соседей? Ума не приложу.

— Глянь вон туда.

Гретель посмотрела туда, куда указывал пальцем брат, и увидела группу детей, которые выходили из домика, стоявшего в отдалении. Дети жались друг к другу, на них кричали солдаты. И чем больше на них кричали, тем теснее они прижимались к товарищам, но затем один из солдат бросился к ним, и они отцепились друг от друга, наконец сделав то, чего, похоже, от них добивались, — выстроились в ряд. После чего солдаты начали смеяться и аплодировать.

— Наверное, это репетиция, — догадалась Гретель, игнорируя то обстоятельство, что кое-кто из детей, даже те, что постарше, даже такие же взрослые, как она сама, похоже, плакали.

— Я же говорил, что тут есть дети, — сказал Бруно.
— Но не такие, с кем я захочу играть, — решительно объявила сестра. — Они грязнули. Хильда, Изабель и Луиза принимают ванну каждое утро, как и я. А эти дети выглядят так, будто никогда в жизни не мылись в ванне.
— Там и вправду очень грязно, — заметил Бруно. — Но может быть, у них нет ванн?
— Какой же ты дурак! — воскликнула Гретель, хотя ей постоянно твердили, что нельзя называть брата «дураком». — Что это за люди, у которых нет ванн?
— Не знаю, — задумался Бруно. — Это люди, у которых нет горячей воды!
Гретель еще несколько секунд смотрела в окно, потом передернула плечами и отвернулась.
— Я возвращаюсь к себе рассаживать кукол. Из моей комнаты вид несравненно приятнее. С этими словами она удалилась, пересекла коридор, вошла в свою комнату, закрыла за собой дверь, но не взялась сразу же за кукол. Вместо этого Гретель села на кровать, и множество самых разных мыслей промелькнуло в ее голове.
А брат ее напоследок задумался вот о чем. Наблюдая за сотнями людей, занятых своим делом, он отметил, что все они — маленькие мальчики, рослые парни, отцы, дедушки, дядюшки и одиночки, бродившие сами по себе с таким потерянным видом, будто у них не было никаких родственников, — все они одеты совершенно одинаково: серая полосатая пижама и серая полосатая шапочка на голове.
— Очень странно, — пробормотал Бруно, прежде чем отойти от окна.

Глава пятая

Вход воспрещен в любое время суток и заруби себе на носу

Поговорить с отцом — иного выхода не было.
Утром из Берлина они выехали без папы. Он покинул дом раньше, вечером того дня, когда Бруно, вернувшись из школы, застал Марию, рывшуюся в его вещах, даже в тех, что были запрятаны в самую глубину шкафа, чтобы никто не вздумал к ним прикасаться. В последующие дни мама, Гретель, Мария, повариха, Ларс и Бруно только и делали, что набивали коробки и составляли их в большой грузовик, который должен был отвезти багаж в Аж-Вьсь.
Утром, накануне отъезда из Берлина, когда дом опустел и совсем не походил на настоящий дом, когда все до единой вещички, принадлежавшие им, были упакованы в чемоданы, коробки и сундуки, перед их дверью затормозила служебная машина с красно-черными флажками.

Мама, Мария и Бруно последними выходили из дома, и тут Бруно смекнул, что мама не замечает присутствия горничной, потому что, обведя глазами на прощанье голые стены прихожей, той самой прихожей, где с ними происходило столько всего веселого и интересного, где в декабре ставили рождественскую елку, где зимой сушились зонтики на подставке, где Бруно был обязан оставлять свои грязные ботинки, чего он сроду не делал, — мама, обведя глазами прихожую, покачала головой и произнесла нечто странное.
— Не надо было устраивать обед в честь Фурора. Ох уж эти кое-кто, которым неймется пробиться наверх.
Произнеся эти слова, мама обернулась — Бруно заметил слезы в ее глазах — и вздрогнула, обнаружив в прихожей горничную, пристально смотревшую на нее.
— Мария! — изумилась мама. — Я думала, ты в машине.
— Уже выхожу, — ответила Мария.
— Я не то хотела... — снова заговорила мама, но осеклась, тряхнула головой и начала сначала: — Я не то имела в виду...
— Уже выхожу, — повторила горничная, которая, очевидно, не знала правила, запрещавшего перебивать маму. Торопливо переступив порог, она побежала к машине. Мама наморщила лоб, а потом вскинула голову и пожала плечами, словно случившееся уже не имело никакого значения.

— Что ж, Бруно, идем. — Она взяла сына за руку и заперла входную дверь. — Будем надеяться, что настанет день, когда все это закончится и мы снова вернемся сюда. Служебная машина с флажками отвезла их на вокзал, где на двух путях, разделенных широкой платформой, стояли поезда в ожидании пассажиров. По платформе непрерывно маршировали солдаты, а вдобавок неподалеку находилась будка стрелочника, следившего за путями, поэтому Бруно обратил внимание на толпу людей, осаждавших поезд напротив, лишь когда вместе с родными забирался в вагон. В их вагоне было очень уютно, просторно и полно свободных мест, а когда опустили окна, в вагоне повеяло свежим дуновением ветерка. Если бы поезда шли в разных направлениях, недоумевал Бруно, в толпе напротив не было ничего удивительного, но оба поезда были нацелены головой на восток. Бруно уже собрался выскочить на платформу и рассказать тем людям о свободных местах в их вагоне, но одернул себя: что-то подсказывало ему, что если мама не рассердится, то Гретель уж наверняка разъярится, а это было бы еще хуже.

После прибытия в Аж-Высь, в их новый дом, Бруно еще не видел отца. Сперва, когда закрипела дверь в комнату отца, Бруно подумал, что папа у себя, но оказалось, что там никого нет, кроме строгого молодого солдата, смерившего Бруно взглядом, лишенным всякой теплоты. Нигде не было слышно раскатистого отцовского голоса, ниоткуда не доносился тяжелый стук его сапог по половицам. Правда, по дому все время сновали какие-то люди, и пока Бруно рассуждал сам с собой, как же ему лучше всего поступить, он услышал непонятный шум внизу, вышел в коридор и перегнулся через перила.

Внизу дверь в кабинет отца стояла открытой, а перед ней толпилось пятеро мужчин, они смеялись и пожимали друг другу руки. Центром этой компании был отец, в свежееотутюженной форме он выглядел очень здорово. Его густые темные волосы, явно набрильянтиненные, лежали волосок к волоску, и Бруно, глядя на отца сверху, испытывал одновременно страх и восхищение. Другие мужчины понравились ему куда меньше. Они были далеко не так красивы, как отец, и голоса у них не звучали так раскатисто, и сапоги не блестели. Все они держали фуражки в согнутой руке и, казалось, соревновались за внимание отца. Стоя на площадке второго этажа, Бруно из их разговора смог разобрать лишь несколько фраз.

— ...Ошибался с самого начала, с первого же дня. Дошло до того, что Фурору ничего не оставалось, как... — сказал один.

— ...Дисциплина! — восклицал другой. — И эффективность. С сорок второго года нам недостает эффективности, а без этого...

— ...Цифры ясно свидетельствуют... Абсолютно ясно, господин комендант, — бубнил третий.

— ...А если мы построим еще один, — размечтался четвертый, — мы сможем многого добиться... только представьте себе!

Отец поднял руку, и этот жест немедленно заставил всю компанию умолкнуть, словно отец дирижировал любительским оркестром.

— Господа. — На этот раз Бруно расслышал каждое слово, потому что не родился еще на свет человек, которого было бы так же хорошо слышно везде и всюду — пусть даже на другом конце дома, как его папу. — Я очень ценю ваши предложения и поддержку. И что было, то прошло. Мы с вами начинаем почти с чистого листа и начинаем прямо с завтрашнего утра, проволочки нам ни к чему. А пока я, пожалуй, помогу родным устроиться на новом месте, иначе у меня возникнет столько же проблем дома, сколько у них за его пределами. Вы меня понимаете?

Мужчины расхохотались и принялись трясти папину руку. На прощанье они выстроились в ряд, напомнив Бруно оловянных солдатиков, и их руки взметнулись в том самом приветствии, которому отец учил сына: резко поднять вверх раскрытую ладонь с прижатым большим пальцем и прокричать два слова. Бруно знал, что, когда к тебе обращаются с этими словами, нужно отвечать тем же, — отец и этому его научил. Потом гости ушли, а папа

вернулся к себе в кабинет, куда для Бруно «вход был воспрещен круглые сутки и заруби себе на носу».

Медленно спустившись по лестнице, Бруно застыл в нерешительности перед дверью в кабинет. Ему было грустно оттого, что за все время, что они здесь находятся, отец не пришел к нему поздороваться. Такое и раньше бывало, и тогда Бруно говорили, что папа очень занят и его нельзя беспокоить всякими глупостями вроде желаний поздороваться. Но теперь, когда военные ушли, Бруно подумал, что ничего страшного не произойдет, если он постучится в дверь.

В Берлине его допускали в кабинет отца всего раза два-три за всю жизнь, и обычно причиной тому было его дурное поведение, а следовательно, и настоятельная необходимость серьезно с ним поговорить. Правило, касавшееся кабинета отца, было одним из самых важных правил, усвоенных Бруно, и он был не настолько глуп, чтобы вообразить, будто в Аж-Выси оно не действует. Но поскольку он не видел отца уже почти неделю, Бруно решил, что никто не станет возражать, если он постучится.

Он осторожно стукнул в дверь. Дважды и очень тихо.

Либо отец не услышал, либо стук прозвучал недостаточно громко, но дверь Бруно не открыли. Тогда он стукнул погромче, и сразу же из кабинета донесся раскатистый голос: «Войдите!»

Бруно повернул дверную ручку, переступил порог и замер в привычной позе: глаза широко раскрыты, рот сложен буквой О, руки разведены. Во всем остальном доме было темновато, мрачновато и совершенно нечего исследовать, но только не в этой комнате. Прежде всего, здесь был высокий потолок, а в ковре, лежавшем на полу, Бруно мог бы утонуть. Стен почти не было видно, их заслоняли темные полки красного дерева, заставленные книгами, точно как в библиотеке их берлинского дома. Стены напротив, можно сказать, и не существовало вовсе, вместо нее зияли два огромных окна, выходящих в сад, — вот где, наверно, хорошо сидеть, погрузившись в кресло, и любоваться видом. А посреди всего этого за массивным дубовым столом восседал отец. Когда Бруно вошел, он оторвался от бумаг и широко улыбнулся.

— Бруно. — Отец встал из-за стола и по-мужски пожал сыну руку. Папа был не из тех, кто обнимается, не то что мама или бабушка, которые тискали Бруно даже слишком часто, немного смущая мальчика и в придачу сопровождая объятия слюнявыми поцелуями. — Сынок, — добавил отец, помолчав.

— Здравствуй, папа, — тихо поздоровался Бруно, сраженный великолепием комнаты.

— Я как раз собирался подняться к тебе, честное слово, — сказал отец. — Мне надо было лишь закончить совещание и написать письмо. Как вы добрались?

— Хорошо, папа.

— Ты помогал маме и сестре собирать вещи?

— Да, папа.

— Тогда я горжусь тобой, — одобрительно произнес отец. — Присаживайся, не стесняйся.

Он указал на просторное кресло перед письменным столом, и когда Бруно забрался в него, его ноги слегка не доставали до пола. Отец же, вернувшись на свое место, воззрился на сына. Оба молчали. Первым тишину нарушил отец:

— Итак, что ты думаешь?

— Что я думаю? — переспросил Бруно. — О чем?

— О твоём новом доме. Он тебе нравится?

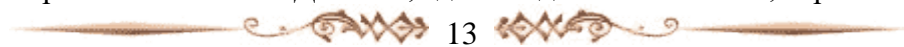
— Нет, — поторопился ответить Бруно. Замешкайся он хоть на секундочку, и у него не хватило бы смелости сказать то, что он на самом деле думает. — По-моему, нам нужно вернуться домой, — отважно закончил он.

Отец по-прежнему улыбался; правда, может быть, уже не столь широко. Он опустил глаза на бумаги, лежавшие перед ним на письменном столе, словно хотел собраться с мыслями, прежде чем продолжить разговор, но очень скоро опять посмотрел на сына.

— Но мы дома, Бруно, — мягко произнес он. — Аж-Высь и есть наш новый дом.

— А когда мы сможем вернуться в Берлин? — От слов отца у Бруно сжалось сердце. — Там намного лучше.

— Ну, ну. — Отец явно не желал обсуждать возвращение в Берлин. — Давай не будем это обсуждать. Ведь дом — не просто улица, или город, или даже здание, сложенное из кирпичей и извести. Дом там, где находится твоя семья, верно?

— Да, но...

— А наша семья здесь, в Аж-Выси. Ergo, это наш дом.

Бруно не знал, что означает ergo, но ему и не нужно было знать, потому что он уже сообразил, как по-умному ответить отцу.

— Но дедушка и бабушка остались в Берлине, — сказал он. — А они ведь тоже наша семья. Значит, это не может быть нашим домом.

Отец задумался, склонив голову набок. Прошло немало времени, прежде чем он снова заговорил.

— Да, Бруно, это так. Но ты, я, мама и Гретель — самые важные люди в нашей семье. И мы четверо отныне живем здесь, в Аж-Выси... И не надо так расстраиваться! (Вид у Бруно был и впрямь очень расстроенный.) Ты даже не успел осмотреться вокруг. Весьма вероятно, что тебе здесь понравится.

— Не понравится, — угрюмо ответил Бруно.

— Послушай... — В голосе отца послышались усталые нотки.

— Карла здесь нет, и Даниэля, и Мартина, и никаких других домов поблизости, и лотков с овощами и фруктами, нет улиц и кафе со столиками на тротуаре, и некому непрерывно толкать тебя в субботний день.

— Бруно, иногда жизненные обстоятельства не оставляют нам выбора, вынуждая делать то, что нам, возможно, не по душе. — Бруно понял, что их разговор начинает надоедать отцу. — И боюсь, мы оказались именно в таких обстоятельствах. У меня новая работа. Важная работа. Важная для нашей страны. Важная для Фурора. Когда-нибудь ты поймешь.

— Я хочу домой. — Бруно почувствовал, как на глаза набегают слезы. Он хотел лишь одного: чтобы отец уразумел наконец, как ужасен этот Аж-Высь, и согласился уехать отсюда сейчас же и навсегда.

— Ты должен понять, что здесь мы *дома*, — к разочарованию Бруно, ответил отец. — И в обозримом будущем ничего иного не предвидится.

На мгновение Бруно закрыл глаза. В жизни ему не часто случалось так упорно настаивать на своем, и, уж конечно, он еще никогда не являлся к отцу с намерением уговорить его изменить свое решение, но мысль о том, чтобы остаться здесь, чтобы жить в этом жутком месте, где не с кем даже играть, была слишком невыносима. Когда он открыл глаза, отец сидел в кресле рядом с ним — Бруно не слышал, как он встал из-за стола. Мальчик наблюдал, как его папа открывает серебряный портсигар, достает сигарету и разминает в пальцах, прежде чем закурить.

— Помню, когда я был маленьким, — сказал отец, — мне не хотелось делать некоторые вещи, но когда отец говорил, что всем будет лучше, если я это сделаю, я собирался с духом и выполнял то, что мне велели.

— Что ты не хотел делать? — любопытно спросил Бруно.

— Ну, не знаю, — пожал плечами отец. — Да и не о том речь. Я был всего лишь ребенком и не понимал, что пойдет мне во благо, а что во вред. Иногда, к примеру, я не хотел сидеть дома и делать уроки. Я рвался на улицу играть с друзьями, вот как ты сейчас, а теперь, оглядываясь назад, я вижу, насколько был глуп.

— Значит, ты понимаешь, каково мне. — В душе Бруно затеплилась надежда.

— Да, но я также понимаю моего отца, твоего дедушку. Ему было лучше знать, что будет для меня полезнее, и если я поступал так, как он считал нужным, сразу становилось так легко на душе. Неужто ты полагаешь, что я добился бы успеха в жизни, не научись я твердо

различать, когда требуется отстаивать свою точку зрения, а когда — помалкивать и выполнять приказы? А, Бруно?

Бруно огляделся. Его взгляд упал на угловое окно, и сквозь стекло он увидел тоскливый пейзаж с оградой и проволокой.

— Ты совершил какой-то промах? — спросил он после паузы. — И этим рассердил Фурора?

— Я? — Отец удивленно уставился на него. — С чего ты взял?

— Что-нибудь испортил? Знаю, все говорят, что ты важная фигура и что у Фурора на твой счет большие планы, но разве послал бы он тебя в такое место, если бы не хотел за что-то наказать?

Отец рассмеялся, и Бруно огорчился еще сильнее: ничто так не бесило его, как смех взрослых, которые потешаются над его невежеством, особенно когда он пытается выяснить что-нибудь, задавая вопросы.

— Ты не осознаешь значение моей новой должности, — сказал отец.

— Ну, я не думаю, что ты очень хорошо работал, если нам пришлось бросить наш красивый дом и наших друзей и переехать в это отвратительное место. Я думаю, что ты сделал что-то неправильное, и тебе надо пойти и попросить прощения у Фурора, и тогда, может быть, все уладится. Он простит тебя, если ты искренне раскаешься.

Бруно не успел как следует поразмыслить над тем, что он скажет отцу, но слова уже сорвались у него с языка, и теперь, когда они закачались в воздухе, его одолевали сомнения: кажется, отцам такого не говорят. Но вот они, слова, уже сказанные, и не в его силах вернуть их обратно. Бруно испуганно проглотил слюну. Отец молчал, и спустя несколько секунд Бруно искоса взглянул на него — отец смотрел на сына с каменным выражением лица. Мальчик облизнул губы и отвернулся. Он чувствовал, что сейчас не время затевать с отцом игру в гляделки.

Тяжелое молчание длилось минуты две-три, затем отец медленно поднялся с кресла и направился к своему рабочему месту, сигарету он оставил в пепельнице.

— Любопытно, что это было: смелый поступок с твоей стороны или всего лишь неуважение. — Голос отца звучал тихо и спокойно, словно он разговаривал сам с собой. — Возможно, мне следует тебя похвалить.

— Я не хотел...

— Но сейчас ты помолчишь и послушаешь меня, — повысив голос, перебил отец, ведь правила, принятые в нормальной семье, на него не распространялись. — Я старался щадить твои чувства, Бруно, потому что понимаю: переезд дался тебе тяжело. И я внимательно выслушал тебя, хотя молодость и неопытность подталкивали тебя к неподобающим выражениям. И ты не мог не заметить, что я не отреагировал ни на одно из твоих дерзких высказываний. Но настал момент, когда тебе придется просто смириться с тем...

— Не хочу смириться! — закричал Бруно и ошалело заморгал. У него и в мыслях не было выкрикнуть такое. Он не переставал удивляться самому себе.

На всякий случай Бруно подобрался, изготовившись дать деру. Но похоже, сегодня отца ничем нельзя было разозлить, — и если бы Бруно был честен с самим собой, он бы признал, что отец крайне редко злился; наоборот, он становился непробиваемо спокойным и недостижимым, и в результате всегда брал верх. Вот и теперь, вместо того чтобы накричать на сына, а потом гоняться за ним по дому, отец лишь покачал головой, давая понять, что их спор окончен.

— Возвращайся к себе, Бруно. — Невозмутимый тон отца означал: возражать бесполезно.

Бруно встал, опасаясь, что вот-вот расплачется от бессилия. У двери он задержался и, обернувшись, задал последний вопрос.

— Папа... — начал он.

— Бруно, я не желаю... — раздраженно оборвал его отец.

— Я о другом хочу тебя спросить, — поспешно заверил Бруно. — Совсем о другом.

Отец вздохнул, что означало: Бруно позволено задать вопрос, но на этом все препирательства прекращаются.

Бруно хорошенько обдумал свой вопрос, тщательно подобрал слова, ему не хотелось, чтобы его обвинили в грубости или нахальстве.

— Кто эти люди, что тут живут?

Вопрос слегка озадачил отца.

— Военные, Бруно. И секретари. Мои подчиненные. Ты почти всех видел и раньше.

— Нет, я не о них. Люди, которых я видел из окна в моей комнате. Там, чуть подальше, в таких низеньких длинных домах. Они все одинаково одеты.

— Ах, эти. — Отец взмахнул рукой и коротко улыбнулся. — Эти люди... Видишь ли, Бруно, они и не люди вовсе.

Такого поворота Бруно никак не ожидал и совершенно не мог взять в толк, что отец имеет в виду.

— Разве? — вымолвил он.

— По крайней мере, не в нашем понимании, — продолжал отец. — Но тебя их присутствие не должно беспокоить. К тебе они не имеют никакого отношения. И ничего общего с тобой у них нет и не может быть. Обживайся в своем новом доме и веди себя хорошо — вот все, чего я прошу. Смирись с положением, в котором ты оказался, и тебе станет намного легче.

— Да, папа, — отозвался Бруно. Объяснения отца его не удовлетворили.

Он открыл дверь, но его окликнули. Отец стоял и смотрел на него, приподняв бровь, словно сын о чем-то позабыл. Бруно тотчас же вспомнил, стоило отцу подать знак, и отчеканил заученную фразу, совсем как взрослый.

Он вытянулся в струну, вскинул правую руку, щелкнул каблуками и выговорил четко и звучно, насколько мог, — изо всех сил стараясь походить на отца, — те самые слова, которыми тот всегда прощался с военными:

— Хайль Гитлер!

В представлении Бруно, это был еще один способ сказать: «Что ж, до свидания и всего хорошего».

Глава шестая

Горничная, которая им дорого обходится

Дня два спустя Бруно лежал на кровати в своей комнате, пялясь в потолок. Побелка потрескалась и отваливалась кусками. В их берлинском доме такого безобразия никогда не бывало, краска и штукатурка лежали ровно и подновлялись каждый год, летом, когда мама приглашала маляров. Бруно лежал, глазел на затянутые паутиной трещины и, щурясь, пытался высмотреть, что в них прячется. Ему чудилось, что в промежутках между побелкой и потолком обитают насекомые, это они разрушают потолок, усердно прогрызают трещины, в которые они могли бы протиснуться и выползти наружу, а потом сбежать через окно. Никто, подумал Бруно, даже насекомые не хотят жить в Аж-Выси.

— Все здесь ужасно, — громко сказал он, хотя некому было его услышать. Но оттого, что он произносил вслух свои мысли, ему становилось как-то полегче. — Ненавижу этот дом. Ненавижу эту комнату и побелку тоже ненавижу. Все здесь мне противно. Все без исключений.

Стоило ему закончить свою речь, как в комнату вошла Мария со стопкой его одежды, выстиранной, высушенной и отглаженной. Увидев Бруно на кровати, она остановилась в нерешительности, но затем, потупившись, молча направилась к шкафу.

— Добрый день, — приветствовал ее Бруно.

Хотя беседовать с горничной — далеко не то же самое, что болтать с друзьями, но больше ему не с кем было поговорить, и лучше уж обзавестись собеседником, чем разговаривать с самим собой. Гретьель куда-то пропала, и Бруно уже начал беспокоиться, как бы не тронуться умом со скуки.

— Здравствуй, Бруно, — отозвалась Мария, раскладывая его одежду — майки, брюки, белье — по разным ящикам и разным полкам.

— Подозреваю, перемены в нашей жизни не радуют тебя так же, как и меня, — сказал Бруно. Мария обернулась. Судя по выражению ее лица, она не понимала, к чему он клонит. — Все это, — пояснил Бруно, садясь в кровати и обводя рукой комнату. Все здесь. Ужасно, правда? Тебя не тошнит от этого места?

Мария собралась что-то сказать, но задумалась, подыскивая подходящие слова, и в итоге вовсе отказалась от этой затеи, крепко сомкнув губы. Бруно знал ее почти всю свою жизнь — она поступила к ним, когда ему было три года, — и в целом он с ней ладил, но Мария никогда не проявляла каких-либо признаков живого существа. Она просто работала, полировала мебель, стирала белье, помогала закупать продукты и стирать, иногда отводила его в школу и забирала оттуда. Правда, такое случалось, когда Бруно было восемь лет; когда же ему исполнилось девять, он счел себя достаточно взрослым, чтобы добираться до школы и обратно самостоятельно.

— Разве тебе здесь не нравится? — подала наконец голос Мария.

— Нравится? — Бруно издал смешок. — Нравится? — повторил он погромче. — Конечно, нет! Здесь мерзко. Заняться нечем, не с кем поговорить, не с кем играть. Неужто ты рада, что мы переехали сюда? Рада? Ни за что не поверю!

— Мне не хватает берлинского сада, — ответила Мария, но на совсем другой вопрос. — Иногда, в теплую погоду, я любила там сидеть в обеденный перерыв у пруда в беседке, увитой плющом. Там были такие чудесные цветы. И запахи. Над цветами кружились пчелы, но к человеку они никогда не пристанут, если их не трогать.

— Значит, тебе здесь не нравится? — допытывался Бруно. — Тебе здесь плохо, как и мне?

Мария нахмурилась.

— Это неважно.

— Что неважно?

— Мое мнение.

— Конечно, важно, — рассердился Бруно. Она будто нарочно его изводит. — Ты ведь член семьи, правда?

— Не уверена, что твой отец согласится с этим утверждением. — Слова Бруно тронули ее, и она даже позволила себе улыбнуться.

— Значит, так. Тебя привезли сюда против твоей воли, как и меня. И вот что я тебе скажу: мы все в одной лодке, и эта лодка течет.

На миг Бруно показалось, что вот сейчас Мария и впрямь скажет, что же она на самом деле думает. Она положила неразобранную одежду на кровать и сжала пальцы в кулак, словно ее что-то сильно разозлило. Открыла рот, но так и замерла, будто испугавшись того, что могла бы сказать, дай она себе волю.

— Пожалуйста, Мария, не молчи, — взмолился Бруно. — Ведь если мы все будем заодно, тогда мы сможем убедить папу отправить нас домой.

Не говоря ни слова, горничная отвернулась, уныло покачала головой, а потом опять посмотрела на Бруно.

— Твой отец хочет нам всем добра. Ты должен доверять ему.

— Но как я могу ему доверять? — возразил Бруно. — По-моему, он совершил страшную ошибку.

— Пусть так, но не нам судить.

— Когда я совершаю ошибки, меня наказывают, — не унимался Бруно. Выходит, правила, которые дети обязаны исполнять, взрослым нипочем (хотя именно они эти правила устанавливают), и это обстоятельство выводило Бруно из себя. — Папа — дурак, — добавил он едва слышно.

Мария вздрогнула, а затем шагнула к Бруно, в испуге прикрывая рот рукой. Она оглянулась на дверь, чтобы удостовериться, что в коридоре никого нет и никто не слышал слов Бруно.

— Никогда не говори так о своем отце.

— А почему нет? — Бруно было немного стыдно за то, что он сказал, но если никому нет дела до того, что он думает и чувствует, он не собирается сидеть и покорно выслушивать нотации.

— Потому что твой отец хороший человек. Очень хороший человек. Он заботится обо всех нас.

— Он притащил нас сюда, в это дикое место. И это ты называешь «заботиться»?

— Твой отец много чего сделал в своей жизни. Много такого, чем ты можешь гордиться. Если бы не он, где бы я была сейчас?

— В Берлине, где же еще, — разъяснил Бруно. — Работала бы в хорошем доме. Обедала под плющом и не трогала пчел.

— Помнишь, как я к вам пришла? — тихо спросила Мария, присаживаясь на край его кровати, чего раньше никогда не делала. — Впрочем, откуда тебе помнить, ты ведь был совсем маленький. Твой отец не прогнал меня, но помог, когда я нуждалась в помощи. Дал мне работу, дом, пищу. Ты и вообразить не можешь, каково это, когда тебе нечего есть. Ты ведь никогда не голодал, верно?

Бруно насупился. Как раз сейчас он бы с удовольствием заморил червячка, но, глянув на Марию, забыл про еду, вдруг сообразив, что ничего о Марии не знает, а ведь у нее наверняка есть своя жизнь, а у этой жизни своя история. Для него она всегда была только горничной в их семье, а кем она была раньше, он понятия не имел. Вряд ли он даже когда-нибудь видел ее одетой иначе, не в форменное платье горничной. Но если подумать, вот как он сейчас думает, то становится яснее ясно: ее жизнь не может складываться только из обязанностей прислуги. Наверняка у нее имеются какие-то мысли в голове, как и у него самого. И она скучает по чему-нибудь; по друзьям, к примеру, с которыми давно не виделась, как и он. И очень возможно, с тех пор как сюда приехала, она плачет ночью в подушку, прежде чем заснуть, словно ребенок (понятно, к Бруно это не относится, он уже слишком взрослый и мужественный, чтобы плакать). И она довольно симпатичная, отметил Бруно и при этом почувствовал себя немного странно.

— Моя мать знала твоего отца еще мальчиком, — не спеша продолжала Мария. — Она работала у твоей бабушки. Была ее костюмершей, когда та в молодости гастролировала по Германии. Мама подготавливала ей одежду для концертов — стирала, гладила, чинила. Изумительные платья, все до одного, и как пошиты, Бруно! Каждое — произведение искусства. Теперь таких портних поискать. — Она улыбнулась воспоминанию. Бруно, набравшись терпения, ее не торопил. — Когда твоя бабушка приходила в гримерную перед выступлением, платья уже были аккуратно развешаны и ждали ее. Потом твоя бабушка состарилась, прекратила давать концерты. Мама, конечно, продолжала с ней видеться и получала от нее небольшую пенсию. Но времена тогда были тяжелые, и твой отец предложил мне работу, тогда с работой тоже было туго. Спустя примерно полгода мама серьезно заболела, ей потребовался больничный уход, и твой папа все это устроил, хотя и не обязан был. Он заплатил за больницу из своего кармана только потому, что моя мать дружила с его матерью. По этой же причине он взял меня к себе в дом. А когда мама умерла, он полностью оплатил похороны. Поэтому не называй папу дураком, Бруно. По крайней мере, не при мне. Я запрещаю.

Бруно закусил губу. Он-то надеялся, что Мария поддержит его в борьбе за отъезд из Аж-Выси, но теперь он понял, кому она на самом деле предана. И если уж говорить начистоту, он даже гордился отцом, тем, как он повел себя с Марией и ее матерью.

— Ну, — протянул он, не зная, что сказать, чтобы не выглядеть глупо, — очень мило с его стороны.

— Да. — Мария встала, подошла к окну, к тому, из которого были видны склады и люди вокруг них. — Он всегда был добр ко мне, — говорила она, глядя вдаль на людей в пижамах и на солдат, исполнявших свою службу. — В душе он очень добрый, это правда, поэтому я и

не пойму... — Она по-прежнему смотрела вдаль. Внезапно голос ее дрогнул, и она умолкла; казалось, она сдерживает слезы.

— Не поймешь чего? — спросил Бруно.

— Зачем он... Как он может...

— Как он может *что*? — не отставал Бруно.

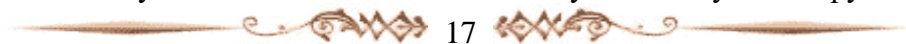
Внизу хлопнули дверью — с таким грохотом, что задрожал весь дом, будто выстрелили из ружья. Бруно подпрыгнул, а Мария вскрикнула. Потом они услышали шаги: кто-то поднимался по лестнице, тяжело ступая. Шаги приближались, и тогда Бруно забрался обратно на кровать и прижался к стене, ему вдруг стало страшно, словно ему грозила расправа. Он затаил дыхание в предчувствии неминуемой беды — но это была всего лишь Гретель. Она сунула голову в приоткрытую дверь и удивилась, застав брата и горничную за беседой.

— Что тут происходит? — поинтересовалась Гретель.

— Не твое дело, — огрызнулся Бруно. — Чего тебе надо? Вали отсюда.

— Сам вали, — парировала Гретель, хотя и находилась в его комнате. Затем, прищурясь, она пристально поглядела на горничную. — Налъешь мне ванну, Мария, ладно?

— Почему ты сама не нальешь себе ванну? — возмутился Бруно.

— Потому что у нас есть горничная. — Гретель в недоумении уставилась на брата. — Для этого ее и взяли.

— Ее *не для этого* взяли, — орал Бруно. Встав с кровати, он двинулся на сестру. — Она здесь не для того, чтобы делать все за нас. Особенно то, что мы и сами можем сделать. Гретель смотрела на него так, будто он рехнулся, потом перевела взгляд на Марию. Та торопливо закивала.

— Конечно, фрейлейн Гретель. Я только закончу разбирать одежду вашего брата и тотчас приду к вам.

— Надеюсь, мне не придется долго ждать.

Это прозвучало грубо. Впрочем, Гретель, в отличие от Бруно, еще не успела поразмыслить над тем, что Мария тоже человек и у нее есть чувства, как и у самой Гретель. Сестра твердым шагом удалилась в свою комнату, закрыв за собой дверь. Мария не смотрела ей вслед, но щеки у горничной порозовели.

— Я все еще думаю, что он совершил страшную ошибку, — вполголоса произнес Бруно. Ему хотелось извиниться за поведение сестры, но он не знал, как это сделать. В таких ситуациях он всегда испытывал неловкость, потому что в глубине души был убежден, что со всеми следует обращаться вежливо, даже если этот человек на тебя работает. В конце концов, хорошие манеры еще никто не отменял.

— Даже если ты так думаешь, не говори об этом вслух, — зашептала Мария, приближаясь к нему. Она явно намеревалась добиться от него послушания. — Обещай, что не станешь.

— Но почему? — обиделся Бруно. — Я только говорю, что думаю. Я ведь имею право на это, разве нет?

— Нет. Не имеешь.

— Мне нельзя говорить, что я думаю? — Бруно не верил своим ушам.

— Нет, — не сдавалась Мария. Она уже не шептала, но шипела. — Помалкивай, Бруно. Ты и представления не имеешь, сколько горя ты можешь принести. Нам всем.

Бруно смотрел на нее во все глаза. В ее взгляде сквозило нечто вроде безумной тревоги, такого он раньше никогда не замечал, и ему стало не по себе.

— Ладно, — пробормотал он, направляясь к двери. Ему вдруг сильно захотелось избавиться от общества горничной. — Я лишь сказал, что мне здесь не нравится, и все. Надо же нам было о чем-то поговорить, пока ты раскладывала вещи. Я не сбегу, и вообще ничего такого у меня и в мыслях нет. Хотя, если бы сбежал, это было бы только правильно.

— Ну да, а твои мама и папа сошли бы с ума, беспокоясь о тебе, — сказала Мария. — Бруно, если в тебе есть хоть капля разума, ты будешь молчать. Займись уроками и делай, что папа

скажет. Мы все обязаны соблюдать осторожность, пока все это не закончится. Во всяком случае, я именно так и собираюсь поступать. А что еще нам остается? Изменить мы ничего не в силах.

Внезапно и по совершенно необъяснимой причине Бруно испытал неодолимое желание заплакать. С чего бы это, удивился Бруно, и быстро заморгал, чтобы Мария ничего не заметила. Но когда он опять поймал ее взгляд, то подумал, что, наверное, сегодня что-то странное носится в воздухе — глаза Марии тоже были полны слез. Окончательно смутившись, Бруно повернулся к горничной спиной и поплелся к выходу.

— Ты куда? — окликнула его Мария.

— На улицу, — буркнул Бруно. — Куда хочу, туда и иду.

Он еле ноги волочил, но стоило ему выйти из комнаты, как скорости прибавилось. По лестнице он уже бежал во всю прыть, чувствуя, что если немедленно не выберется из дома, то упадет в обморок. Спустя считанные секунды он был уже на улице и принялся нарезать круги во дворе. Он не мог устоять на месте, он должен был двигаться — энергично, не переставая, ему надо было измотать себя. Взгляд Бруно упал на ворота, за которыми начиналась дорога, которая вела на станцию, откуда уходили поезда домой, но мысль о том, чтобы ступить на эту дорогу, сбежать и скитаться потом одному по белу свету, удручала еще сильнее, чем перспектива остаться здесь.

Глава седьмая

Как мама приписала себе чужие заслуги

Шли дни, недели, о возвращении в Берлин никто и не заикался, а о том, чтобы в гости приехал Карл, или Даниэль, или Мартин, Бруно даже не мечтал, поэтому он решил, что надо бы как-то себя развлечь, иначе он медленно, но верно сойдет с ума.

Бруно знал одного человека, которого он считал сумасшедшим, звали его герр Роллер. Он был примерно одного возраста с папой и жил на одной с ними улице в Берлине, в доме за углом. Герра Роллера часто видели шагающим по улице из одного конца в другой, туда и обратно; так он мог вышагивать часами и днем, и ночью, при этом отчаянно споря с самим собой. Иногда, чрезмерно разгоряченный спором, он даже пытался ударить свою тень, которую отбрасывал на каменную стену. Бывало, герр Роллер впадал в такой раж, что колотил кулаками по кирпичной кладке, разбивая руки в кровь, после чего падал на колени и принимался громко рыдать, причитая и отвешивая себе пощечины. Пару раз до Бруно доносились те самые слова, которые ему строго-настрого запрещалось произносить, и, услышав эти слова, Бруно переставал хихикать.

— Не надо смеяться над бедным герром Роллером, — сказала мама однажды, когда Бруно захлеб расписывал последнюю выходку сумасшедшего. — Ему очень не повезло в жизни. —

У него не все дома. — Бруно покрутил пальцем у виска и присвистнул, жестами подкрепляя свою убежденность в чокнутости герра Роллера. — Вчера он подошел к бродячей кошке и пригласил ее на чай.

— А что ответила кошка? — спросила Гретель, намазывавшая себе бутерброд за кухонным столом.

— Ничего, — сказал Бруно. — Она же кошка.

— И все же не надо над ним смеяться, — серьезным тоном повторила мама. — Франца я знаю с детства, он был очень милым молодым человеком. Добрый, внимательный, а танцевал не хуже Фреда Астера. Но в Великую войну его тяжело ранили — в голову, вот почему он себя так ведет. И ничего смешного в этом нет. Вы и понятия не имеете, что пришлось пережить тогдашним молодым парням, как они страдали.

Бруно в ту пору было всего шесть лет, и он смутно представлял, о какой войне идет речь.

— Война была много лет назад, — пояснила мать в ответ на его вопрос. — Тебя тогда и на свете не было. Франц был одним из тех, кто воевал в окопах. Твой папа в то время был с ним хорошо знаком. Кажется, они служили вместе.

— А с папой ничего не случилось? — забеспокоился Бруно.

— Сейчас мы не о нем говорим, — отмахнулась мама. — И вообще, война — неподходящая тема для беседы. Правда, боюсь, очень скоро другой темы у нас и не будет.

С тех пор прошло три года. Бруно не часто вспоминал герра Роллера, но сейчас он был твердо уверен, что если не сделать что-нибудь стоящее, не занять чем-нибудь свои мысли, то он сам не заметит, как начнет шататься по улицам, затевая драки со своей тенью и приглашая бродячих кошек на вечеринки.

С целью как-то развлечься Бруно провел весь субботний день, сооружая для себя новый аттракцион. Чуть поодаль от дома, с той стороны, куда выходило окно Гретель, стоял огромный дуб с очень толстым стволом (Бруно из своего окна дуба не мог видеть).

Высоченное дерево с мощными ветвями, достаточно крепкими, чтобы выдержать маленького мальчика. Дуб выглядел таким старым, что Бруно решил, что его посадили в далекие Средние века, историю которых он недавно начал изучать в школе и находил очень увлекательной; особенно когда рассказывали о рыцарях, искавших приключений в заморских землях, — им всегда удавалось найти что-нибудь интересное, куда бы они ни отправились.

Бруно требовались всего две вещи, чтобы соорудить этот аттракцион, — веревка и шина. Найти веревку оказалось довольно легко — ее было полно в подвале дома. Бруно недолго раздумывал, прежде чем подвергнуть себя опасности, а именно взять острый нож и отрезать столько веревки, сколько ему было необходимо. Добычу он отнес к дубу и припрятал в траве. С шиной дело обстояло сложнее.

В ту субботу ни мамы, ни папы дома не было. Мама с утра пораньше укатила в соседний город на целый день, чтобы сменить обстановку. А папу видели удалявшимся в сторону длинных домов и тех людей, за которыми Бруно наблюдал из окна. Но, как обычно, у дома стояло много военных грузовиков и вездеходов, и хотя снять крышку с машины было невозможно, всегда оставался шанс обнаружить где-нибудь запаску.

На улице Бруно увидел, как Гретель болтает с лейтенантом Котлером, и решил, впрочем без всякого энтузиазма, обратиться к нему за советом. Лейтенант Котлер был тем самым молодым офицером, которого Бруно встретил в свой первый день в Аж-Выси, — тогда он неожиданно возник на втором этаже их дома, внимательно посмотрел на Бруно, после чего отправился своей дорогой. С тех пор Бруно не раз с ним сталкивался — лейтенант сновал по дому, будто был тут хозяином, а уж в папин кабинет входил в любое время суток, — но разговаривали они редко. Бруно не совсем понимал почему, но лейтенант Котлер ему не нравился. От него веяло каким-то холодом, и Бруно в его присутствии всегда хотелось надеть свитер. Тем не менее обратиться больше было не к кому, и Бруно, потоптавшись немного, направился к лейтенанту. Главное, собраться с духом, чтобы поздороваться, а дальше уже само пойдет.

Лейтенант обычно одевался с иголочки и выглядел просто умопомрачительно; казалось, форму, в которой он разгуливал, непрерывно подглаживали прямо на нем. Его черные сапоги были начищены до блеска, а желтые волосы, разделенные на пробор сбоку, лежали не шелохнувшись, смазанные каким-то средством, на котором оставались следы от расчески, и от этого голова Котлера напоминала только что сжатое поле. Вдобавок лейтенант выливал на себя столько одеколона, что его можно было учуять издалека. Бруно избегал стоять рядом с Котлером с подветренной стороны, опасаясь грохнуться в обморок.

Но в тот день лейтенант выглядел не таким ухоженным, ведь была суббота, и солнце светило вовсю. На нем были брюки и белая майка, а волосы, словно в изнеможении, падали на лоб.

Руки лейтенанта неожиданно оказались загорелыми, а мускулатура у него была такой, какой и Бруно позавидовал бы. И выглядел он намного моложе. Бруно даже удивился — лейтенант походил на старшеклассников из его школы, тех самых, от которых лучше держаться подальше. Котлер увлеченно беседовал с Гретель, и, сдается, все, что он говорил, было невероятно смешно, потому что Гретель громко смеялась, накручивая прядь волос на палец. — Доброе утро, — поздоровался Бруно, приблизившись к ним.

Сестра с раздражением посмотрела на него:

— *Что* тебе надо?

— Мне *ничего* не надо, — мгновенно рассвирепел Бруно. — Я просто подошел поздороваться.

— Уж простите моего младшего братика, Курт, — сказала Гретель лейтенанту Котлеру. — Видите ли, ему всего девять лет.

— Здорово, большой человек. — Котлер протянул руку и — к ужасу Бруно — взъерошил ему волосы. За этот жест Бруно с удовольствием повалил бы лейтенанта на землю и попрыгал у него на голове. — И что заставило тебя подняться в такую рань субботним утром?

— Сейчас уже не рано, — ответил Бруно. — Почти десять часов.

Лейтенант Котлер ухмыльнулся.

— Когда я был в твоём возрасте, моя мать не могла меня добудиться по выходным, я вставал только к обеду. Она говорила, что я просплю всю свою жизнь и никогда не вырасту и не стану сильным.

— Что ж, кажется, она ошиблась, — сладким голосом вставила Гретель.

Бруно глянул на нее с отвращением. И зачем она говорит таким голосом, словно безмозглая дура? Больше всего Бруно хотелось развернуться и уйти и не впутываться в их разговор, но делать нечего: его насущные интересы требовали, чтобы он попросил лейтенанта Котлера о немислимом — о дружеской услуге.

— Скажите, можно вас кое о чем попросить?

— Попросить-то всегда можно, — ответил Котлер, и Гретель опять расхохоталась, хотя ничего такого уж смешного он не сказал.

— Я хотел узнать, нет ли тут где-нибудь запасной крыши, — продолжал Бруно. — От вездехода, например. Или от грузовика. Какой-нибудь ненужной.

— Единственная запаска, которую я здесь видел, принадлежит сержанту Хоффшнайдеру, и он носит ее на поясе. — Губы лейтенанта изобразили нечто вроде улыбки.

Бруно его слова показались полной бессмыслицей, зато Гретель окончательно развеселилась, она чуть не приплясывала на месте.

— Значит, она ему нужна? — спросил Бруно.

— Сержанту Хоффшнайдеру? Да, боюсь, нужна. Он крепко привязан к своей запаске.

— Перестань, Курт, — Гретель утирала слезы, — он не понимает твоих шуток. Ему только девять.

— А может, ты все-таки заткнешься? — крикнул Бруно, в бешенстве глядя на сестру. Мало того, что ему пришлось обратиться к лейтенанту с просьбой об услуге, так еще и родная сестра беспрерывно его дразнит. — Тебе самой только двенадцать, — добавил он. — Так что кончай притворяться старше, чем ты есть на самом деле.

— Мне почти тринадцать, Курт, — затараторила Гретель. Она больше не смеялась, лицо ее исказил ужас. — Через пару недель мне исполнится тринадцать. И мы с тобой почти сравняемся, ведь ты тоже пока считаешься подростком, тебе же еще нет двадцати.

Котлер улыбнулся, кивнул, но промолчал. Бруно внимательно разглядывал его. Если бы перед ним стоял какой-нибудь другой взрослый, мальчик закатил бы глаза: мол, мы-то с тобой понимаем, что все девчонки — дуры, а сестры — и вовсе полный караул. Но перед ним стоял не какой-нибудь другой взрослый. Перед ним был лейтенант Котлер.

— Ладно, — сказал Бруно, не обращая внимания на Гретель, сверлившую его злобным взглядом, — а кроме сержанта Хоффшнайдера, можно здесь найти у кого-нибудь запаску?

— Разумеется. — Котлер вдруг прекратил улыбаться. Казалось, он заскучал. — Но зачем она тебе?

— Я подумываю сделать качели. Ну, знаете, покрывка и веревка на ветке дерева.

— Вот оно что. — Лейтенант Котлер задумчиво кивнул, словно пытаясь вспомнить, что такое качели, хотя, как только что сказала Гретель, ему не было еще и двадцати. — Да, в детстве я и сам строил качели.

Бруно изумился: неужто у него с лейтенантом Котлером нашлось что-то общее? Но самое невероятное: неужто у лейтенанта когда-либо водились друзья?

— Ну так что? — спросил он. — Можно здесь найти запаску?

Котлер молчал с таким видом, будто размышлял, ответить честно и прямо или попытаться поддеть мальчишку, как у него было заведено. Затем он увидел Павла — старика, приходившего каждый день чистить овощи, а вечером, надев белую куртку официанта, прислуживать за ужином. Павел шел к дому, и лейтенант принял решение.

— Эй, ты! — крикнул он и добавил слово, Бруно совершенно незнакомое. — Иди сюда, ты... — Лейтенант опять произнес то же самое слово, и что-то в его резком звучании заставило Бруно отвернуться. Ему вдруг стало стыдно находиться в одной компании с Котлером.

Павел подошел, и Котлер заговорил с ним очень грубо, хотя по возрасту годился ему во внуки.

— За домом есть склад, отведи туда этого молодого человека. Там вдоль боковой стены сложены старые покрывки. Он выберет одну, а ты отнесешь ее, куда он скажет. Понял? Павел стоял, держа шапочку в руках и опустив голову. Когда он утвердительно кивнул, голова его опустилась еще ниже.

— Слушаюсь, — произнес он едва слышно. Не сказал, но прошелестел.

— А потом, когда вернешься на кухню, не забудь вымыть руки, прежде чем прикасаться к продуктам, ты, грязный... — Лейтенант Котлер в третий раз произнес то слово и коротко сплюнул.

Бруно искоса глянул на Гретель. До сих пор она с обожанием пялилась на волосы Котлера, на которых резвились солнечные зайчики, но теперь, как и ее брат, немного смутилась.

Никто из них раньше не разговаривал с Павлом, но за столом он прислуживал очень ловко, а такие умельцы, по словам папы, на дороге не валяются.

— Марш, — приказал Котлер, и Павел, развернувшись, потопал к складу.

Бруно, последовавший за ним, то и дело оглядывался на Гретель и молодого военного. Его так и подмывало вернуться, схватить сестру за руку и оттащить от Котлера подальше, несмотря на то что Гретель — задавала, эгоистка и постоянно подличает. Но в конце концов, ничего другого от нее и нельзя было ожидать, ведь сестры другими не бывают. Бруно страшно не хотелось оставлять ее наедине с таким человеком, как лейтенант Котлер. Тут как ни выбирай выражения, а иначе не скажешь: противный тип.

Катастрофа случилась двумя часами позже. После того как Бруно высмотрел подходящую шину, а Павел приволок ее к большому дубу под окном Гретель, Бруно принялся лазить вверх-вниз, вверх-вниз по стволу, крепя веревки, проверяя узлы на прочность и привязывая саму покрывку. Бруно уже строил однажды качели, и строительство завершилось полным успехом, но тогда у него в помощниках были Карл, Даниэль и Мартин. На этот раз он делал все сам, и это оказалось куда труднее. Тем не менее он справился и уже через час с небольшим, предвкушая веселье, забрался на покрывку и начал раскачиваться — так беззаботно, будто все в его жизни было в лучшем виде. Правда, это были самые неудобные качели, на которых он когда-либо катался, но Бруно предпочел закрыть глаза на этот факт. Улегшись на шину, он отталкивался ногами от земли, а потом, когда качели взмывали ввысь, едва не врезаясь в ствол, отталкивался ногами от дерева — и качели поднимались еще выше. Все шло замечательно. Бруно крепко держался за шину, но, когда он в очередной раз отталкивался от ствола, его хватка на секунду ослабла и, сам не зная как, он перевернулся и

полетел вниз. Сгруппироваться он не успел, потому что зацепился ногой за покрывало, и с грохотом рухнул лицом на землю.

На мгновение у него потемнело в глазах, а когда он снова стал видеть и принял сидячее положение, летающая покрывало ударила его по голове. Бруно взвыл и откатился подальше. Встав, он почувствовал, что рука и нога с того бока, на который он упал, сильно болят, но не так сильно, как при переломе. Он осмотрел руку, она была покрыта ссадинами, а на локте красовалась глубокая царапина. Хуже обстояло дело с левой ногой. Бруно поглядел на свое голое колено — и колено начало кровоточить, будто только и дожидалось, когда на нем сосредоточат внимание.

«О господи», — вслух произнес Бруно, уставясь на кровавую рану и не зная, что же ему теперь делать. В затруднении он пребывал недолго. Самодельные качели находились на той же стороне дома, куда выходила кухня, и Павел, чистивший картошку у окна, стал свидетелем катастрофы. Когда Бруно снова поднял голову, он увидел, как к нему бежит Павел, и только тогда он позволил слабости, окутавшей его, взять над ним верх. Бруно откинулся назад, но не лег на землю, а оперся на локти; Павел подхватил его на руки.

— Не знаю, как это случилось, — пожаловался Бруно. — Качели казались вполне надежными.

— Ты слишком высоко взлетал, — отозвался Павел спокойным тоном, и Бруно сразу почувствовал себя в безопасности. — Я наблюдал за тобой и думал, что это может закончиться падением.

— Так оно и вышло, — печально констатировал Бруно.

— Да, так вышло.

Павел нес его на руках через лужайку к дому. На кухне он усадил его на деревянный стул.

— А где мама? — Бруно оглядывался в поисках человека, к которому он обращался в первую очередь, когда с ним случалось несчастье.

— Боюсь, твоя мама еще не вернулась. — Встав на колени, Павел осматривал его колено. — Я здесь один.

— Что же теперь будет? — невольно запаниковал Бруно, а от паники и до слез недалеко. — Я истеку кровью и умру.

Павел добродушно рассмеялся:

— Ты не умрешь от потери крови. — Пододвинув табуретку, он положил на нее ногу Бруно. — Не шевелись пока. Я сейчас возьму аптечку.

Бруно смотрел, как он подходит к буфету, вынимает аптечку болотного цвета и наливает воду в мисочку. Воду Павел сначала попробовал пальцем, проверяя, не слишком ли она холодная.

— Меня отправят в больницу? — волновался Бруно.

— Нет, нет. — Павел опять опустился на колени перед Бруно, окунул сухую тряпицу в мисочку и нежно провел ею по ноге Бруно. Тот вздрогнул от боли, хотя процедура была не такой уж болезненной. — Всего лишь небольшой порез. Даже зашивать не придется.

Пока Павел промывал рану, Бруно сидел, сдвинув брови и закусив губу. Затем Павел приложил к колену другую тряпицу, а когда снял ее, кровотечение прекратилось. Достав из аптечки бутылочку с зеленкой, Павел начал мазать ею рану. Кожу защищало.

— Уй-уй-уй-уй!

— Ну, ну, это не страшно. — Голос у Павла был добрый и ласковый. — Не думай о боли, и она сама пройдет.

Удивительно, но на Бруно рекомендация Павла подействовала отрезвляюще, и он пересилил желание уйкнуть еще разок. Закончив обрабатывать рану зеленкой, Павел вынул из аптечки бинт и перевязал колено.

— Ну вот, — сказал он. — Полегчало?

Бруно кивнул. Ему было немного стыдно за то, что он вел себя не так храбро, как хотелось бы.

— Спасибо, — поблагодарил он.

— Всегда рад помочь. Посиди здесь минут пять, прежде чем ступать на ногу, хорошо? Пусть рана успокоится. И к качелям сегодня больше не подходи.

Бруно опять кивнул. Его нога лежала на табуретке, а Павел в это время тщательно мыл руки над раковиной, он даже поскреб под ногтями проволочной мочалкой, затем он вытер руки и вернулся к картошке.

— Вы расскажете маме о том, что произошло? — спросил Бруно, пребывавший в сомнениях: назовут ли его героем, выжившим в ужасной катастрофе, или негодником, соорудившим адскую машину себе на погибель.

— Думаю, она сама все поймет. — Покончив с картошкой, Павел вывалил на стол морковь и сел напротив Бруно. Морковные очистки падали на старую газету.

— Да, наверное. Возможно, она захочет отвести меня к врачу.

— Вряд ли, — негромко сказал Павел.

— Наперед никогда не знаешь. — Бруно не желал, чтобы катастрофа была забыта слишком быстро. В конце концов, ничего более захватывающего в его жизни не произошло, с тех пор как он сюда приехал. — Рана может быть опаснее, чем кажется на первый взгляд.

— Она не опасна. — Павел слушал Бруно вполуха, словно морковь полностью завладела его вниманием.

— Откуда вы знаете? — Бруно начинал сердиться, несмотря на то что был обязан Павлу своим спасением: кто поднял его с земли, принес на кухню и унял кровь? — Вы же не врач. Павел вдруг перестал чистить морковь и глянул через стол на Бруно. Голову он не поднял, только глаза. Похоже, он колебался, не зная, что же ответить на подобное обвинение.

Вздыхнув, он опять надолго задумался, а потом сказал:

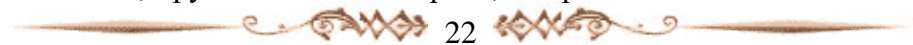
— Я врач.

Бруно в изумлении уставился на него. Что-то тут не складывалось.

— Но вы прислуживаете за столом, — медленно произнес он. — И чистите овощи. Как вы можете быть врачом?

— Молодой человек, — сказал Павел (и Бруно оценил его деликатность: он назвал его «молодым человеком», а не «большим человеком», как лейтенант Котлер), — я действительно врач. Если кто-то по ночам смотрит на небо, это еще не значит, что мы имеем дело с астрономом.

Бруно не понял, к чему тут астрономия, но что-то в голосе Павла заставило мальчика впервые пристально взглянуть на своего собеседника. Павел был невысок ростом и очень худ, острые нос и скулы и тощие длинные пальцы. На вид он был старше папы, но моложе дедушки — значит, старик, подумал Бруно, и хотя он познакомился с Павлом только здесь, в Аж-Выси, Бруно мог бы поспорить, что раньше этот человек носил бороду.

А теперь почему-то сбрил.

— Но я не понимаю. — Бруно, как всегда, хотелось докопаться до сути. — Если вы врач, зачем вам прислуживать за столом? Почему вы не работаете где-нибудь в больнице?

Павел опять долго молчал, Бруно терпеливо ждал. Странно, но он чувствовал, что нельзя торопить старика, хотя бы из вежливости.

— У меня была врачебная практика до того, как приехал сюда, — наконец высказался Павел.

— Практика? — Бруно это слово было незнакомо. — И у вас плохо получалось?

— Очень хорошо, — улыбнулся старик. — Видишь ли, я всегда хотел быть врачом. С самого детства. Когда я был в твоём возрасте, ни о чём другом я уже не помышлял.

— А я хочу быть путешественником-исследователем, — поспешил сообщить Бруно.

— Что ж, удачи тебе.

— Спасибо.

— Ты уже совершил какое-нибудь открытие?

— В нашем доме в Берлине я провёл много экспедиций. Но там у нас большой дом, больше, чем вы можете вообразить, поэтому там было что исследовать. Здесь не так.

— Здесь все не так, — согласился Павел.

— Когда вы приехали в Аж-Высь? — спросил Бруно.

Павел отложил морковь, нож и посмотрел куда-то в сторону.

— Мне кажется, я всегда был здесь, — прошептал он.

— Вы здесь родились?

— Нет, — Павел затряс головой, — нет.

— Но вы же сказали...

Он не успел закончить — снаружи раздался голос мамы. Стоило Павлу услышать ее, как он проворно вскочил и вернулся к раковине, прихватив с собой морковь, нож и газету, полную очисток. К Бруно он повернулся спиной, сгорбился и рта больше не открывал.

— Господи, что с тобой? — воскликнула мама, появляясь в кухне. Наклонившись, она разглядывала повязку.

— Я построил качели и упал с них, — объяснил Бруно. — А потом они еще ударили меня по голове, и я чуть сознание не потерял, но Павел спас меня, принес сюда, промыл рану и наложил повязку. Очень щипало, но я не плакал. Я ведь ни разу не заплакал, правда, Павел? Павел повернулся к ним вполборота, но спины не разогнул.

— Рана промыта, — тихо сказал он, не отвечая на вопрос Бруно. — Беспокоиться не о чем.

— Ступай к себе, Бруно. — Мама явно чувствовала себя неловко.

— Но я...

— Не спорь со мной... Иди в свою комнату! — приказала она.

Бруно слез со стула и оперся на ногу, которую он отныне решил называть «моей деревяшкой»; нога немного побаливала. Пересекая прихожую, Бруно услышал, как мама поблагодарила старика, и обрадовался: ведь ясно же, что если бы Павел вовремя не подоспел, он, Бруно, истек бы кровью и умер.

Но затем он услышал кое-что еще — фразу, которой мама закончила разговор с кухонным слугой, провозгласившим себя врачом.

— Если комендант спросит, скажем, что рану обработала я.

Бруно подумал, что это ужасно некрасиво с маминой стороны — приписывать себе чужие заслуги.

Глава восьмая

Почему бабушка хлопнула дверью

Из всех, кого Бруно оставил в Берлине, он больше всего скучал по бабушке и дедушке. Они жили вместе в маленькой квартире около овощных и фруктовых рядов, и незадолго до того, как Бруно переехал в Аж-Высь, дедушке стукнуло семьдесят три, — по мнению Бруно, он был самым старым человеком на свете. Однажды Бруно подсчитал: проживи он всю свою жизнь целиком снова и снова восемь раз, дедушка все равно был бы на год его старше. Всю *свою* жизнь дедушка прожил хозяином ресторана в центре города, а шеф-поваром там работал отец Мартина, друга Бруно. Хотя дедушка лично больше не готовил и не обслуживал столики, в ресторане он просиживал целыми днями: днем за барной стойкой, болтая с посетителями, вечером — ужиная в уголке в шумной дружеской компании. Из ресторана он уходил только после закрытия.

А вот бабушка никогда не казалась Бруно старой; во всяком случае, по сравнению с бабушками других мальчиков. Когда Бруно узнал, сколько ей лет — шестьдесят два, — он был потрясен. Бабушка познакомилась с дедушкой после концерта, и каким-то образом он уговорил ее выйти за него замуж. Тогда она была совсем молодой девушкой с длинными рыжими волосами, удивительно похожими на волосы ее невестки, и зелеными глазами. У нее оттого такие волосы и глаза, утверждала бабушка, что в ее жилах течет толика ирландской крови. Бруно всегда знал, когда вечеринка в его доме достигала самого разгара. Знак подавала бабушка: она начинала кружить около пианино, пока кто-нибудь не сел за него и не просил ее спеть.

— Ну что вы! — неизменно восклицала она, прижимая руку к груди, словно у нее перехватило дыхание от столь неожиданного предложения. — Нет-нет, молодой человек, это невозможно. Боюсь, я свое уже отпела.

«Спойте! Спойте!» — кричали вразнобой гости, и после приличествующей паузы иногда затягивавшейся секунд на десять, самое большее на двадцать — она уступала и, обернувшись к молодому человеку, сидевшему за пианино, вежливой скороговоркой давала указания:

— *La vie en rose*, ми-бемоль минор. И старайтесь не запаздывать с переходами.

Бабушкино пение было главным событием на вечеринках в доме Бруно, и почему-то каждый раз оно совпадало с тем обстоятельством, что мама была вынуждена срочно уединиться на кухне с кем-нибудь из своих подруг. Папа всегда оставался послушать бабушку, и Бруно тоже, очень уж ему нравилось, как в самом конце бабушка поет во весь голос, а потом тонет в аплодисментах. К тому же от *La vie en rose* у него мурашки по коже бегали и волоски на загривке вставали дыбом.

Бабушке нравилось думать, что Бруно или Гретель продолжат семейную традицию и будут играть на сцене. На каждое Рождество, на каждый день рождения она придумывала небольшую пьеску для них троих, которую эта семейная труппа разыгрывала перед папой, мамой и дедушкой. Пьесы она писала сама и, как полагал Бруно, приберегала для себя лучшие реплики, но в общем он на нее не обижался. В пьесе всегда была песня — «Хотите, чтобы я спела?» — предварительно вопрошала бабушка, — а Бруно всегда показывал фокусы, Гретель же танцевала. Заканчивались спектакли тем, что Бруно читал длинное стихотворение одного из Великих Поэтов. Бывало, он с трудом понимал, про что там написано, но чем чаще он читал эти стихи, тем красивее и красивее они звучали.

Но самым лучшим в этих спектаклях были даже не стихи или фокусы, но костюмы, которые бабушка мастерила для Бруно и Гретель. Неважно, какую роль играл Бруно, неважно, насколько меньше слов у него было по сравнению с бабушкой и Гретель, — важно, что Бруно наряжали то принцем, то арабским шейхом, а однажды даже римским гладиатором. В пьесах бабушки всегда были короны, а если не короны, то копья, а если не копья, то хлысты или тюрбаны. Никто не знал, что бабушка выдумает на этот раз, но всю неделю накануне Рождества Бруно и Гретель каждый день ходили к ней домой репетировать.

Впрочем, последнее представление закончилось скандалом, о чем Бруно до сих пор вспоминал с сожалением, хотя он так и не понял, из-за чего, собственно, взрослые разругались.

За неделю до праздника весь дом охватило необычайное возбуждение. Оно было как-то связано с тем, что отныне Мария, повариха, дворецкий Ларс, а также военные, что приходили к ним как к себе домой, должны были обращаться к папе «господин комендант». И возбуждение это только нарастало. А началось все с того, что на обед пожаловал Фурор с красивой блондинкой, — дом замер на целый вечер, после чего и возникло это новшество, называть папу комендантом. Мама велела Бруно поздравить отца, что он и сделал, но, если быть честным с самим собой (к чему Бруно всегда стремился), он не совсем твердо знал, с чем, собственно, он его поздравляет.

В сочельник отец надел новую форму, вычищенную и отутюженную, ту, что он с тех пор и носит, и вся семья захопала в ладоши, когда он впервые в ней появился. Форма была и впрямь сногшибательной. На фоне других военных, что приходили к ним как к себе домой, папа заметно выделялся, а военные, похоже, зауважали его еще сильнее. Мама подошла к отцу, поцеловала его в щеку и погладила рукой китель: «До чего же тонкое сукно!» На Бруно самое большое впечатление произвели знаки отличия на форме, ему даже разрешили ненадолго надеть фуражку — при условии, что руки, которыми он к ней прикасается, чистые.

Дедушка исполнился гордостью, увидев своего сына в новой форме, и лишь бабушка, единственная из всех, нисколько не радовалась. Когда все отужинали, а Бруно с Гретель

отыграли спектакль, бабушка с печальным видом уселась в кресло и посмотрела на отца так, будто ее сын — самое серьезное разочарование в ее жизни.

— Я вот думаю, Ральф, — сказала она, — где же я допустила ошибку? Неужто всему виной те спектакли, которые я заставляла тебя играть в детстве? И вот теперь ты предпочел вырядиться марионеткой, которую дергают за веревочки?

— Послушай, мама, — примирительным тоном начал отец, — давай поговорим об этом в другой раз.

— Расхаживаешь тут в своей форме, — продолжала бабушка, — словно она добавляет тебе достоинства и славы. И тебе безразлично, что она на самом деле означает. Что за ней кроется.

— Натали, мы уже это обсуждали, — вмешался дедушка, хотя всем было известно: если бабушка задумала что-то сказать, она обязательно выскажется, нравится это кому-нибудь или нет.

— Ты обсуждал, Матиас, — уточнила бабушка. — Ораторствовал, а я не могла даже слова вставить. Как обычно.

— Мама, у нас праздник, — вздохнул отец. — И не простой, а Рождество. Давай не будем его портить.

— Помню, когда началась Великая война, — горделиво произнес дедушка, глядя на огонь в камине и качая головой, — ты пришел домой и объявил нам, что вступил в армию, и тогда мне казалось, что это плохо для тебя кончится.

— Плохо и кончилось, Матиас, — вставила бабушка. — Достаточно взглянуть на нашего сына, чтобы в этом убедиться.

— А теперь посмотрите на него! — Дедушка словно не слышал того, что сказала его жена. — Я горд и счастлив, что ему доверена столь высокая и ответственная должность. Не щадить сил ради своей страны, делать все, чтобы мы смогли вернуть себе самоуважение после стольких унижений и несправедливостей. Наши враги должны быть наказаны...

— Нет, вы только послушайте его! — воскликнула бабушка. — Не пойму, кто из вас двоих дурнее?

— Но, Натали, — попыталась мама утихомирить спорщиков, — разве вы не согласны, что Ральфу очень идет его новая форма? Он в ней просто красавец.

— Красавец? — переспросила бабушка, подавшись вперед и глядя на невестку так, словно та повредила умом. — Красавец, говоришь? Глупенькая! Неужто для тебя это самое главное в жизни? Внешняя красота?

— А мне идет костюм распорядителя в цирке? — спросил Бруно.

В тот вечер он, одетый в красно-черную униформу с золотыми позументами, изображал именно распорядителя в цирке. Но стоило Бруно заговорить, как он тут же пожалел об этом, потому что взрослые, как по команде, воззрились на него с Гретель, словно только что заметили их присутствие.

— Дети, немедленно отправляйтесь наверх, — приказала мама. — Ступайте к себе.

— Но мы не хотим уходить, — запротестовала Гретель. — Можно мы здесь поиграем?

— Нет, дети, — не поддалась мама. — Ступайте к себе и закройте за собой дверь.

— Военным только этого и надо, — сказала бабушка, не обращая внимания на детей. — Красоваться в щегольской форме. Нарядиться, а потом творить весь этот ужас. Мне стыдно, Ральф, но виню я себя, а не тебя.

— Дети, наверх! — Мама ударила ладонью по ручке кресла, и теперь уж им ничего не оставалось, как подчиниться.

Они закрыли за собой дверь гостиной и поднялись на второй этаж, но по комнатам не разошлись. Вместо этого Бруно и Гретель уселись на верхней ступеньке лестницы и наострили уши: о чем там, внизу, говорят взрослые? Голоса мамы и папы звучали приглушенно, и брат с сестрой не поняли ни одного слова, дедушку вообще не было слышно, а бабушка, как ни странно, высказывалась очень сбивчиво. Наконец, спустя минут десять,

дверь гостиной с треском распахнулась. Бруно с Гретель рванули в глубь лестничной площадки, а бабушка уже снимала с вешалки свое пальто.

— Стыдобище! — крикнула она. — До чего я дожила! Мой сын...

— Твой сын — патриот! — заорал папа. Видно, он так и не научился не перебивать старших.

— Патриот нашелся! — вопила бабушка. — Приглашаешь на обед бог знает кого. Меня тошнит от твоих замашек! А эта форма... Глядя на нее, мне хочется выколоть себе глаза! Господи, почему я не ослепла, прежде чем ты ее напялил!

С этими словами бабушка выбежала из дома, громко хлопнув дверью.

С того вечера Бруно почти с ней не виделся и даже не успел попрощаться перед отъездом в Аж-Высь, но он сильно скучал по бабушке и решил написать ей письмо.

В тот день, когда он упал с качелей, Бруно, взяв ручку и бумагу, поведал родному человеку, как он несчастен здесь и как ему хочется вернуться домой, в Берлин. Он рассказал бабушке о доме и саде, о скамейке с табличкой и о высокой ограде с деревянными телеграфными столбами и мотками колючей проволоки, о голой земле, на которой стояли длинные строения и печные трубы, и о солдатах за оградой, но подробнее всего он рассказал о людях, что там живут, об их полосатых пижамах и матерчатых шапочках, а под конец добавил, что он ужасно скучает по ней, и подписался: «Твой любящий внук Бруно».

Глава девятая

Бруно вспоминает, что когда-то он любил открывать новые земли

Ничего не менялось в Аж-Выси.

Бруно по-прежнему приходилось терпеть вздорные выходки Гретель, которая шпыняла его, когда бывала не в духе, и теперь это случалось даже чаще, чем в Берлине. Да что с нее взять, она же безнадежный случай.

25

И по-прежнему Бруно мечтал вернуться домой. Правда, воспоминания о берлинском доме начали потихоньку тускнеть, и хотя Бруно частенько подумывал, не написать ли опять бабушке и дедушке, но за письмо так и не сел.

Военные по-прежнему приходили к ним каждый день и о чем-то совещались в кабинете отца, куда вход был «воспрещен круглые сутки и заруби себе на носу». Лейтенант Котлер по-прежнему разгуливал в сверкающих черных сапогах и в придачу с таким видом, будто важнее него и человека на свете нет. Когда он не сопровождал отца, то либо прохладился во дворе, болтая с Гретель, которая при этом истерически смеялась, накручивая прядь волос на палец, либо шушукался о чем-то с мамой за закрытыми дверями.

Приходящая прислуга по-прежнему мыла, подметала, стряпала, убирала, подавала и помалкивала, если к ней не обращались. Мария все так же с утра до вечера наводила порядок в комнатах, следя за тем, чтобы одежда Бруно, которую он в данный момент не носит, была аккуратно сложена и убрана в шкаф. И Павел неизменно являлся в дом каждый день чистить картошку с морковкой, чтобы вечером, надев белую куртку, прислуживать за столом. (Порою Бруно замечал, как Павел бросает взгляд на его колено, на крошечный шрам, оставшийся после катастрофы с качелями, но друг с другом они не разговаривали.)

Но затем случились кое-какие перемены. Отец решил, что детям пора вернуться к занятиям, и какой бы глупостью ни казалась Бруно идея устроить в доме школу, которую будут посещать всего два ученика, отец и мать в кои-то веки были заодно: отныне к Бруно и Гретель будет приходиться учитель, чтобы заниматься с ними утром, после завтрака, и днем, после обеда. Не прошло и недели, как во двор въехала дребезжащая развалюха герра Лицта, нового учителя, и начались школьные будни. Герр Лицт был загадкой для Бруно. Держался он по большей части дружелюбно, никогда не замахивался на Бруно, как учитель в Берлине, но в его глазах угадывалась затаенная злость, готовая вырваться наружу.

Любимыми предметами герра Лицта были история и география, Бруно же предпочитал чтение и рисование.

— Это вам ничего не даст, — заявил учитель. — Глубокое освоение общественных наук куда важнее в наше время.

— Когда мы жили в Берлине, бабушка ставила с нами пьесы, — возразил Бруно.

— Но бабушка не была вашим учителем, правда? Она — лишь бабушка. А я — учитель, поэтому вы будете заниматься тем, что я сочту важным, а не тем, что вам нравится.

— Но разве книги не важны? — спросил Бруно.

— Разумеется, да! Но только те, в которых идет речь об окружающем мире, — пояснил герр Лицт. — Вымышленные истории, книги о том, чего никогда на свете не было, нам ни к чему. Кстати, молодой человек, хорошо ли вы знаете свою историю? — К чести герра Лицта, он называл Бруно «молодым человеком», как Павел, а не «большим человеком», как лейтенант Котлер.

— Ну, я родился пятнадцатого апреля тысяча девятьсот тридцать четвертого года... — начал Бруно.

— Нет, не то, — перебил учитель. — Не историю вашей собственной жизни. Я имею в виду историю вашего народа. Страны, где вы родились. Земли ваших отцов. Знаете ли вы это? Бруно задумался, сморщив нос. Он не был уверен, но вроде бы у его отца нет никакой земли. Конечно, у них имеется берлинский дом, большой и удобный, но вряд ли сад при нем можно назвать землевладением. И Бруно был уже достаточно взрослым, чтобы понимать: Аж-Высь им не принадлежит, несмотря на то что здесь столько земли.

— Не очень, — признался он. — Правда, я знаю довольно много о Средних веках. Я люблю истории о рыцарях, приключениях и путешествиях в дальние страны.

Герр Лицт что-то процедил сквозь зубы, а потом энергично тряхнул головой.

— Что ж, нам будет над чем поработать, — сообщил он зловещим тоном. — Пора вытряхнуть из вашей головы всякие бредни и сделать основной упор на вашей исторической принадлежности. И на несправедливостях, которые вам причинили.

Бруно с удовлетворением кивнул. Наконец-то ему внятно объяснят, почему его вынудили бросить уютный дом и приехать в это жуткое место, — большей несправедливости за его короткую жизнь ему никто не учинял.

Несколько дней спустя Бруно, сидя в своей комнате, размышлял о том, как весело он проводил время дома, здесь же, в Аж-Выси, мается от скуки. В основном, потому, что здесь у него нет друзей — не станет же Гретель с ним играть. Но существовала одна игра, для которой не требовалось напарников, Бруно и в Берлине играл в нее в одиночку, и называлась эта игра «экспедиции в новые земли».

«Когда я был маленький, — сказал сам себе Бруно, — мне нравилось отправляться в исследовательские экспедиции. И это в Берлине, где я все знал назубок и любую вещь мог найти с завязанными глазами. А здесь я еще никогда и ничего не исследовал. Может, пора приняться за дело?»

И, не позволяя сомнениям зародиться, Бруно вскочил с кровати, порылся в шкафу и извлек оттуда плащ и старые сапоги — самую, на его взгляд, подходящую одежду для отважного путешественника, преследующего научные цели. Теперь он был готов отправиться в путь. В доме проводить исследования не имело смысла. В конце концов, это ведь не берлинский дом, где, припомнил Бруно, имелись сотни закутков, укромных местечек и странных комнатушек непонятного назначения, не говоря уж о пяти этажах, если считать подвал и помещенище на самом верху — с окошком, в которое Бруно выглядывал, встав на цыпочки. Ну а этот дом для первооткрывателя просто ужас. Если уж исследовать, так только на улице. Месяцами смотрел Бруно из окна своей спальни на сад, скамью с табличкой, на высокую ограду с деревянными телеграфными столбами — на все то, о чем он написал в недавнем письме бабушке. Но сколько бы он ни наблюдал за людьми, одетыми в полосатые пижамы, такими непохожими на других людей, он ни разу не задался вопросом: а кто они такие и откуда взялись?

Люди жили и работали бок о бок с его нынешним домом, но происходило это словно в другом городе. И так ли уж они не похожи на других? Все они были одеты одинаково — пижамы, полосатые матерчатые шапочки; но те, кто слонялся по их дому, тоже носили

форму (за исключением мамы, Гретель и Бруно) разного качества и с разными знаками отличия и головные уборы — фуражки либо шлемы, и у всех имелись красно-черные нарукавные повязки и оружие, а вид у этих людей в форме был такой суровый, будто важнее, чем они, никого в целом мире нет и горе тому, кто посмеет в этом усомниться.

Так в чем же разница между людьми за оградой и военными? — спрашивал себя Бруно. И кто решает, кому надевать полосатые пижамы, а кому красивую форму?

Правда, иногда эти две разновидности людей смешивались. Он часто видел, как люди с его стороны ограды заходили на ту сторону, и было ясно: они там главные. Пижамники вытягивались по стойке смирно, когда к ним приближались солдаты, а некоторые падали на землю и, бывало, даже не вставали — их приходилось уносить.

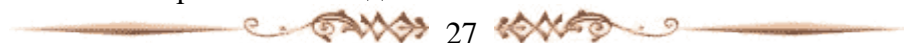
«Странно, почему я никогда не задумывался об этих людях», — удивлялся Бруно. А еще страннее вот что: военные постоянно ходят туда — и отец навевается за ограду чуть ли не каждый день, Бруно сам видел, — но никого оттуда к ним в дом не приглашают.

Иногда — не слишком часто, но случалось — человек пять военных оставались ужинать, и тогда подавали много пенистых напитков, а Бруно и Гретель, стоило им дожевать последний кусок, немедленно отсылали вверх. Из гостиной весь вечер доносились неприятно громкие голоса и кошмарное пение. Маме и папе нравилось развлекаться в компании военных — Бруно это отлично понимал. Но они ни разу не пригласили в гости кого-нибудь в полосатой пижаме.

Выйдя на улицу, Бруно обошел дом и задрал голову в поисках окна своей спальни, — с земли казалось, что оно расположено не так уж высоко. Из него, наверное, можно выпрыгнуть, не причинив себе большого вреда. Впрочем, Бруно даже вообразить не мог ситуации, в которой он решился бы на столь идиотский поступок. Только если бы дом загорелся и Бруно оказался в ловушке, но даже в этом случае он бы еще подумал, стоит ли рисковать.

Он посмотрел вдаль — под ярким солнцем тянулась ограда, и конца ей не было видно. Бруно обрадовался: выходит, он никак не может знать, что его ждет впереди, вот он и пойдет и все выяснит, а иначе зачем исследователю путешествовать. (На уроках истории герр Лицт все же иногда рассказывал о чем-нибудь интересном, — например, о Христофоре Колумбе и Америго Веспуччи, об их приключениях и потрясающих судьбах, и Бруно лишний раз убедился, что хочет стать как они, когда вырастет.)

Однако, прежде чем отправляться в путешествие, необходимо было обследовать сад, точнее, один-единственный любопытный объект — скамейку. Много дней Бруно смотрел на нее, вглядывался в табличку, даже дал ей название «скамейка с табличкой», но понятия не имел, что же там написано. Он покрутил головой вправо-влево, проверяя, не идет ли кто, и подбежал к скамейке. Маленькая бронзовая табличка. Прищурившись, Бруно читал, тихонько бормоча себе под нос.

— Установлена в честь открытия лагеря... — Бруно запнулся, — ...Аж-Высь, — прочел он, как слышалось. — Июнь, 1940 г.

Он потрогал табличку, бронза оказалась очень холодной, и Бруно отдернул руку. Затем, глубоко вздохнув, двинулся в путь. Единственное, о чем Бруно старался не думать, так это о том, что ему постоянно твердили отец с матерью: гулять за домом запрещается, приближаться к оградке запрещается, а об исследовательских экспедициях в Аж-Выси не может быть и речи.

«И заруби себе на носу».

Глава десятая

Точка — клякса — пятно — силуэт — мальчик

Прогулка вдоль ограды заняла куда больше времени, чем предполагал Бруно, — похоже, этот забор тянулся на несколько километров. Бруно шел и шел, а когда оглядывался на дом, в котором жил, тот с каждым разом становился все меньше и меньше, пока совсем не исчез из виду. И за все это время Бруно не встретил ни души; около ограды ни с той, ни с другой

стороны — никого не было, а также ему не подалось ни ворот, ни калитки, через которые можно было бы проникнуть внутрь. Он уже начал отчаиваться: неужто его путешествие закончится полным провалом? Удручало еще и то обстоятельство, что, хотя ограда по-прежнему тянулась вдаль, насколько хватало глаз, длинные приземистые строения и печные трубы остались за спиной, и теперь за оградой не было ничего, кроме бескрайней пустоши. После часа ходьбы Бруно ощутил голод и подумал, что, может быть, хватит с него исследований на сегодня и не лучше ли повернуть назад. Но именно в этот момент он заметил крошечную точку вдалеке и напряг зрение, стараясь разглядеть, что это такое. Бруно где-то читал, что если заблудиться в пустыне и провести там несколько дней без еды и питья, то воображение начинает рисовать шикарные рестораны и огромные фонтаны, ты видишь их, будто наяву, но когда пытаешься поесть или напиться, все исчезает, утекает сквозь пальцы, как песок. Уж не происходит ли и с ним что-нибудь подобное?

Но тревоги тревогами, а ноги сами несли его, шаг за шагом, к той далекой точке, которая постепенно превратилась в кляксу, а потом начала медленно расплзаться пятном. И очень скоро пятно обернулось силуэтом. А затем, когда Бруно подошел поближе, он увидел, что вовсе это не точка, и не клякса, и не пятно, и даже не силуэт, но человек.

А если точнее, мальчик.

Бруно прочел немало книг о путешественниках и исследователях, чтобы уяснить одну вещь: никогда не знаешь, что найдешь. Чаще всего путешественники случайно натываются на что-нибудь стоящее, которое и не терялось никогда, просто лежало себе смирно на одном месте и никого не трогало в ожидании, когда его обнаружат (например, Америка). Иногда же исследователи находили нечто, что лучше было бы и вовсе не искать (например,дохлую мышь за буфетом).

Обнаруженный мальчик явно принадлежал к первой категории находок. Он хоть и не лежал, но сидел на земле — смирно, никого не трогал и ждал, когда его отыщут.

Когда точка выросла в кляксу, потом в пятно, потом в силуэт и, наконец, в мальчика, Бруно замедлил шаг. Хотя их разделяла ограда, он знал, что осторожность с незнакомцами никогда не помешает и приближаться к ним надо с оглядкой. Вот так, вкрадчиво, он и продолжал шагать вперед и очень скоро оказался лицом к лицу с мальчиком.

— Здравствуй, — сказал Бруно.

— Здравствуй, — ответил мальчик.

Он был поменьше Бруно и выглядел каким-то потерянным. Одет он был в такую же полосатую пижаму, как и остальные люди за оградой, и матерчатую полосатую шапочку. Ни ботинок, ни носков на нем не было, из-под штанов торчали довольно грязные ноги. А на рукаве он носил повязку со звездой.

Когда Бруно подошел к мальчику, тот сидел, скрестив ноги и пялясь в пыльную землю. Но, здороваясь, он поднял голову, и Бруно увидел его лицо. Странное лицо, прямо скажем. Кожа была серого цвета, но такого оттенка серого Бруно еще никогда не видел. Большие глаза мальчика отливали карамелью, а белки были очень белыми, и, когда мальчик посмотрел на Бруно, тому почудилось, что на лице незнакомца ничего больше и нет, кроме огромных грустных глаз.

Бруно мог бы поклясться, что в жизни не встречал такого тощего и унылого мальчика, но все же решил поболтать с ним.

— Я провожу исследовательскую экспедицию, — сообщил он.

— Ты? — отозвался мальчик.

— Ну да, моя экспедиция длится уже часа два.

Строго говоря, это было не совсем верно. Бруно стартовал чуть более часа назад, но легкое преувеличение не казалось ему серьезным проступком. Ведь это не то же самое, что ложь, зато в итоге он выглядит более опытным путешественником, чем есть на самом деле.

— Что-нибудь уже нашел? — спросил мальчик.

— Очень немного.

— Совсем ничего?

— Ну, я нашел тебя, — помолчав, ответил Бруно.

Глядя на мальчика, он раздумывал, не спросить ли его, почему он такой унылый, но опасался, что вопрос прозвучит слишком грубо. Бруно знал, что некоторые люди, когда им грустно, не любят расспросов; иногда они сами все выкладывают, а бывает, молчат месяцами, и Бруно решил тщательно взвешивать свои слова. Его экспедиция увенчалась успехом: наконец-то он беседует с человеческим существом, обитающим по ту сторону ограды, и будет обидно, если он упустит удачу, спугнув мальчика.

Бруно сел на землю по свою сторону ограды, скрестил ноги, подражая новому знакомому, и пожалел, что не захватил с собой шоколадки или булки, которые можно было бы съесть на двоих.

— Я живу в доме по эту сторону ограды, — сказал Бруно.

— Да? Я как-то видел тот дом на расстоянии, но тебя там не заметил.

— Моя комната на втором этаже, продолжал Бруно. — Оттуда очень хорошо видно вашу территорию. Меня зовут Бруно, между прочим.

— А меня Шмуэль, — представился мальчик.

Бруно скорчил гримасу, не будучи уверен, правильно ли он расслышал.

— Как, ты сказал, тебя зовут?

— Шмуэль, — повторил мальчик таким тоном, словно в его имени не было ничего необычного. — А как, ты сказал, *тебя* зовут?

— Бруно.

— Никогда не слыхал такого имени, — признался мальчик.

— И я тоже никогда не слыхал имени Шмуэль, — подхватил Бруно. — Шмуэль, — повторил он. — Мне нравится, какой получается звук, когда его произносишь. Будто ветерок подул.

— Бруно, — радостно закивал мальчик. — Мне тоже нравится твое имя. Будто кто-то растирает ладонями руки, чтобы согреться.

— Я еще не встречал человека по имени Шмуэль.

— По эту сторону ограды Шмуэлей полно, — сказал мальчик. — Сто или тысяча. Я бы хотел, чтобы у меня было имя, какого ни у кого нет.

— Но я и никогда не встречал человека, которого бы звали Бруно. Кроме себя самого, конечно. Наверное, я один такой.

— Тебе повезло, — заметил Шмуэль.

— Думаю, да. Сколько тебе лет?

Шмуэль ответил не сразу, сначала он пошевелил пальцами, словно высчитывая свой возраст.

— Девять, — не без удовольствия произнес он. — Я родился пятнадцатого апреля тысяча девятьсот тридцать четвертого года.

Бруно изумленно уставился на него:

— Что ты сказал?

— Я родился пятнадцатого апреля тысяча девятьсот тридцать четвертого года.

Глаза Бруно широко раскрылись, а рот сложился буквой О.

— Не может быть.

— Почему? — слегка обиделся Шмуэль.

— Нет, — Бруно затряс головой, — я тебе верю. Но я ужасно удивлен. Потому что я *тоже* родился пятнадцатого апреля. В тысяча девятьсот тридцать четвертом году. Мы родились в один день!

Шмуэль задумался.

— Значит, тебе тоже девять.

— Да. Разве это не странно?

— Очень странно. Может, по эту сторону ограды и сотни Шмуэлей, но я не видел здесь никого, кто бы родился в один день со мной.

— Мы как близнецы, — сказал Бруно.

— Есть немного, — согласился Шмуэль.

Бруно вдруг страшно обрадовался. Ему вспомнились Карл, Даниэль и Мартин и то, как весело им было вместе в Берлине, и тут он понял, до чего же одиноко ему жилось в Аж-Выси.

— У тебя много друзей? — Бруно искоса поглядывал на Шмуэля.

— О да!.. Ну, в общем, много.

Бруно нахмурился. Он-то надеялся, что Шмуэль ответит отрицательно и это только добавит им обоим схождения.

— *Блиzkих* друзей? — уточнил он.

— Ну, близких, пожалуй, нет. Нас здесь много — то есть мальчиков нашего возраста.

Правда, мы почти все время деремся. Поэтому я и прихожу сюда. Чтобы побыть одному.

— Это нечестно, — заявил Бруно. — Почему я должен торчать по эту сторону ограды, где не с кем поговорить и не с кем поиграть, когда у тебя полно друзей, с которыми можно играть весь день напролет? Придется поговорить об этом с папой.

— А где ты родился? — внезапно заинтересовался Шмуэль.

— В Берлине.

— Где это?

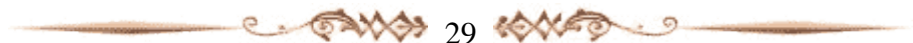
Бруно собрался было объяснить, но вовремя сообразил, что толком и не знает, где находится Берлин.

— В Германии, конечно, — нашелся он. — А ты разве не из Германии?

— Нет, я из Польши.

— Тогда почему ты говоришь по-немецки? — удивился Бруно.

— Потому что ты поздоровался по-немецки. Я и ответил так же. А ты умеешь говорить по-польски?

— Нет. — Бруно растерянно хихикнул. — Я не знаю никого, кто бы говорил на двух языках. И тем более никого из наших ровесников.

— Мама — учительница в моей школе, и она научила меня немецкому, — сказал Шмуэль. — Она и по-французски говорит. И по-итальянски. И по-английски. Она очень умная. Я пока не знаю ни французского, ни итальянского, но она обещала, что когда-нибудь научит меня английскому, потому что он может мне понадобиться.

— Польша, — медленно произнес Бруно, обкатывая слово на языке. — Там ведь не так хорошо, как в Германии, правда?

Шмуэль насупился:

— Почему там должно быть хуже?

— Но ведь Германия — величайшая в мире держава, — припомнил Бруно беседы отца с дедушкой. — Мы лучше всех... — Еще не успев закончить фразу, Бруно почувствовал, что в его словах что-то не так.

Шмуэль посмотрел на него, но ничего не сказал, а Бруно испытал настоящее желание поговорить о чем-нибудь другом. Меньше всего ему хотелось, чтобы Шмуэль принял его за хвастуна. Молчание затянулось, и Бруно прервал его вопросом:

— А где находится Польша?

— В Европе, где же еще.

Бруно попытался вспомнить, какие страны он проходил на уроках географии с герром Лицтом.

— А ты знаешь такую страну Данию? — спросил он.

— Нет.

— Думаю, Польша находится в Дании. — Хотя Бруно и старался выглядеть умным, но запутывался все сильнее и сильнее. — За много километров отсюда, — добавил он для пущей убедительности.

Шмуэль пристально глядел на него, шевеля губами, словно обдумывал ответ.

— Но мы же сейчас в Польше, — наконец произнес он.

— Разве?

— Да. А Дания очень далеко и от Польши, и от Германии.

Бруно рассказывали обо всех этих странах, но ему всегда казалось скучным заучивать их местоположение.

— Отлично, — бодрым тоном произнес Бруно. Он подозревал, что наговорил кучу глупостей, и дал себе обещание впредь быть внимательнее на уроках географии. — Но ведь все относительно, верно? Расстояние, я имею в виду.

— Я никогда не был в Берлине, — сказал Шмуэль.

— А я никогда не был в Польше до того, как приехал сюда, — подхватил Бруно, а в голове у него мелькнуло: «До чего же легко говорить правду!» — Если, конечно, это действительно Польша.

— Можешь быть уверен, — опять погрузился Шмуэль. — Правда, не самая лучшая ее часть. — Вот уж нет.

— Там, где я родился, намного красивее.

— Здесь определенно хуже, чем в Берлине, — объявил Бруно. — В Берлине у нас был дом в пять этажей, если считать подвал и комнатку с окном на самом верху. И там были чудесные улицы и магазины, и лотки с овощами-фруктами, и множество кафе. Но если ты когда-нибудь поедешь туда, не советую гулять по центру города в субботний день, потому что тебя там просто затолкают. А раньше, до того как многое изменилось, в Берлине было еще лучше.

— Что изменилось? — полюбопытствовал Шмуэль.

— Ну, там было очень тихо, — нехотя ответил Бруно: он не любил рассказывать о переменах. — И я мог читать по вечерам в постели. Но теперь в Берлине бывает очень шумно и страшно, и нам приходится выключать свет повсюду, когда на улице стемнеет.

— Город, где я родился, намного приятнее, чем Берлин, — сказал, как отрезал, Шмуэль, хотя Берлина он в глаза не видел. — Там все очень милые, и у нас большая семья, и еда куда лучше.

— Ладно, пусть каждый думает что хочет, а другой уважает его точку зрения, — предложил Бруно, которому вовсе не улыбалось поссориться с новым другом при первом же знакомстве.

— Идет, — кивнул Шмуэль.

— Ты любишь бывать в экспедициях? — спросил Бруно после паузы.

— Я никогда не бывал в экспедициях, — признался Шмуэль.

— Я собираюсь стать путешественником-исследователем, когда вырасту, — оживился Бруно. — Пока я могу только читать об исследователях, но и это не пустая трата времени. По крайней мере, в будущем я не повторю их ошибок.

— Каких ошибок? — насторожился Шмуэль.

— Да мало ли каких! Самое главное в любой экспедиции понять, пригодится ли тебе то, что ты нашел, или, может, искать-то не стоило. Кое-что лежит себе смирно, никого не трогает и ждет, пока его обнаружат. Например, Америка. А к другим находкам разумнее вовсе не прикасаться. Например, к дохлой мышке за буфетом.

— Если я — твоя находка, то, по-моему, я похож на Америку, — сказал Шмуэль.

— Да, — подтвердил Бруно. — Я тоже так думаю... Можно задать тебе один вопрос? — добавил он.

— Спрашивай.

Бруно мысленно отрепетировал фразу, чтобы опять не попасть впросак.

— Почему на той стороне ограды так много людей? И что они там делают?

Глава одиннадцатая

Фурор

Однажды вечером — незадолго до того, как папе выдали новую форму и обязали всю прислугу в доме обращаться к нему «господин комендант», и накануне того дня, когда Бруно, возвратясь из школы, обнаружил у себя в комнате Марию, пакующую его вещи, — отец пришел домой невероятно взволнованный. Такое состояние обычно ему не было

свойственно. Он напрямик прошагал в гостиную, где мама, Бруно и Гретель сидели за книжками.

— В четверг вечером, — с порога объявил отец. — Если у нас есть планы на четверг, придется их отменить.

— Ты можешь менять свои планы сколько угодно, — возразила мама, — а я договорилась пойти в театр с...

— Фурор хочет кое-что со мной обсудить. — Отцу разрешалось перебивать маму, в отличие от всех прочих. — Сегодня днем я говорил с ним по телефону. Он может только в четверг вечером и сказал, что придет к нам на ужин.

Мамины глаза широко раскрылись, а губы сложились буквой О. Бруно уставился на нее: неужто и он так же выглядит, когда чем-нибудь удивлен?

— Ты шутишь. — Мама слегка побледнела. — Он придет сюда? К нам домой?

Отец кивнул:

— В семь часов. Надо подумать, чем его угостить. Хорошо бы чем-нибудь особенным.

— О боже. — Глаза у мамы забегали при одной мысли, сколько хлопот ей предстоит.

— Кто такой Фурор? — спросил Бруно.

— Ты неправильно произносишь, — сказал отец и выговорил слово медленно и правильно, специально для того, чтобы сын повторил за ним.

— Фурор, — повторил Бруно, стараясь в точности подражать отцу, увы, безуспешно.

— Нет, фю... — продолжил урок отец, но вдруг махнул рукой: — А, неважно!

— Но кто он все же такой? — не отставал Бруно.

Отец с недоумением глядел на сына:

— Ты отлично знаешь, кто такой Фурор.

— Нет, не знаю.

— Он руководит страной, идиот. — Гретель, как заведено у сестер, решила выпендриться.

(Вот поэтому ей и было присвоено звание «безнадежный случай».) — Ты что, газет не читаешь?

— Будь добра, не называй брата идиотом, — вмешалась мама.

— А можно я буду называть его дураком?

— Пожалуй, не стоит.

Разочарованная Гретель села на свое место, но не преминула показать брату язык.

— Он придет один? — спросила мама.

— Забыл уточнить, — спохватился отец. — Скорее всего, он приведет *ее* с собой.

— Ох.

Мама встала. Она явно прикидывала в уме, сколько всего ей надо сделать и организовать к четвергу, который наступит уже через два дня. Прибрать дом сверху донизу, вымыть окна, отчистить от пятен и отполировать обеденный стол, заказать продукты, выстирать и отгладить форму горничной и дворецкого, начистить фарфор и бокалы до блеска.

Однако, несмотря на то что список необходимого удлинялся с каждым часом, мама умудрилась завершить подготовку ужина точно в срок, хотя и беспрестанно жаловалась: мол, устроить великолепный ужин было бы куда легче, если бы кое-кто побольше помогал по дому.

За час до появления Фурора Гретель и Бруно призвали вниз и удостоили редкой чести — приглашения в кабинет отца. Гретель была в белом платье и гольфах, а ее кудри завивались штопором. На Бруно были темно-коричневые брюки до колен, простая белая рубашка и темно-коричневый галстук. Ради такого случая ему купили новые ботинки, чем он очень гордился, хотя ботинки оказались маловаты, давили на пальцы и в них было трудно ходить. Тем не менее все эти приготовления и праздничная одежда представлялись Бруно лишними хлопотами: ведь ни он, ни сестра на ужин званы не были; они поели часом раньше.

— Итак, дети. — Отец сидел за письменным столом, переводя взгляд с сына на дочь и обратно; сесть им не предложили. — Надеюсь, вы понимаете, что у нас сегодня особенный вечер?

Дети кивнули.

— И для моей карьеры очень важно, чтобы все прошло без сучка без задоринки.

Дети опять кивнули.

— Тогда я перечислю основные правила, которые необходимо загодя усвоить.

Отец всей душой верил в основные правила. Когда в доме происходило нечто из ряда вон выходящее или очень серьезное, эти правила множились на глазах, и придумывал их сам отец.

— Номер один, — начал отец. — Когда придет Фурор, вы будете тихо, спокойно стоять в прихожей и ждать, когда сможете его поприветствовать. Не заговаривайте с ним прежде, чем он заговорит с вами. Отвечать ему следует звонким голосом, четко выговаривая каждое слово. Ясно?

— Да, папа, — пробормотал Бруно.

— А вот так отвечать нельзя, — строго заметил отец, имея в виду бормотанье. — Открывай рот и говори как взрослый. Нам абсолютно не нужно, чтобы вы начали вести себя как дети. Если Фурор не обратит на вас внимания, помалкивайте, но голову держите высоко поднятой, демонстрируя уважение и вежливость, которых заслуживает наш великий вождь.

— Конечно, папа, — звонко ответила Гретель.

— А когда мы с мамой отправимся ужинать с Фурором, вы пойдете к себе и будете сидеть очень тихо. Никакой беготни по дому, никакого катанья по перилам, — отец выразительно посмотрел на Бруно, — и никаких попыток вступить с нами или гостем в разговор. Ясно? Не хватало только, чтобы кто-нибудь из вас вышел из берегов.

Бруно и Гретель кивнули. Отец встал, давая понять, что аудиенция окончена.

— Помните основные правила, — сказал он напоследок с угрозой в голосе.

Три четверти часа спустя прозвенел дверной звонок и дом затрясло от всеобщего возбуждения. Бруно и Гретель встали рядышком у лестницы, мама присоединилась к ним, нервно потирая руки. Папа окинул семейство быстрым взглядом, удовлетворенно хмыкнул и только после этого отпер дверь.

На пороге стояли двое: довольно низкорослый мужчина и женщина, которая была выше своего спутника.

Отец вскинул руку в знак приветствия и впустил их в дом, где Мария, склонив голову еще ниже, чем обычно, сняла с них пальто. Гостям представили членов семьи. Сперва они заговорили с мамой, и Бруно воспользовался возможностью хорошенько разглядеть гостей и решить, достойны ли они всей этой суматохи, устроенной ради них.

Фурор был ниже папы и, по прикидкам Бруно, не такой мускулистый. У него были черные волосы, коротко стриженные, и маленькие усики настолько маленькие, что Бруно не понимал, зачем он вообще с ними возится. А может, когда он брился, то просто по рассеянности оставил над верхней губой полоску щетины? А вот его спутница произвела на Бруно куда более сильное впечатление: такой красивой женщины он никогда не встречал. У нее были светлые волосы и ярко-красные губы, и, пока Фурор разговаривал с мамой, блондинка обернулась и с улыбкой посмотрела на Бруно, заставив его покраснеть от смущения.

— А это мои дети, Фурор, — сказал папа. — Гретель и Бруно.

Дети сделали шаг вперед.

— И кто же из них кто? — осведомился Фурор.

Все рассмеялись, — все, кроме Бруно. Он считал, что кто из них кто, у них на лицах написано, и уж во всяком случае это не повод для шуток и веселья. Фурор пожал им руки, а Гретель не слишком ловко сделала книксен, который разучивала целый день. Бруно ухмыльнулся про себя, когда книксен не удался и сестра едва не брякнулась на пол.

— Какие очаровательные дети! — воскликнула светловолосая красавица. — И сколько же им лет, можно узнать?

— Мне двенадцать, а ему только девять, — ответила Гретель, бросая на брата презрительный взгляд. — А еще я говорю по-французски. — Если честно, Гретель немного слукавила: в школе она успела выучить лишь несколько фраз.

— Прекрасно, но зачем тебе французский? — спросил Фурор.

На этот раз никто не засмеялся, напротив, все начали переминаться с ноги на ногу. Гретель же смотрела на Фурора, не зная, что ответить.

Похоже, ответа Фурору и не требовалось, потому что этот самый невоспитанный гость, по мнению Бруно, который когда-либо являлся к ним в дом, быстро развернулся и направился напрямик в столовую, где без колебаний уселся во главе стола — на папино место! Слегка покрасневшиеся мама с папой последовали за ним; мама на ходу велела Ларсу разогревать суп.

— Я тоже говорю по-французски. — Светловолосая дама нагнулась и улыбнулась детям. Видно, она не боялась Фурора, как мама с папой. — Французский — красивый язык, и ты правильно делаешь, что учишь его.

— Ева! — крикнул Фурор из столовой и щелкнул пальцами, словно подзывал собачонку. Закатив глаза, дама медленно выпрямилась.

— У тебя отличные ботинки, Бруно, но, кажется, они немного тесноваты, — добавила она, по-прежнему улыбаясь. — А если так, скажи об этом маме, иначе натрешь мозоль.

— Они только *чуть-чуть* жмут, — сказал Бруно.

— Обычно я не завиваю волосы, — не утерпела Гретель, завидуя вниманию, оказанному брату.

— Но почему? — удивилась дама. — Тебе очень идет.

— Ева! — взревел Фурор, и только после этого светловолосая красавица направилась в столовую.

— Было очень приятно с вами познакомиться, — обронила она на пороге комнаты.

Дети увидели, как она садится по левую руку от Фурора. Гретель зашагала к лестнице, но Бруно остался стоять как вкопанный, не сводя глаз с прекрасной гостьи. Она поймала его взгляд и помахала ему, но тут возник папа и закрыл дверь, дернув при этом головой, и Бруно понял, что ему пора убираться к себе в комнату и сидеть тихо, не выходить из берегов и ни в коем случае не съезжать по перилам.

Фурор с Евой пробыли у них часа два, но ни Гретель, ни Бруно не позвали вниз, чтобы проститься с гостями. Бруно наблюдал за их отъездом из окна своей спальни, отметив про себя, что, когда они подошли к машине, за рулем которой сидел шофер, — ну и ну! — Фурор не открыл дверцу для своей спутницы, но первым забрался внутрь и сидел, уткнувшись в газету, пока она прощалась с мамой, благодаря за чудесный ужин.

«До чего же противный тип», — подумал Бруно.

Позже в тот же вечер до Бруно донеслись обрывки разговора между мамой и папой. Ключки фраз просачивались сквозь замочную скважину или в щель под дверью папиного кабинета, взмывали вверх, кружась, и проскальзывали под дверь комнаты Бруно. Голоса родителей звучали непривычно громко и сумбурно, поэтому Бруно сумел разобрать совсем немного.

«...Уехать из Берлина. И куда!..» — говорила мама.

«...Нет другого выхода, если мы не хотим, чтобы для нас все кончилось...» — раздавался голос отца.

«...Словно это самая нормальная вещь на свете, но это не так, не так...» — кричала мама.

«...Иначе меня заберут и поступят со мной, как...» — возражал отец.

«...И что же из них вырастет в таком месте...» — не унималась мама.

«...С меня хватит, я не желаю больше слушать...» — кипятился отец.

Очевидно, на этом разговор прекратился, потому что почти сразу мама вышла из папиного кабинета, и Бруно заснул.

Спустя пару дней он вернулся домой из школы и обнаружил Марию в своей спальне. Она вытаскивала его пожитки из шкафа, складывая их в четыре больших деревянных сундука,

вынимала даже то, что было глубоко запрятано и к чему никто не смел прикасаться. С этого все и началось.

Глава двенадцатая

Как Шмуэль ответил на вопрос Бруно

— Вот что я тебе скажу, — начал Шмуэль. — Я знаю только одно: раньше мы с мамой, папой и моим братом Иосифом жили в небольшой квартирке над мастерской, где папа делал часы. Каждое утро мы завтракали в семь часов, потом шли в школу, а папа чинил часы, которые ему приносили, и мастерил новые. Однажды он подарил мне очень красивые часы, но у меня их больше нет. У них был золотой циферблат, и каждый вечер перед сном я заводил их, и они всегда показывали точное время.

— А куда они подевались? — спросил Бруно.

— Отняли.

— Кто?

— Солдаты, кто же еще, — невозмутимо ответил Шмуэль, словно иначе и быть не может. — А потом все изменилось. Как-то я вернулся домой из школы и увидел, что мама шьет для нас нарукавные повязки и рисует на них звезду. Вот такую.

И он пальцем начертил на пыльной земле звезду.

— Мама велела нам надевать эти повязки каждый раз, когда мы выходим из дома.

— Мой отец тоже носит повязку, — вставил Бруно. На рукаве формы. Очень красивую. Ярко-красную с черно-красным узором.

На пыльной земле со своей стороны ограды он пальцем начертил этот узор.

— Да, но они выглядят по-разному, — заметил Шмуэль.

— У меня никогда не было нарукавной повязки, — сказал Бруно.

— А мне ее повязали, хотя я и не просил.

Бруно постарался приободрить нового друга:

— А я бы не отказался носить повязку. Правда, не знаю, какую предпочел бы, твою или папину.

Пожав плечами, Шмуэль продолжил свой рассказ. В последнее время он не часто вспоминал о своей прежней жизни над часовой мастерской, от этих воспоминаний ему становилось очень грустно.

— Несколько месяцев мы ходили с повязками на рукаве. А потом опять все изменилось.

Возвращаясь домой, а мама говорит, что мы больше не можем жить в нашем доме...

— Со мной случилось то же самое! — воскликнул Бруно, радуясь тому, что он не единственный мальчик на свете, которого вынудили уехать из дома. — Фурор явился к нам на ужин, и — бац! — мне говорят, что мы переезжаем. *Ненавижу* это место, — добавил он, повысив голос. — Он тоже приходил к вам, а потом заставил ехать сюда?

— Нет, но когда нам сказали, что мы больше не можем жить в нашем доме, нам пришлось переехать в другой район Кракова. Там солдаты построили высокую стену, и мама, папа, брат и я, все стали жить в одной комнате.

33

— Все вместе? — переспросил Бруно. — В одной комнате?

— И не только мы. С нами жила еще одна семья, те мама и папа все время ссорились, а их старший сын, здоровый такой, бил меня, даже когда я ничего плохого не делал.

— Не может быть, чтобы вы все жили в одной комнате, — засомневался Бруно. — Так не бывает.

— Но так было, — горячо возразил Шмуэль. — Одиннадцать человек.

Бруно собрался было поспорить — он и представить не мог, каким образом одиннадцать человек способны уместиться в одной комнате, — но передумал.

— Мы жили там какое-то время, — продолжал Шмуэль. — В комнате было маленькое окошко, но я не любил в него смотреть, потому что видно было только стену, а я ее ненавидел, ведь она отделяла нас от нашего дома. И район тот плохой, всегда очень шумно и

невозможно заснуть. И я ненавижу Лукаша, того мальчика, что бил меня, даже когда я не делал ничего дурного.

— Гретель тоже иногда меня бьет, — признался Бруно. — Она моя сестра, пояснил он. — Безнадежный случай. Но скоро я вырасту и стану сильнее ее, и тогда посмотрим, кто кого. — А потом наступил день, когда приехали солдаты на огромных грузовиках. — Гретель, похоже, не заинтересовала Шмуэля. — И всем велели выйти на улицу. Многие не хотели выходить, прятались где только можно, но, по-моему, в конце концов всех отловили. Нас запихнули в грузовик и отвезли на вокзал, там мы сели в поезд...

Шмуэль умолк, закусив губу. Бруно показалось, что он сейчас заплачет, и он не понимал почему.

— В поезде было ужасно. — Очевидно, Шмуэлю удалось взять себя в руки. — Во-первых, в вагоне было очень тесно. И нечем дышать. И мерзко воняло.

— Это потому, что вы все ринулись в один и тот же поезд. — Бруно припомнил, как он сам покидал Берлин. — Когда мы ехали сюда, вдоль платформы стояло два поезда, но все хотели попасть только в один из них, а второго будто и не замечали. Мы же сели во второй. Вам тоже надо было так сделать.

— Вряд ли бы нам позволили. Мы не могли выйти из вагона.

— Двери находятся в конце вагона, — подсказал Бруно.

— Там не было дверей.

— Ну конечно, были, — вздохнул Бруно. — В самом конце. Сразу за буфетом.

— Никаких дверей, — настаивал Шмуэль. — Если бы они были, мы бы все повыскакивали наружу.

Бруно буркнул себе под нос что-то вроде «конечно, были», но громко повторять не стал.

— Когда нас наконец высадили, на улице было очень холодно, и нам пришлось идти пешком.

— За нами приехала машина, — сказал Бруно, на сей раз во весь голос.

— Маму от нас забрали, а папу, Иосифа и меня поселили вон в те бараки. С тех пор мы здесь и живем.

Закончив рассказывать, Шмуэль совсем расстроился, и Бруно не понимал, в чем дело.

Ничего такого уж страшного со Шмуэлем не случилось. Разве Бруно не пришлось пережить то же самое?

— Там у вас много ребят? — спросил он.

— Сотни.

Бруно вытаращил глаза.

— Сотни?! — Он едва не задохнулся от возмущения. — Нет, это нечестно. По эту сторону ограды вообще не с кем играть. Никого нет.

— Мы не играем.

— Не играете? Почему?

— А во что нам играть? — Шмуэль даже растерялся.

— Ну, не знаю. В разные игры. В футбол, например. Или экспедиции устраивать. Кстати, там у вас есть что исследовать?

Шмуэль молча покачал головой. Он оглянулся на бараки, потом снова посмотрел на Бруно.

Ему очень не хотелось задавать следующий вопрос, но боль в животе придала ему смелости.

— У тебя случайно нет с собой еды?

— К сожалению, нет. Я хотел захватить шоколадку, но забыл.

— Шоколад, — медленно повторил Шмуэль, проводя языком по обветренным губам. — Я ел шоколад только раз в жизни.

— Только раз? А я люблю шоколад и не могу им наесться, хотя мама говорит, что от него портятся зубы.

— А хлеба не захватил?

Бруно отрицательно помотал головой:

— Хлеб подают только за столом, а ужин еще не скоро, в половине седьмого. А у вас во сколько ужинают?

Не ответив, Шмуэль поднялся с земли:

— Думаю, мне пора возвращаться.

— Надеюсь, ты придешь как-нибудь к нам на ужин, — сказал Бруно, хотя и не был уверен, что его родные одобряют такого гостя.

— Надеюсь, — вяло отозвался Шмуэль.

— Или я к тебе приду. Познакомлюсь с твоими друзьями, — с воодушевлением добавил Бруно. Он ждал, что Шмуэль сам его пригласит, но тот, похоже, и не собирался этого делать.

— Ты не на нашей стороне ограды, — заметил Шмуэль.

— Я проползу под ней. — Бруно взялся за проволоку, и она подалась. Посередине, между деревянными телеграфными столбами, приподнять ее оказалось довольно легко, и такой невысокий мальчик, как Бруно, мог запросто пролезть в образовавшийся проем.

Увидев, как Бруно дергает проволочную ограду, Шмуэль испуганно попятился.

— Мне надо возвращаться.

— Как-нибудь еще увидимся, — сказал Бруно.

— Здесь нельзя находиться. Если поймают, меня обязательно накажут.

Шмуэль побрел к лагерю, и Бруно вновь отметил про себя, до чего же мал ростом и тощ его новый друг. Но он ни слова не проронил на этот счет, он слишком хорошо знал, как неприятно, когда тебя попрекают всякой ерундой, вроде низкого роста, и вдобавок ему совсем не хотелось дразнить Шмуэля.

— Я приду завтра, — крикнул он вслед удалявшемуся мальчику, но Шмуэль даже не обернулся. Более того, он бросился бежать к лагерю, предоставив Бруно самому себе. Решив, что на сегодня он достаточно напутешествовался, Бруно двинул домой, предвкушая, как расскажет маме, папе и Гретель (вот уж кто обзавидуется и еще, чего доброго, разорется), Марии, поварихе и Ларсу о своих приключениях, о новом лучшем друге со смешным именем и о том замечательном факте, что они со Шмуэлем родились в один день. Но чем ближе Бруно подходил к дому, тем сильнее его терзали сомнения: а стоит ли рассказывать? «Ведь может так случиться, — размышлял он, — что они не захотят, чтобы я дружил с этим мальчиком, и запретят мне туда ходить». К тому моменту, когда Бруно переступил порог своего дома и учуял запах говядины, жарившейся в духовке к ужину, он решил держать язык за зубами. Пусть это будет его тайной. То есть его и Шмуэля, их общей тайной.

Бруно всегда думал, что если родители, а тем более сестры, о чем-то не знают, то иногда и незачем вводить их в курс дела. Так спокойнее — и им, и Бруно.

Глава тринадцатая

Бутылка вина

Заканчивалась одна неделя, начиналась следующая, и Бруно становилось все яснее и яснее: в обозримом будущем ему не вернуться в Берлин, поэтому о перилах в их уютном доме и о встречах с Карлом, Даниэлем и Мартином лучше пока и не мечтать.

Впрочем, он постепенно привыкал к жизни в Аж-Выси и больше не чувствовал себя таким уж несчастным. Ведь теперь ему было с кем поговорить, не то что раньше. Каждый день, после уроков, Бруно совершал долгую прогулку вдоль ограды. Шмуэль поджидал его на прежнем месте. Они сидели и разговаривали, пока не наступал час возвращаться домой, и Бруно все реже вспоминал Берлин.

Однажды, когда он стоял перед открытым холодильником, набивая карманы хлебом и сыром, в кухню вошла Мария. Она резко остановилась, увидев, чем он занят.

— Добрый день. — Бруно постарался притвориться, будто ничего особенного не происходит. — Ты меня напугала, я не слышал, как ты вошла.

— Опять закусываешь? — улыбаясь, спросила Мария. — Ты же недавно обедал. Неужто снова проголодался?

— Чуть-чуть. Я иду гулять, вот и решил захватить съестных припасов на всякий случай. Пожав плечами, Мария направилась к плите и поставила на огонь кастрюлю с водой. Рядом на столе лежала горка картошки с морковью, заготовленная для Павла, который должен был вот-вот появиться. Бруно торопился уйти, но задержался, глядя на овощи. В последнее время его кое-что беспокоило, но он не знал, к кому обратиться за разъяснениями. Пожалуй, сейчас настал самый подходящий момент: кого же спрашивать, как не Марию? К тому же здесь, на кухне, никто не помешает их беседе.

— Мария, можно задать тебе один вопрос?

— Конечно, Бруно.

— А если я задам этот вопрос, ты обещаешь, что никому не скажешь, о чем я спрашивал?

Горничная недоверчиво посмотрела на Бруно, но кивнула.

— Хорошо. О чем ты хочешь узнать?

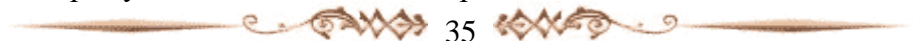
— О Павле. Ты ведь знакома с ним? Ну, с тем человеком, что приходит сюда чистить овощи, а потом прислуживает за столом.

— О да, — с облегчением улыбнулась Мария, никакого подвоха в вопросе Бруно не обнаружив. — Я знакома с Павлом. Мы часто беседуем. А почему ты спрашиваешь?

— Ну, — замялся Бруно, обдумывая каждое слово из опасения, как бы не сболтнуть лишнего, — помнишь, когда мы только сюда приехали, я повесил качели на дубе, а потом упал с них и поранил колено?

— Помню. А что, колено снова заболело?

— Нет, все в порядке, — отмахнулся Бруно. — Но когда я его разбил, из взрослых дома был только Павел. И он принес меня на кухню, прочистил рану, промыл, намазал зеленкой, которая ужасно щипала, но, наверное, без этого нельзя было обойтись, и наложил повязку.

— И что тут странного? Обычная процедура, когда кто-нибудь поранится. — Мария больше не улыбалась.

— Знаю. Только он сказал, что на самом деле он не прислуга.

Лицо горничной окаменело. Ответила Мария не сразу, сначала отвернулась и облизнула губы.

— Вот оно что, — произнесла она. — И кто же он на самом деле, по его словам?

— Говорит, что врач. Разве это не странно? Он ведь не может быть врачом, правда ведь?

— Нет, — покачала головой Мария. — Он не врач. Он служит у нас на кухне.

— Я так и знал. — Бруно был очень доволен собой. — Но зачем он мне соврал? Какой в этом смысл?

— Бруно, сейчас Павел не врач, — тихо проговорила Мария. — Но когда-то был им. В другой жизни. До того, как приехал сюда.

Бруно глубоко задумался.

— Ничего не понимаю, — признался он.

— Не ты один, — обронила горничная.

— Но если он был врачом, то почему он сейчас не лечит людей?

Мария вздохнула, выглянула в окно убедиться, что поблизости никого нет, жестом велела Бруно сесть на стул, а сама села рядом.

— Я расскажу тебе то, что Павел рассказывал о себе, но ты не должен никому об этом говорить, слышишь? Иначе нам всем будет очень плохо.

— Никому не скажу, — поклялся Бруно, который обожал тайны и почти всегда надежно хранил их, разве что за исключением тех случаев, когда раскрыть тайну было совершенно необходимо, либо когда хранить молчание было ну просто выше его сил.

— Ладно. Вот что мне известно... — начала Мария.

В тот день Бруно опоздал на встречу со Шмуэлем, но его новый друг, как обычно, ждал на условленном месте, сидя на земле скрестив ноги.

— Прости за опоздание. — Бруно просунул сквозь проволочную ограду хлеб с сыром. Точнее, то, что от него осталось, Бруно все-таки проголодался по дороге. — Я разговаривал с Марией.

— Кто это, Мария? — Шмуэль с жадностью вгрызлся в хлеб.

— Наша горничная. Она очень хорошая, хотя папа и говорит, что она нам дорого обходится. Она рассказала мне о Павле, человеке, который чистит овощи и прислуживает за столом. По-моему, он живет на твоей стороне ограды.

На мгновение Шмуэль перестал жевать.

— На моей стороне?

— Да. Ты его знаешь? Он очень старый и носит белую куртку, когда прислуживает за ужином. Ты наверняка его видел.

— Нет, — Шмуэль помотал головой, — я такого не знаю.

— Да не может быть. — Бруно даже решил, что Шмуэль нарочно отнекивается, чтобы подразнить его. — Он пониже других взрослых, седой и немного сутулится.

— Ох, ты не понимаешь, как много людей живет по эту сторону ограды, сказал Шмуэль. — Нас здесь тысячи.

— Но этого зовут Павел, — не унимался Бруно. — Когда я упал с качелей, он прочистил мне рану, чтобы не случилось заражения крови, и перевязал колено. Но я не о том хотел сказать. Самое главное, этот Павел тоже родом из Польши. Как и ты.

— Тут очень много людей из Польши, почти все, — равнодушно заметил Шмуэль. — Хотя некоторые из других мест. Например, из Чехословакии или...

— Вот я и подумал, что если вы земляки, ты должен его знать. В общем, в своем родном городе он был врачом, прежде чем приехал сюда, а здесь ему не разрешают лечить людей, и если папа узнает, что он обработал мою ногу, когда я поранился, беды не миновать.

— Военным не нравится, когда люди выздоравливают. — Шмуэль проглотил последний кусок хлеба. — Им больше нравится, когда все получается наоборот.

Бруно кивнул, хотя не совсем понял, что Шмуэль имеет в виду. Он помолчал, уставившись в небо, затем глянул сквозь проволоку и задал еще один вопрос, давно вертевшийся у него на языке:

— Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

— Я хочу работать в зоопарке, — ответил Шмуэль.

— В зоопарке?

— Я люблю животных, — застенчиво объяснил Шмуэль.

— А я буду военным, — твердо заявил Бруно. — Как папа.

— Я бы не пошел в военные.

— Конечно, не таким, как лейтенант Котлер, — поспешил уточнить Бруно. — Этот только и знает что расхаживать всюду словно у себя дома, хихикать с моей сестрой и шептаться с мамой. По-моему, он вообще не очень хороший военный. Я же хочу стать таким, как папа. Одним из лучших.

— Хороших военных не бывает, — произнес Шмуэль.

— Еще как бывает! — возразил Бруно.

— Кто же?

— Ну, мой отец хотя бы. Вот почему он ходит в такой потрясающей форме, и все называют его комендантом и делают, что он велит. У Фурора на его счет большие планы, потому что он очень хороший военный.

— Хороших военных не бывает, — угрюмо повторил Шмуэль.

— Кроме моего отца, — не сдавался Бруно, надеясь в душе, что Шмуэль не будет стоять на своем. Бруно очень не хотелось ссориться: в конце концов, здесь, в Аж-Выси, Шмуэль был его единственным другом. Но отец есть отец, и Бруно считал, что нельзя позволять другим людям дурно отзываться о нем.

Несколько минут мальчишки сидели не шевелясь и молчали. Каждый опасался ляпнуть что-нибудь, о чем бы потом пожалел.

Первым нарушил молчание Шмуэль.

— Ты не знаешь, каково здесь живется, — очень тихо, почти неразборчиво произнес он.

— У тебя ведь нет сестер? — торопливо спросил Бруно, делая вид, что не слышал, что сказал его новый друг. А раз так, то и не надо отвечать.

— Нет, — Шмуэль покачал головой.

— Тебе повезло. Гретель всего двенадцать, но она воображает, будто знает все на свете. Она настоящий безнадежный случай. Сидит целыми днями у окна, а как завидит лейтенанта Котлера, мчится со всех ног в прихожую и притворяется, будто явилась туда по делу. На днях я ее застал там. Котлер вошел, она вздрогнула и говорит: «О, лейтенант Котлер! Не ожидала вас здесь увидеть». Но мне-то точно известно, что она его подкарауливала.

Рассказывая, Бруно не смотрел на Шмуэля, но когда глянул на него, обнаружил, что его друг, у которого и так кровинки в лице не было, побледнел еще сильнее.

— Что с тобой? — встревожился Бруно. — У тебя такой вид, словно тебя тошнит.

— Давай не будем о нем говорить, — попросил Шмуэль.

— О ком? — не понял Бруно.

— О лейтенанте Котлере. Я его боюсь.

— Я тоже его немного боюсь, — признался Бруно. — Он любит задирачься. И от него жутко воняет. Одеколоном, которым он поливается.

И вдруг Шмуэль задрожал. Бруно огляделся, словно холод скорее можно увидеть, чем ощутить.

— Что случилось? удивился он. — Ведь на улице тепло. Но тебе надо было надеть свитер.

По вечерам становится прохладнее, — назидательно добавил он.

Вечером того же дня Бруно, к своему огорчению, узнал, что лейтенант Котлер ужинает с ними. Других гостей не было. Павел как всегда, в белой куртке — прислуживал за столом. Бруно наблюдал, как Павел огибает стол, и обнаружил, что у него портится настроение, стоит ему взглянуть на слугу. Интересно, когда Павел был врачом, он тоже ходил в белой куртке или надевал белый халат? — размышлял Бруно. Поставив тарелки и разложив приборы перед каждым едоком, Павел отступил к стене и, пока все ели и разговаривали, стоял там совершенно неподвижно, а на лице его отсутствовало всякое выражение — старик будто спал с открытыми глазами.

При необходимости что-нибудь подать или принести Павел оживал и срывался с места, но всякий раз, когда Бруно бросал взгляд на слугу, мальчика охватывало какое-то тяжелое и мрачное предчувствие. Казалось, с каждым днем Павел становится все меньше и меньше, а щеки его, и прежде серые, поблекли еще сильнее, если такое вообще возможно. Веки Павла подозрительно набухли, и Бруно подумал, что если он неудачно моргнет, то слезы потоком польются из его глаз.

Когда старик внес в комнату стопку тарелок, Бруно не мог не заметить, что руки у него подрагивают под их тяжестью. А когда Павел опять занял свою привычную позицию у стены, Бруно почудилось, что слуга пошатнулся и упал бы, не обопрись он рукой о стену. Маме пришлось дважды просить добавки супа, с первого раза Павел не услышал. А потом, разлив вино по бокалам и опустошив бутылку, он не успел вовремя откупорить другую, чтобы наполнить папин бокал.

— Герр Лицт не разрешает нам читать стихи и пьесы, — жаловался Бруно за горячим блюдом. Поскольку у них за ужином был гость, все были одеты не по-домашнему: папа сидел в форме, мама в зеленом платье, подчеркивавшем цвет ее глаз, Гретель с Бруно нарядились в одежду, в которой они ходили в церковь в Берлине. — Я спросил, можно ли читать стихи хотя бы раз в неделю. А он сказал, что не позволит такого, пока он руководит нашим обучением.

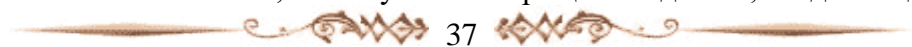
— Уверен, он действует исходя из самых благих побуждений, — заметил отец, налегая на баранью ногу.

— Он хочет, чтобы мы учили только историю и географию, — продолжал Бруно. — И я уже начинаю ненавидеть историю с географией.

— Бруно, нельзя так говорить, — вставила мама.

— Почему ты ненавидишь историю? — Отец на секунду отложил вилку и посмотрел через стол на сына.

Тот пожал плечами, что ему тоже запрещалось делать, когда беседует со взрослыми.

— Потому что скучно.

— Скучно? Мой сын считает изучение истории скучным занятием? А теперь послушай меня, Бруно. — Отец подался вперед, тыча ножом в сына. — Здесь, за этим столом, мы оказались исключительно по милости истории. Если бы не история, сидели бы мы сейчас в тишине и покое за нашим столом в нашем берлинском доме. Здесь же мы для того, чтобы исправлять исторические ошибки.

— Все равно скучно, — повторил Бруно, особо не прислушиваясь к словам отца.

— Вам придется простить моего брата, лейтенант Котлер, — проворковала Гретель, касаясь руки гостя. Этот жест заставил маму пристально воззриться на дочку. — Он очень невежественный маленький мальчик.

— Я не невежественный, — рявкнул Бруно. И как Гретель не надоеет его оскорблять! — Вам придется простить мою сестру, лейтенант Котлер, — вежливым тоном добавил он, — но она — безнадежный случай, и мы не в силах ничего изменить. Врачи говорят, что ей уже нельзя помочь.

— Заткнись! — залившись краской, выкрикнула Гретель.

— Сама заткнись, — расплылся в улыбке Бруно.

— Дети, прошу вас, — вмешалась мама.

Отец постучал ножом по столу, и все умолкли. Бруно украдкой глянул на него: сердитым папа не выглядел, но было ясно, что препирательств за столом он больше не потерпит.

— В школе мне очень нравилась история, — заговорил лейтенант Котлер. — И хотя мой отец был профессором литературы в университете, я предпочитал искусству общественные науки.

— Вот как? А я и не знала. — Мама с интересом взглянула на Котлера. Ваш отец все еще преподает?

— Наверное... По совести говоря, я точно не знаю.

Мама вскинула брови:

— Курт, как вы можете не знать? Не поддерживаете с ним отношений?

Молодой лейтенант тщательно пережевывал баранину, и этот процесс предоставил ему возможность подумать над ответом. На Бруно он метнул сердитый взгляд, в котором читалось: зря ты, парень, завел этот разговор.

— Курт, — настаивала мама, — вы не поддерживаете отношений с отцом?

— Не совсем так, — небрежно обронил Котлер, всем своим видом давая понять, что столь пустячная тема не достойна серьезного обсуждения. На маму он при этом не смотрел. — Отец уехал из Германии несколько лет назад. В тридцать восьмом, если не ошибаюсь. С тех пор я его не видел.

Отец Бруно вдруг прекратил есть и, чуть нахмурившись, поглядел на лейтенанта Котлера:

— И куда же он уехал?

— Простите, господин комендант? — переспросил Котлер, хотя вопрос отца, как всегда, прозвучал ясно и четко.

— Я поинтересовался, куда же он уехал, — повторил комендант. — Ваш отец. Профессор литературы. В какую страну?

Котлер слегка покраснел и вдруг начал заикаться.

— Кажется... Кажется, в данное время он в Швейцарии, — выдавил он наконец. — Последнее, что я о нем слышал, он преподает в университете в Берне.

— О, Швейцария — красивая страна, — оживилась мама. — Верно, я там никогда не была, но по слухам...

— Он ведь не может быть очень старым, ваш отец. — Раскатистый голос коменданта перекрыл все прочие реплики. — Ведь вам всего... сколько? Семнадцать? Восемнадцать лет?

— Мне только что исполнилось девятнадцать, господин комендант.

— Значит, вашему отцу немного за сорок, надо полагать?

Лейтенант Котлер не отвечал, продолжая усердно жевать. Правда, судя по его виду, удовольствия от еды больше не получал.

— Странно, что он предпочел покинуть свою Родину, — заметил отец.

— Мы с отцом никогда не были близки, — выпалил Котлер, оглядывая присутствующих, словно обязан был оправдаться перед всеми, кто сидел за столом. — На самом деле мы не общались долгие годы.

— А могу ли я узнать, продолжал комендант, — по какой причине он покинул Германию в эпоху ее величайшей славы и судьбоносных испытаний, когда долг каждого из нас сделать все, что в наших силах, дабы поспособствовать нашему национальному возрождению? У него туберкулез?

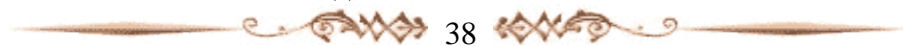
Лейтенант Котлер в замешательстве уставился на коменданта:

— Простите?

— Он уехал в Швейцарию на лечение? — пояснил комендант. — Либо у него была иная, особая причина, чтобы покинуть Германию? В тридцать восьмом году, — добавил он после паузы.

— Боюсь, я не знаю, господин комендант, — промямлил Котлер. — Об этом надо спросить у него самого.

— Пожалуй, это будет трудновато сделать, не находите? Ведь он так далеко от нас. Но возможно, я прав. Он всего лишь болен. — Поколебавшись, комендант снова взялся за вилку и нож. — Либо он из недовольных.

— Недовольных, господин комендант?

— Политикой правительства. Время от времени до нас доходят слухи о подобных людях. Забавные ребята, сдается мне. С расшатанными нервами — некоторые из них. Другие — предатели. Попадают и просто трусы. Разумеется, вы доложили начальству о взглядах вашего отца, лейтенант Котлер?

Молодой лейтенант сглотнул, хотя во рту у него уже было пусто.

— Но хватит об этом, — тоном радушного хозяина объявил отец. — Наверное, эта не самая подходящая тема для застольной беседы. Мы можем обсудить этот вопрос позже и более детально.

— Господин комендант, — Котлер, явно обеспокоенный, подался вперед, — уверяю вас...

— Это *не* самая подходящая тема для застольной беседы, — резко оборвал его комендант, и лейтенант мгновенно смолк.

Бруно переводил глаза с одного на другого. Атмосфера за столом и радовала, и пугала его.

— Как бы я хотела поехать в Швейцарию! — прервала Гретель затянувшееся молчание.

— Ешь, Гретель, не отвлекайся, — посоветовала мама.

— Уже и сказать ничего нельзя!

— Не отвлекайся, — повторила мама. Она хотела еще что-то добавить, но помешал отец, обратившийся к Павлу.

— Что с тобой сегодня? — спросил он, когда Павел откупоривал очередную бутылку. — Я уже в четвертый раз прошу долить мне вина.

Бруно следил за стариком, надеясь, что тот, несмотря ни на что, здоров. Впрочем, пробку Павел выдернул без помех. Но потом, когда, наполнив бокал отца, повернулся к лейтенанту Котлеру, бутылка каким-то образом выскользнула у него из рук и разбилась вдребезги, а ее содержимое — буль-буль-буль — вылилось напрямик на брюки молодого человека.

То, что случилось затем, было разом неожиданно и ужасно. Лейтенант Котлер страшно рассердился на Павла, и никто — ни Бруно, ни Гретель, ни мама, ни даже отец — не остановил его от следующего шага, хотя всем было невыносимо смотреть на то, что он делает, хотя Бруно расплакался, а Гретель побледнела.

Позже, улегшись в постель, Бруно размышлял о том, что случилось за ужином.

Он вспоминал, как добр был к нему Павел, как нес его на руках, как остановил кровотечение и как осторожно мазал его колено зеленкой. Бруно, конечно, знал, что у него очень добрый и заботливый папа, но ему представлялось несправедливым и неправильным, что никто не запретил лейтенанту Котлеру расправиться с Павлом, и если такое происходит во всей Аж-Выси, то лучше ему, Бруно, больше не выказывать недовольства чем бы то ни было. На самом деле самое разумное в его положении — помалкивать и никогда не выходить из берегов. Кое-кому это может не понравиться.

Его прежняя жизнь в Берлине казалась теперь далеким прошлым. Он с трудом мог припомнить, как выглядят Карл, Даниэль или Мартин, помнил лишь, что один из них — огненно-рыжий.

Глава четырнадцатая

Бруно очень правдоподобно врет

Бруно продолжал совершать прогулки вдоль ограды. Из дома он выходил всегда в один и тот же час, когда герр Лицт, покончив с уроками, отправлялся восвояси, а мама ложилась отдохнуть после обеда. В конце долгого маршрута Бруно почти каждый день поджидал Шмуэль, он сидел скрестив ноги и пялясь на пыльную землю.

Однажды Шмуэль явился с синяком под глазом, и, когда Бруно поинтересовался, в чем дело, его новый друг лишь мотнул головой: мол, не хочу об этом говорить. Бруно рассудил, что хулиганы есть повсюду, а не только в берлинских школах, вот кто-то из них и ударил Шмуэля. Бруно жаждал помочь другу, но не мог придумать как, а кроме того, он догадывался, что Шмуэлю легче делать вид, будто ничего не произошло.

Бруно постоянно спрашивал Шмуэля, можно ли ему проползти под проволокой, чтобы они поиграли вместе по ту сторону ограды, но каждый раз Шмуэль отвечал: «Нет, не стоит».

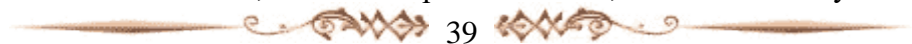
— Не понимаю, что тебе так приспичило перебраться сюда, — добавлял Шмуэль. — Тут не очень-то приятно.

— Пожил бы в моем доме, — отвечал Бруно. — Во-первых, в нем не пять этажей, а всего три. И как можно жить в таком маленьком помещении?

Рассказ Шмуэля про одиннадцать человек в одной комнате, включая большого мальчика Лукаша, который бил Шмуэля, даже когда тот ничего плохого не делал, Бруно забыл.

Однажды Бруно спросил друга, почему он и все остальные люди за оградой носят одинаковые полосатые пижамы и матерчатые шапочки.

— Их нам выдали, когда мы приехали сюда, — ответил Шмуэль. — А нашу одежду забрали.

— Но разве тебе не хочется иногда, проснувшись утром, надеть что-нибудь другое? У тебя в шкафу наверняка есть какая-нибудь одежда.

Шмуэль заморгал, хотел что-то сказать, но передумал.

— Мне вообще не нравятся полоски, — заметил Бруно, хотя это было и не совсем правдой. В действительности ему нравились полоски, и ему до смерти надоело носить брюки, рубашки, галстуки и ботинки, которые ему жали, в то время как Шмуэль с друзьями-приятелями разгуливал в полосатой пижаме с утра до вечера.

Несколько дней спустя Бруно открыл глаза ранним утром и увидел, что за окном льет дождь. Такого давно не было. Дождь, скорее всего, начался ночью, и Бруно даже предположил, что его разбудил шум льющей воды, но наверняка утверждать не осмеливался: когда уже не спишь, не так-то просто с точностью определить, что тебя разбудило. Он позавтракал — дождь лил и лил. Пока Бруно занимался с герром Лицтом, каких-либо изменений на улице не произошло. Бруно пообедал, потом снова засел за уроки — историю с географией — под

надзором учителя, а когда занятия закончились, дождь не прекратился. Эта неприятность означала, что сегодня Бруно не выйдет из дома, чтобы встретиться со Шмуэлем. После уроков Бруно залег на кровать с книгой и обнаружил, что ему трудно сосредоточиться на чтении. И тут к нему заглянула «безнадежный случай». Сестра не часто навевалась в комнату Бруно, предпочитая проводить свободное время, переставляя туда-сюда кукол в своей коллекции. Но похоже, сырая погода как-то повлияла и на ее настроение — игра с куклами не клеилась.

— Чего тебе? — спросил Бруно.

— Так-то ты встречаешь сестру.

— Я читаю, — буркнул Бруно.

— Что за книга? — любопытствовала Гретель.

Вместо ответа Бруно просто показал ей обложку — пусть сама прочтет, зря ее, что ли, грамоте учили.

Гретель издала энергичное «пф-ф», и капелька ее слюны упала на лицо Бруно.

— Скуотица, — пропела сестрица.

— Вовсе нет, — возразил Бруно. — Это книга о приключениях. Уж лучше, чем с куклами возиться.

Гретель на провокацию не поддавалась.

— Чем занимаешься? — опять спросила она, и Бруно рассердился еще сильнее.

— Я же сказал — читаю, — прорычал он. — Хорошо бы, мне еще не мешали.

— А я не знаю, чем заняться, — сказала Гретель. — Гадкий дождь.

Это заявление озадачило Бруно. Вроде бы Гретель не ходит гулять — не пускается в приключения, не организует экспедиций, и подружку здесь она тоже не завела. Она вообще почти всегда сидит дома. Похоже, она решила, что ей скучно только потому, что сегодня ей *приходится* оставаться в четырех стенах; не будь дождя, она точно так же не высунула бы носа на улицу, но жаловаться и не подумала бы. И все же иногда случаются моменты, когда брат с сестрой способны отложить в сторонку пыточные инструменты и поговорить друг с другом как цивилизованные люди, и Бруно решил, что такой момент настал.

— Согласен, мне тоже этот дождь поперек горла, — сказал он. — Я сейчас должен быть у Шмуэля. Он, наверное, думает, что я про него забыл.

Слова слетели с языка так проворно, что Бруно не успел их удержать. В ту же секунду у него заболел живот, и он страшно разозлился на себя за болтливость.

— У кого ты должен быть? — встрепнулась Гретель.

— Ты это о чем? — Бруно моргал с невинным видом, глядя на сестру.

— Ты сказал, что собираешься к кому-то в гости, — не отставала Гретель.

— Извини, — Бруно лихорадочно соображал, как бы ей ответить, — я тебя плохо слышу.

Повтори, пожалуйста.

— *К кому ты собирался пойти?* — прокричала Гретель, наклонясь к брату, так что ему уже было не отвертеться.

— Ничего я такого не говорил.

— Нет, говорил. Этот кто-то подумает, что ты про него забыл.

— Чего, чего?

— Бруно! — В голосе сестры послышалась угроза.

— Да ты совсем с ума спятила!

Бруно попытался представить дело так, будто сестре померещилось, но его интонациям не хватило убедительности, ведь он не был прирожденным актером, как бабушка. Гретель тряхнула головой и ткнула в брата указательным пальцем:

— Что ты сказал, Бруно? К кому ты собирался пойти? Кто он? Говори! Здесь нет никого, с кем можно поиграть... Или есть?

Перед Бруно стояла сложная задача. С одной стороны, их с сестрой сближало очень важное обстоятельство — оба не были взрослыми. И хотя ему в голову не приходило спрашивать Гретель, как она себя здесь чувствует, велика вероятность, что в Аж-Выси ей так же одиноко,

как и ему. Ведь в Берлине она играла с Хильдой, Изабель и Луизой. Они, конечно, противные девчонки, но во всяком случае она с ними дружила. Здесь у Гретель не было никого и ничего, кроме коллекции безжизненных кукол. И кто знает, вдруг Гретель и вправду потихоньку сходит с ума? Возможно, ей уже начинает казаться, что куклы с ней разговаривают.

Но с другой стороны, нельзя отрицать тот факт, что Шмуэль — *его* друг, а не ее, и Бруно не желал делиться им с сестрой. А значит, ему оставалось лишь одно — соврать.

— У меня появился друг, — начал он. — Новый друг, с которым я вижу каждый день. И сейчас он меня ждет. Но ты ведь никому об этом не скажешь?

— Почему я должна молчать?

— Потому что он не всамделишный друг. — Бруно постарался изобразить смущение. У него был свежий пример перед глазами: вот так же выглядел лейтенант Котлер, когда его подловили на отце-профессоре, уехавшем в Швейцарию. — Мы вместе играем.

Сперва Гретель вытаращила глаза и только потом расхохоталась.

— Воображаемый друг! заливалась она. — В твоём-то возрасте! А не пора ли поумнеть?

Бруно изо всех сил притворялся, будто ему стыдно и неловко, чтобы Гретель, не дай бог, его не раскусила. Он ерзал на кровати, избегал встречаться с сестрой глазами — и все шло как по маслу. Возможно, он не такой уж плохой актер. Для пущей убедительности ему захотелось покраснеть, но это никак не удавалось, тогда Бруно принялся вспоминать разные неловкие ситуации, в которые когда-то попадал, — а вдруг сработает.

Он припомнил, как забыл запереть дверь в ванную, вошла бабушка и *всё* увидела. Вспомнил, как, подняв руку в классе, назвал учительницу «мамой» и все смеялись над ним до упаду.

Вспомнил, как рухнул с велосипеда на глазах у девчонок: он решил выполнить сложный трюк, но в результате больно ударился головой и разревелся.

И ведь сработало! Щеки Бруно медленно заливались краской.

— Нет, ты только посмотри на себя, — засвидетельствовала Гретель происходящее. — Ты весь пунцовый.

— Я хотел сохранить это в тайне.

— Воображаемый друг, надо же! Честное слово, Бруно, ты — безнадежный случай.

Бруно улыбнулся. Плевать ему на то, что говорит сестра, потому что он твердо знал по крайней мере две вещи. Первое: он сумел обмануть Гретель. Второе: если среди них и есть «безнадежный случай», то это не он.

— Оставь меня в покое, — сказал он. — Я хочу почитать книгу.

— А почему бы не улечься на спину, не закрыть глаза и не попросить воображаемого друга, чтобы он почитал тебе вслух? — Гретель развлекалась от души; теперь у нее появился новый повод дразнить брата, и грех было таким поводом не воспользоваться. — Зачем самому пыхтеть над буквами?

— А может, попросить его выкинуть всех твоих кукол в окно?

— Попробуй — и тогда пеняй на себя, — посерьезнела на миг Гретель. Но Бруно не надо было предупреждать, он и так знал, что тронуть куклы сестры — смертельный номер. — А вот скажи-ка, братец, что ты со своим воображаемым другом такое вытворяешь, что настолько им дорожишь?

Бруно задумался. И понял, что ему очень хочется рассказать кому-нибудь о Шмуэле — не все, конечно, но так, самую малость, — и вот сейчас ему представляется такой случай, причем признаваться в действительном существовании друга совсем не обязательно.

— Ну, мы разговариваем обо всем. Я рассказываю ему о нашем доме в Берлине и о всяких других домах и улицах, о лотках с овощами и фруктами, о кафе на тротуарах и о том, что субботным днем лучше не гулять по центру города, иначе тебя затолкают. А еще я говорил ему о Карле, Даниэле и Мартине, о трех моих верных друзьях на всю жизнь.

— Очень увлекательно, — саркастически заметила Гретель. Недавно у нее был день рождения, ей исполнилось тринадцать, и с тех пор она полагала, что сарказм — высшее проявление изощренного ума. — А о чем он тебе рассказывает?

— О своих родных, о часовой мастерской, над которой он когда-то жил, и своих приключениях, о том, как он сюда попал, о старых друзьях, о людях, с которыми он здесь познакомился, и о мальчиках, с которыми он играл. Больше он с ними не играет, потому что они исчезли куда-то и даже не попрощались.

— Да-а, — протянула Гретель. — Байки — просто обхохочешься. Какая жалость, что он не *мой* воображаемый друг.

— А вчера он сказал, что давно не видел своего дедушку, и никто не знает, где его искать. Он спросил о дедушке своего папу, но тот в ответ заплакал и обнял его так крепко, что мой друг даже испугался, как бы его не задушили до смерти.

Заканчивая фразу, Бруно вдруг сообразил, что его голос звучит все тише и тише. Шмуэль и впрямь рассказывал ему обо всем этом, но, слушая друга, Бруно почему-то не понял, как тяжело тот переживает пропажу дедушки. Когда Бруно повторил слова Шмуэля вслух, он страшно расстроился: вместо того чтобы приободрить друга, переключился на какую-то ерунду, на экспедиции, кажется. «Завтра я попрошу у него прощения», — пообещал он себе.

— Если папа узнает, что ты беседуешь с воображаемыми друзьями, тебе попадет, — сказала Гретель. — По-моему, с этим надо кончать.

— Почему?

— Потому что это не здорово, — последовал ответ. — Это первый признак безумия. Бруно опустил голову.

— Я не могу с этим покончить, — произнес он после долгой паузы. — Да и не хочу.

— Ладно, как бы то ни было, — Гретель становилась все дружелюбнее и дружелюбнее, — но на твоём месте я бы держала эти истории про невсамделишного друга при себе.

— Ты права, — прикинулся расстроенным Бруно. — Ты ведь никому не скажешь?

— Никому, — заверила Гретель. — Разве только моей воображаемой подружке.

Бруно захлопал глазами.

— Ты завела подружку?

Он уже представил, как сестра стоит где-нибудь у ограды и беседует с девочкой своего возраста, и обе они часами изрекают всякие сарказмы.

— Конечно, нет, — рассмеялась Гретель. — Мне, между прочим, уже тринадцать! Я больше не могу позволять себе ребяческие глупости, не то что ты.

И она весело упорхнула к себе в комнату. В наступившей тишине до Бруно донесся голос — это Гретель разговаривала с куклами. Ругала их за то, что они устроили ужасный беспорядок, стоило ей отвернуться, и теперь у нее нет иного выхода, как переставить их, и неужто они думают, что ей больше нечем заняться на досуге.

— Кое-кто совсем распоясался! — громко произнесла Гретель, прежде чем приняться за дело.

Бруно попробовал снова взять в руки книгу, но вдруг потерял к ней интерес. Он смотрел, как падает дождь, и спрашивал себя: где сейчас Шмуэль и что поделявает? Но где бы он ни был и что бы ни делал, думает ли его новый друг о нем и скучает ли по их беседам так же сильно, как сам Бруно?

Глава пятнадцатая

И как он только мог?

В последующие дни дождь то переставал, то опять начинал лить с новой силой, и Бруно со Шмуэлем виделись много реже, чем им хотелось бы. Когда же они виделись, Бруно не мог не испытывать беспокойства за своего друга: Шмуэль худел на глазах, а лицо стало совсем серым. Иногда Бруно приносил ему побольше хлеба с сыром, а порою ему даже удавалось спрятать в кармане кусок шоколадного пирога, но дорога от дома до того места у ограды, где

встречались мальчики, была очень длинной, и Бруно успевал проголодаться по пути. Странно, но стоит откусить от пирога разочек, как незаметно для себя откусываешь снова, а потом опять и опять, и очень скоро от пирога остаются жалкие крохи, которые, конечно же, нельзя предлагать Шмуэлю — ведь они лишь раздражат аппетит, но не насытят. Приближался папин день рождения, и хотя он сказал, что не хочет никакой суеты, мама загодя пригласила всех офицеров, служивших в Аж-Выси, и в итоге развела невероятную суету. Каждый раз, когда она усаживалась составлять список необходимого для праздничного приема, лейтенант Котлер вызывался помочь. Эти двое строчили бесконечные списки, и Бруно сердито недоумевал: неужто для того, чтобы отпраздновать папин день рождения, нужно столько всего? Тогда он решил составить свой собственный список. И озаглавить его «Почему я не люблю лейтенанта Котлера».

Во-первых, лейтенант никогда не улыбался и всегда выглядел так, будто целыми днями размышляет, кого бы вычеркнуть из своего завещания.

Во-вторых, с Бруно лейтенант заговаривал редко, но всякий раз называл его с явной насмешкой «большой человек». Хотя потешаться тут было совершенно не над чем: мама объяснила Бруно, что у каждого ребенка свой цикл роста и придет время, когда Бруно вымахает выше всех.

Но больше всего Бруно раздражало то, что Котлер постоянно сшивался в гостиной подле мамы, а когда острил, то мама смеялась его шуткам на несколько секунд дольше, чем папиным.

А еще Бруно припомнил такой случай: однажды он смотрел на лагерь из окна своей спальни и увидел, как к ограде с громким лаем кинулась собака, а проходивший мимо лейтенант Котлер просто взял и пристрелил ее.

Ну и вдобавок все эти штучки, которые выделявала Гретель, стоило ей завидеть лейтенанта. И конечно же, Бруно не забыл Котлеру тот вечер с Павлом, слугой, который на самом деле был врачом, и то, как расвирепевший молодой лейтенант обрушился на старика.

Кроме того, всякий раз, когда папу вызывали в Берлин и он уезжал ночным поездом, лейтенант расхаживал по дому с таким видом, будто его оставили здесь за главного. Бруно ложился спать вечером, а Котлер еще торчал в доме; Бруно просыпался утром, а Котлер был уже тут как тут.

Бруно мог бы еще многое порассказать, почему он не любит лейтенанта Котлера, но записал лишь то, что первым пришло на ум.

За день до торжества в честь отца Бруно сидел в своей комнате, дверь была открыта.

Мальчик услышал, как в дом вошел лейтенант Котлер и обратился к кому-то, но в ответ лейтенанту ничего не сказали. Чуть позже, спускаясь вниз, Бруно услышал голос мамы: она объясняла кому-то, что надо делать, и лейтенант, как всегда оказавшийся рядом с мамой, произнес: «Не беспокойтесь, он знает, с какой стороны намазан его бутерброд», после чего издевательски рассмеялся.

Бруно направился в гостиную с намерением посидеть там часок-другой за книгой, подаренной папой. Книга называлась «Остров сокровищ». Но, пересекая прихожую, он столкнулся с лейтенантом Котлером, который как раз выходил из кухни.

— Здорово, большой человек. — При виде Бруно офицер, как обычно, ухмыльнулся.

— Здравствуйте, — напустился Бруно.

— И куда ты нацелился?

Бруно в упор посмотрел на Котлера, чувствуя, что у него появилась еще парочка причин, чтобы ненавидеть лейтенанта.

— Туда, — ответил он, указывая на гостиную. — Хочу там почитать.

Не говоря ни слова, Котлер вырвал книгу из рук Бруно и начал ее листать.

— «Остров сокровищ». Так, так. И о чем это?

— Ну, об острове. — Бруно говорил нарочно медленно, предполагая, что Котлеру будет нелегко уразуметь суть дела. — И о сокровищах.

— Об этом я и без тебя догадался. — В глазах лейтенанта Бруно прочел: «Ох и задал бы я тебе, будь ты мой сын, а не отпрыск коменданта». — А теперь расскажи все по порядку. — Там есть пират по имени Джон Сильвер, — начал Бруно. — И мальчик по имени Джим Хокинс.

— Англичанин? — перебил Котлер.

— Да.

— Хм, — скривился лейтенант.

Бруно смотрел на него и думал, когда же ему наконец вернут книгу. Котлера она явно не интересовала, но, когда Бруно протянул руку, лейтенант отдернул свою, в которой держал книгу.

— Ах, прости, — лицемерно извинился Котлер. Бруно опять протянул руку, а лейтенант опять отдернул свою. — Ай, как я неловок.

Но когда офицер снова подал Бруно книгу, тот изловчился и вырвал ее прежде, чем Котлер успел отдернуть руку.

— Шустрый малый, — процедил сквозь зубы лейтенант.

Бруно попытался обойти его, но лейтенант почему-то был настроен сегодня поболтать с мальчиком.

— Все готово к празднику, да?

— Ну, я готов. — С недавних пор Бруно стал проводить больше времени с Гретель и почувствовал, что сарказм — очень неплохая штука. — А насчет остальных, наверняка сказать не могу.

— Будет много народу. — Лейтенант тяжело вздохнул и огляделся, будто он был в доме хозяином, а не отец Бруно. — Мы должны показать себя во всем блеске, верно?

— Ну, я постараюсь. А насчет остальных, наверняка сказать не могу.

— Неплохо бы тебе научиться разговаривать со старшими, — бросил лейтенант Котлер.

Бруно прищурился. Как бы ему сейчас хотелось быть выше, сильнее и на восемь лет старше. Внутри он кипел от гнева, жалея, что ему не хватает смелости высказать лейтенанту все, что он о нем думает. Одно дело, когда мама с папой учат тебя уму-разуму — им положено, такая уж у родителей работа, — и совсем другое, когда посторонний человек принимается тебя воспитывать. Даже если этот человек носит возжеленное звание лейтенанта.

— О, Курт, золотце, ты еще здесь, — раздался голос мамы. Выйдя из кухни, она направилась к ним. — У меня освободилось немного времени и... Ой! — опешила она, заметив сына. — Бруно! Что ты тут делаешь?

— Я шел в гостиную, чтобы почитать там. А меня задержали.

— Послушай, ступай пока в кухню, — велела мама. — Мне нужно переговорить с лейтенантом Котлером наедине.

Они скрылись в гостиной, Котлер захлопнул дверь перед носом Бруно.

Взбешенный Бруно отправился на кухню, где его поджидал самый невероятный сюрприз. Там, за столом, а вовсе не по ту сторону ограды, сидел Шмуэль. Бруно не верил своим глазам.

— Шмуэль! Ты как здесь оказался?

Шмуэль поднял голову. Когда он увидел своего друга, испуг на его лице сменился радостной улыбкой.

— Бруно!

— Как ты сюда попал? — продолжал удивляться Бруно. Хотя он до сих пор толком не понимал, что происходит за оградой, но все же, глядя на людей оттуда, чувствовал, что им не место в его доме.

— Он меня привел, — ответил Шмуэль.

— Кто? Неужто лейтенант Котлер?
— Ну да. Он сказал, для меня тут есть работа.

На столе стояли шестьдесят четыре крошечные рюмки, те, которыми пользовалась мама, принимая свои лечебные ликеры, а рядом с рюмками — тазик с теплой мыльной водой и стопка бумажных салфеток.

— Мне велели отмыть рюмки до блеска, — объяснил Шмуэль. — Им понадобился кто-нибудь с тоненькими пальцами.

Бруно уже сообразил, почему для этой работы привели Шмуэля, но тот, словно в доказательство, вытянул руку, и Бруно не мог мысленно не сравнить его ладошку с рукой поддельного скелета, которого герр Лицт приносил на урок, когда они изучали анатомию человека, — очень похоже.

— А я не замечал раньше, — ошарашенно произнес Бруно, будто разговаривая сам с собой. — Не замечал чего? — любопытствовал Шмуэль.

В ответ Бруно вытянул свою руку. Кончики их пальцев почти соприкоснулись.

— Наши руки, — сказал он. — Они такие разные. Посмотри!

Мальчики склонили головы — разница была очевидна. Хотя по росту Бруно и уступал своим ровесникам, его рука казалась пышущей здоровьем и жизнью. Вены не просвечивали сквозь кожу, а пальцы не напоминали засохшие веточки. Рука Шмуэля выглядела совершенно иначе.

— Как она такой стала? спросил Бруно.

— Не знаю, — покачал головой Шмуэль. — Прежде она была похожей на твою, но я не помню, когда она изменилась. На моей стороне ограды у всех такие руки.

Бруно нахмурился. Он думал о людях в полосатых пижамах. Что же все-таки творится в Аж-Выси и зачем этот лагерь вообще нужен, если люди за оградой тощие и хилые на вид?

Никаких разумных объяснений в голову не приходило. Не желая больше пялиться на руку Шмуэля, Бруно отвернулся и открыл холодильник в поисках чего-нибудь съестного. На полке лежала половина фаршированной курицы, оставшейся от обеда. Глаза Бруно загорелись от удовольствия: мало что в жизни он так любил, как холодную курицу в соусе из лука и шалфея. Вынув нож из ящика, он отрезал себе несколько сочных кусков, намазал их застывшим соусом, после чего обернулся к другу.

— Я рад, что ты здесь, — произнес он с набитым ртом. — Обидно, что надо чистить рюмки, а то бы я показал тебе свою комнату.

— Он приказал не двигаться с места, иначе меня накажут.

— Да плевать на него. — Бруно хотел казаться смелее, чем был на самом деле. — Это не его дом, а мой, и, когда папа в отъезде, я здесь хозяин. Ты не поверишь, он не читал «Остров сокровищ»!

Но Шмуэль его не слушал. Он не отрывал глаз от кусков курицы с начинкой, которые Бруно небрежно отправлял в рот. Очень скоро Бруно сообразил, на что смотрит Шмуэль, и сразу же почувствовал себя виноватым.

— Прости, Шмуэль. Я должен был сразу предложить тебе курицу. Ты голоден?

— Спрашивать меня об этом — пустая трата времени. — Шмуэль никогда не встречался с Гретель, тем не менее в сарказме он кое-что смыслил.

— погоди, я сейчас. — Бруно распахнул холодильник и отрезал три внушительных куска.

— Нет. А что, если он вернется... — Шмуэль торопливо оглянулся на дверь.

— Кто вернется? Ты о Котлере?

— Мне велено чистить рюмки. — В отчаянии Шмуэль то бросал взгляд на тазик с водой, стоявший перед ним, то поднимал глаза на курицу, которую протягивал ему Бруно.

— Он не станет ругаться. — Бруно немного растерялся, не понимая, чем Шмуэль так напуган. — Это же всего-навсего еда.

— Не могу, — прошептал Шмуэль, чуть не плача. — Он вернется, я знаю, скороговоркой забормотал он. — Надо было съесть курицу, когда ты только ее отрезал, а теперь слишком поздно. Если я возьму ее и он войдет, то...

— Шмуэль! Перестань! — Шагнув к столу, Бруно вложил куски в ладонь друга. — Ешь! Там еще много осталось, на полдник всем хватит, не волнуйся.

Шмуэль уставился на свою ладонь, потом посмотрел на Бруно — с благодарностью, но и с ужасом. В очередной раз оглянувшись на дверь, он все же принял решение и быстро закинул все три куса в рот. Не прошло и двадцати секунд, как он проглотил их.

— Наверное, надо было есть помедленнее, — сказал Бруно. — Тебя может затошнить.

— Пусть. — Шмуэль робко улыбнулся. — Спасибо, Бруно.

Улыбнувшись в ответ, Бруно собрался было предложить другу еще еды, но в этот момент в кухне возник лейтенант Котлер — и замер на месте, догадавшись, что мальчики разговаривали друг с другом. В комнате вдруг стало душно; Бруно стоял неподвижно, краем глаза он заметил, как Шмуэль, сгорбившись, взял со стола рюмку и принялся ее драить. Не обращая внимания на Бруно, лейтенант в два прыжка приблизился к Шмуэлю и в дикой ярости уставился на него.

— Это что такое? Разве я не приказал тебе чистить рюмки?

Шмуэль быстро кивнул, потянулся за салфеткой и окунул ее в воду. Руки его дрожали.

— Кто позволил тебе открывать рот в этом доме? — продолжал Котлер. — Как ты смеешь не подчиняться моим приказам?

— Простите, офицер, — едва слышно ответил Шмуэль.

Он взглянул на лейтенанта. Тот, сдвинув брови и слегка подавшись вперед, внимательно изучал лицо мальчика.

— Ты ел? — удивленно спросил он, сбавив тон, будто никак не ожидал такого поворота событий.

Шмуэль затряс головой.

— Ты ел, — на этот раз утвердительно и громко произнес Котлер. — Украл еду из холодильника?

Шмуэль попытался что-то сказать, открывал и закрывал рот, но подходящих слов так и не нашел. Он посмотрел на Бруно, взглядом умоляя о помощи.

— Отвечай! — завопил лейтенант Котлер. — Ты украл еду из холодильника?

— Нет, офицер. Он меня угостил. — Шмуэль покосился на Бруно. — Мы друзья, — добавил Шмуэль, в глазах его стояли слезы.

— Вы... кто? — Котлер с изумлением уставился на Бруно. Он словно не знал, как отнестись к этому заявлению. — Что значит «друзья»? Ты знаком с этим мальчиком, Бруно?

Бруно пошевелил губами, он пытался вспомнить, как произносится слово «да», но язык вышел из его повиновения. Бруно никогда не видел, чтобы человек был так напуган, как Шмуэль сейчас; ему хотелось защитить друга, но внезапно он осознал, что это не в его силах, потому что ему тоже жутко страшно.

— Ты с ним знаком? — грозно повторил Котлер. — Ты разговаривал с заключенными?

— Я... Он был здесь, когда я вошел, — выдавил Бруно. — Он мыл рюмки.

— Я не о том спрашиваю! Ты встречался с ним раньше? Разговаривал с ним? Почему он говорит, что вы друзья?

Если бы Бруно мог сбежать! Он всей душой ненавидел лейтенанта Котлера, но офицер надвигался на него, и перед глазами Бруно одна за другой вставали ужасные сцены: вот Котлер стреляет в собаку, а вот он набрасывается на Павла, когда тот пролил вино ему на брюки...

— Говори, Бруно! — орал Котлер, лицо его побагровело. — В третий раз я спрашивать не стану!

— Я в жизни с ним не разговаривал, — не своим голосом выпалил Бруно. — И никогда его раньше не видел. Я с ним не знаком.

Лейтенант кивнул: ответ его удовлетворил. Очень медленно он повернулся к Шмуэлю. Тот больше не плакал, лишь стоял, низко опустив голову, с таким видом, будто уговаривал свою душу покинуть это тощенькое тело, выскользнуть наружу, прокрасться к двери и взмыть высоко в небо, чтобы вместе с облаками улететь далеко-далеко.

— Возвращайся к работе, рюмки должны блестеть, — заговорил лейтенант очень тихим голосом, настолько тихим, что Бруно его с трудом расслышал. Гнев лейтенанта вроде бы миновал, на смену ему пришло что-то другое. Другое, но не противоположное; скорее нечто непонятное и жуткое. — А когда закончишь, я приду за тобой и отведу обратно в лагерь, где мы и побеседуем о том, как надо поступать с воришками. Ясно?

Шмуэль кивнул, взял чистую салфетку и принялся тереть рюмку. Бруно заметил, что пальцы у него дрожат, и догадался: Шмуэль боится, как бы не разбить стеклянную посудинку. Сердце у Бруно заныло, ему хотелось отвернуться, но взгляд словно приклеился к пальцам Шмуэля.

— Идем, большой человек. — Приблизившись к Бруно, лейтенант Котлер положил руку ему на плечо. Впрочем, в его жесте не было ни капли дружеского участия. — Отправляйся в гостиную, читай там свою книгу, пусть этот маленький... — он опять употребил то слово, которым назвал Павла, когда посылал его на поиски шины, — заканчивает свою работу. Бруно покорно повернулся и вышел из кухни не оглядываясь. У него разболелся живот, и ему даже почудилось, что его сейчас вырвет. Никогда еще ему не было так стыдно, он и представить не мог, что способен на такую жестокость. Как мальчик, который считает себя хорошим человеком, мог настолько струсить, чтобы предать своего друга? — спрашивал себя Бруно. В гостиной он просидел несколько часов, но в чтении далеко не продвинулся. Снова зайти на кухню он отважился лишь поздним вечером, когда лейтенант Котлер уже забрал Шмуэля и увел его в лагерь.

На следующий день Бруно явился на место встречи у ограды, но Шмуэля там не оказалось. Так продолжалось почти неделю, и Бруно с горечью размышлял: то, что он сделал, отвратительно и прощения ему нет. Но на седьмой день Бруно с ликованием обнаружил, что Шмуэль ждет его сидит, как обычно, скрестив ноги и пялясь на пыльную землю.

— Шмуэль! — Бруно подбежал к ограде и сел, чуть не плача от облегчения и чувства вины. — Прости меня, Шмуэль. Я не знаю, как это вышло. Скажи, что прощаешь меня. — Ладно.

Шмуэль поднял голову. Лицо у него было все в синяках. Бруно невольно поморщился и даже позабыл об извинениях.

— Что случилось? — спросил он, но ответа дожидаться не стал. — Велосипед подвел? Со мной было то же самое в Берлине пару лет назад. Я упал с велика, когда ехал на большой скорости. Синяки и ссадины потом долго не проходили. Тебе больно?

— Я уже не чувствую, — сказал Шмуэль.

— Наверняка больно.

— Я уже ничего не чувствую.

— Ты уж прости меня за то, как я себя повел... Ненавижу лейтенанта Котлера. Он воображает, что он здесь главный, но лейтенант сильно ошибается... — Бруно осекся: не туда его занесло. Надо еще раз извиниться перед другом, и так, чтобы тот окончательно поверил в искренность Бруно. — Прости, Шмуэль, пожалуйста. Не пойму, почему я не сказал ему правду. Никогда раньше я не предавал друзей. Мне очень стыдно.

И когда он умолк, Шмуэль улыбнулся, кивнул — и Бруно понял: он прощен.

А потом Шмуэль сделал кое-что, чего никогда прежде не делал. Он приподнял проволоку снизу — он и раньше ее приподнимал, чтобы взять у Бруно еду, — но на этот раз он просунул в образовавшуюся щель руку и не убирал ее, пока Бруно не протянул свою. Оба улыбались, когда их ладони сплелись в рукопожатии.

Вот так они впервые дотронулись друг до друга.

Глава шестнадцатая

Стрижка

Минул год с тех пор, как Бруно, вернувшись из школы, застал Марию пакующей его вещи, и воспоминания о Берлине почти стерлись из его памяти. Он еще не забыл, что Карл и Мартин — два его лучших друга, но как звали третьего, хоть убейте, не мог припомнить. И тут

произошло событие, означавшее, что на два дня Бруно покидает Аж-Высь и возвращается в родной дом, — умерла бабушка, семья собралась ехать на похороны.

Дома Бруно обнаружил, что стал значительно выше ростом. Теперь некоторые вещи, на которые год назад он смотрел снизу вверх, оказались на уровне его глаз, а когда он обзирал город из оконца на самом верху, ему уже не приходилось вставать на цыпочки.

Бруно не встречался с бабушкой с тех пор, как уехал из Берлина, но думал о ней каждый день. Чаще всего он вспоминал спектакли, которые бабушка с Бруно и Гретель разыгрывала на Рождество и дни рождения, и великолепные костюмы, которые она ему мастерила для каждой роли. При мысли, что больше этого никогда не повторится, Бруно становилось очень горько.

Те два дня, что семья провела в Берлине, вообще выдались очень грустными. На похоронах в церкви Бруно, Гретель, мама, папа и бабушка сидели в первом ряду. Отец надел свою самую красивую парадную форму, отутюженную и сверкающую наградами. Папа был печальнее всех. Это потому, объяснила мама Бруно, что отец поссорился с бабушкой и они так и не помирились до ее смерти.

В церковь привезли множество венков, и папа очень гордился тем, что один из них послан Фуруром, но мама заявила, что бабушка, узнай она об этом, перевернулась бы в гробу.

Возвращению в Аж-Высь Бруно чуть ли не радовался. Это место превратилось в его родной дом, и его уже не волновало то обстоятельство, что в доме всего три этажа вместо пяти, и на военных, постоянно разгуливающих по дому с хозяйским видом, он тоже больше не обращал внимания. Постепенно до него дошло, что здесь в общем не так уж и плохо, особенно с тех пор, как он подружился со Шмуэлем. Он понимал, что ему есть чему радоваться в этой жизни. Например, тому, что папа и мама в последнее время веселы и спокойны и мама уже не укладывается отдохнуть каждый день и не принимает по любому поводу лечебные ликеры. Гретель же, вступившая, по словам мамы, в переходный возраст, старалась брата избегать.

А кроме того, лейтенанта Котлера перевели из Аж-Выси, и некому стало злить и расстраивать Бруно. (Перевод Котлера случился довольно неожиданно. Накануне ночью мама с папой долго кричали друг на друга, тем не менее лейтенант уехал, чтобы больше никогда не вернуться; Гретель была безутешна.) Как же такому не радоваться: никто больше не называл Бруно «большим человеком».

Но счастливее всего он был оттого, что у него появился друг по имени Шмуэль.

Каждый день с легким сердцем он пускался в путь вдоль ограды и с удовольствием отмечал, что и Шмуэль немного повеселел. Глаза его уже не были такими ввалившимися; правда, тело оставалось удручающе тощим, а лицо неприятно серым.

Однажды, сидя напротив Шмуэля на их обычном месте, Бруно задумчиво обронил:

— Такой странной дружбы у меня еще никогда не было.

— Что ты имеешь в виду?

— Со всеми мальчиками, с которыми я дружил, я мог поиграть. А с тобой не получается.

Все, что мы можем, сидеть тут и разговаривать.

— А мне нравится сидеть и разговаривать, — сказал Шмуэль.

— Ну конечно, мне тоже, — подхватил Бруно. — Но иногда хочется чего-нибудь более увлекательного. Например, организовать экспедицию с исследовательскими целями. Или сыграть в футбол. У нас даже не получается по-настоящему быть вместе, между нами всегда этот проволочный забор.

Бруно часто отпускал замечания такого рода, старательно притворяясь, что катастрофы на кухне, когда он отрекся от дружбы со Шмуэлем, словно никогда и не было. Он до сих пор не оправился от потрясения и продолжал корить себя, хотя Шмуэль, к его чести, казалось, напрочь позабыл об том случае.

— Может быть, когда-нибудь и поиграем, — сказал Шмуэль. — Если нас отсюда выпустят.

Бруно все чаще размышлял об ограде. О том, что происходит по обе ее стороны и зачем ее вообще здесь протянули. Не спросить ли папу с мамой, прикидывал Бруно, но в конце концов отказался от этой затеи, подозревая, что они либо рассердятся на него за подобный вопрос, либо наговорят каких-нибудь гадостей про Шмуэля и его семью. Поэтому он решил на неординарный поступок — обратиться к «безнадежному случаю».

Комната Гретель радикально изменилась с тех пор, как он в последний раз туда заходил. Начнем с того, что там не было ни одной куклы. С месяц назад, примерно в то же время, когда лейтенант Котлер уехал из Аж-Выси, Гретель вдруг постановила, что куклы ее больше не интересуют, и, сложив их в четыре большие сумки, выбросила вон. Там, где прежде были куклы, теперь висели карты Европы, подаренные ей отцом и утыканые маленькими булавками. Ежедневно Гретель передвигала булавки, предварительно справившись со свежей газетой. Бруно иногда казалось, что она сходит с ума. Но если даже и так, она почти прекратила дразнить брата и приставать к нему, вот он и подумал, что от разговора с сестрой вреда не будет.

Он вежливо постучал в дверь, зная, как она бесится, когда он входит без стука.

— Привет.

— Зачем явился? — Гретель сидела за туалетным столиком, экспериментируя с волосами.

— Просто так.

— Тогда убирайся.

Бруно кивнул, но в комнату, однако, вошел и присел на край кровати. Сестра наблюдала за ним краем глаза, но не произносила ни слова.

— Гретель, — нарушил молчание Бруно, — можно тебя спросить кое о чем?

— Только побыстрее.

— Все здесь, в Аж-Выси... — начал он, но она сразу же его перебила:

— Бруно, прекрати называть это место Аж-Высью! — Гретель рассердилась так, будто более грубой ошибки в истории человечества никто не совершал. — Почему ты не можешь выговорить название правильно?

— Но я и говорю правильно, Аж-Высь, — возразил Бруно.

— Нет. — Сестра произнесла название лагеря как полагается, попытавшись научить брата.

Бруно нахмурился, но тут же пожал плечами:

— А я разве не так сказал?

— Не так... Ай, ладно, не желаю с тобой спорить, — фыркнула Гретель, теряя терпение, которого у нее в запасе и без того было немного. — Выкладывай, зачем пришел. Чего тебе надо?

— Я хотел узнать об ограде. — Бруно решил, что начинать надо с самого важного вопроса. — Зачем она здесь?

Гретель резко повернулась лицом к брату и пристально уставилась на него:

— Ты что, не знаешь?

— Нет. Я не понимаю, почему нас не пускают за ограду. Почему мы не можем пойти туда и поиграть? Чем мы так плохи?

Гретель удивленно помолчала, а потом расхохоталась. Смеяться она прекратила, только когда поняла, что Бруно и не думал шутить.

— Бруно, — заговорила она детским голоском, будто речь шла о самых элементарных вещах, — забор поставили не для того, чтобы мы туда не ходили, а для того, чтобы они не являлись к нам.

Бруно обдумал ее слова, но особой ясности в ситуацию они не внесли.

— Но почему?

— Потому что их нужно держать вместе, — пояснила Гретель.

— Вместе с их родными то есть?

— Ну да, вместе с родными. И с людьми их породы.

— Что значит — «их породы»?

Гретель устало вздохнула:

— С другими евреями, Бруно. Неужели ты не знаешь? Поэтому их и держат всех вместе, чтобы они не смешивались с нами.

— Евреи. — Бруно опробовал слово на языке. Ему понравилось, как оно звучит. — Евреи, — повторил он. — Значит, все люди на той стороне ограды — евреи?

— Совершенно верно, — подтвердила Гретель.

— А мы евреи?

Гретель выпучила глаза и открыла рот, будто ей отвесили пощечину.

— Нет, Бруно. Это абсолютно не так. И не вздумай заводить с кем-нибудь подобные разговоры.

— Но почему? И кто же мы тогда?

— Мы... — отозвалась Гретель и умолкла, засомневавшись, как следует отвечать на этот вопрос. — Мы... — начала она снова, но верного ответа так и не нашла. — Мы — не евреи, — сказала она наконец.

— Да знаю я, — отмахнулся Бруно, которого тупость сестры стала раздражать. — Я спрашиваю, если мы не евреи, то кто же мы?

— Мы — их противоположность, — нашла Гретель. К ней постепенно возвращалась уверенность в себе. — Да, именно так, мы — их противоположность.

— Хорошо, — обрадовался Бруно: хотя бы один вопрос удалось разрешить. —

Противоположность живет по эту сторону ограды, а евреи живут по другую.

— Именно, Бруно.

— Выходит, евреи не любят свою противоположность?

— Нет, это мы их не любим, дурачок.

Бруно помрачнел. Гретель постоянно твердят, что нельзя обзывать брата дураком, но она никак не уймется.

— Ну и почему же мы их не любим? — спросил Бруно.

— Потому что они евреи.

— Понятно. Противоположность и евреи не могут ужиться рядом.

— Нет, Бруно, — несколько рассеянно ответила Гретель. Заметив нечто необычное в своих волосах, она теперь тщательно изучала находку.

— Так почему же всем не собраться вместе и...

Речь Бруно прервал пронзительный визг Гретель. Она визжала так громко, что мама, отдохавшая после обеда, проснулась и прибежала в спальню дочери, чтобы выяснить, кто из ее детей кого убил.

Экспериментируя с волосами, Гретель обнаружила крошечное яичко, размером не больше булавочной головки. Она показала его маме. После чего мама покопалась в ее волосах, приподнимая прядь за прядью. Затем настал черед Бруно.

— Возмутительно, — рассердилась мама. — Я так и знала, что-нибудь в этом роде здесь обязательно случится. В таком-то месте!

Оказалось, что у Гретель и Бруно завелись вши. Голову Гретель обработали специальным шампунем, невероятно вонючим, но это не улучшило ей настроения — запершись в спальне, она прорыдала несколько часов кряду.

Волосы Бруно тоже помыли шампунем, но потом папа заявил, что разумнее всего вернуться к истокам, и взял в руки бритву, чтобы обрить Бруно под ноль. Тут и Бруно расплакался.

Бритье не отняло много времени. Бруно с горечью наблюдал, как его волосы плавно падают с головы на пол, к его ногам, но папа без устали твердил, что так надо.

После бритья Бруно глянул в зеркало в ванной и страшно расстроился: лысая голова выглядела полным уродством, а глаза теперь казались слишком большими. Бруно едва не испугался своего отражения.

— Не переживай, успокоил его папа. — Волосы отрастут. Через месяцок будешь опять лохматый.

— Это все из-за грязи, — вставила мама. — Если бы кое-кто понял наконец, как дурно сказывается на всех нас подобное окружение.

Глядя на себя в зеркало, Бруно не мог не заметить, что стал очень похож на Шмуэля, и подумал, что у людей за оградой, наверное, тоже были вши и поэтому их всех обрили наголо. Когда на следующий день Бруно встретился со Шмуэлем, тот, завидев Бруно, принялся смеяться, что не добавило Бруно уверенности в себе, нехватку которой он теперь остро ощущал.

— Я теперь вылитый ты, — скорбно произнес он, будто речь шла о великом несчастье.

— Только толще, — уточнил Шмуэль.

Глава семнадцатая

Мама добивается своего

В Аж-Выси маме совсем разонравилось, она все время пребывала в дурном расположении духа, и Бруно отлично понимал, что с ней творится. В конце концов, когда он только приехал сюда, его возмущению не было предела, потому что, во-первых, это место совершенно не походило на родной дом, а во-вторых, ему сильно не хватало трех его верных друзей на всю жизнь. Но со временем для него многое изменилось — в основном благодаря Шмуэлю, который стал для Бруно важнее, чем его берлинские друзья, Карл, Мартин и Даниэль. Но мама не обзавелась своим Шмуэлем. Ей не с кем было поговорить, а единственного человека, с кем она подружилась, лейтенанта Котлера, перевели служить в другое место.

48

Бруно не был одним из тех мальчиков, которых хлебом не корми, только дай подслушивать, стоя под дверью или засунув голову в дымоход. Но однажды, проходя мимо папиного кабинета, где мама с папой вели очередную беседу, он не мог не услышать, о чем они говорят, — больно уж громко звучали голоса.

— Это отвратительно, — сказала мама. — Просто отвратительно. У меня больше сил нет все это терпеть.

— У нас нет иного выхода, — возразил папа. — Перед нами поставлена задача...

— Нет, — перебила мама. — Задача поставлена перед *тобой*. Мы тут ни при чем. Оставайся, если хочешь.

— Но что подумают люди, если я позволю тебе и детям вернуться в Берлин без меня? Не поставят ли они под сомнение мою преданность делу?

— Делу? — вскричала мама. — И это ты называешь делом?

Дальше Бруно уже не слушал: голоса звучали все ближе и ближе к двери кабинета, и возникла опасность, что мама может внезапно выскочить из кабинета в поисках лечебного ликера, поэтому Бруно побежал к себе наверх. Впрочем, он услышал достаточно, чтобы сообразить: весьма вероятно, очень скоро он вернется в Берлин. К собственному удивлению, он не знал, радоваться этому или огорчаться.

Отчасти он до сих пор скучал по берлинской жизни, но за год там многое изменилось. Карл и два других лучших друга Бруно, чьих имен он не мог припомнить, возможно, давно про него забыли. Бабушка умерла, а от дедушки не было почти никаких известий, разве что папа однажды обронил: «Мой отец впал в маразм».

Опять же, Бруно успел привыкнуть к Аж-Выси: герр Лицт его не допекал; с Марией он ладил куда лучше, чем в Берлине; Гретель все еще переходила в другой возраст и старалась не сталкиваться с братом (кроме того, она уже не была таким же безнадежным случаем, как раньше), а ежедневные беседы со Шмуэлем наполняли его счастьем.

Словом, Бруно не знал, что и думать о переезде в Берлин, и решил: будь что будет — как бы родители ни поступили, он жаловаться не станет.

Шли недели, но ничего не менялось, жизнь текла по заведенному порядку. Папа большую часть времени проводил у в кабинете или за оградой. Мама словно затаилась; она все чаще укладывалась спать днем, и порою даже не после обеда, но и до, и это вызвало у Бруно беспокойство: уж не заболела ли она? Разве здоровому человеку нужно столько лечебного ликера? Гретель сидела в своей комнате, рассматривая карты, которые она наклеила на

стены, и часами изучая газеты, прежде чем передвинуть булавки на миллиметр-два. (За эту возню с картами герр Лицт особо хвалил сестру.)

Что до Бруно, он слушался старших, никому не доставлял хлопот и с наслаждением думал про себя: как хорошо, что у него есть тайный друг, о котором никто не знает.

Но в один прекрасный день отец вызвал Бруно и Гретель в кабинет, чтобы сообщить о грядущих переменах.

— Садитесь, дети, — он указал на два просторных кожаных кресла, к которым прежде им запрещалось даже близко подходить из-за их «вечно грязных лап». Сам отец устроился за письменным столом. — Мы с мамой пришли к выводу, что пора кое-что изменить, — продолжал он с некоторой грустью в голосе. — Скажите-ка, вам нравится здесь?

— Разумеется, папа, — ответила Гретель.

— Конечно, папа, — ответил Бруно.

— И вы совсем не скучаете по Берлину? — Дети молча переглядывались, никому не хотелось высказываться первым.

— Знаешь, я ужасно скучаю, — не выдержала Гретель. — Мне очень не хватает друзей.

Бруно улыбнулся, вспомнив о своей тайне.

— Друзья, — кивнул отец. — Да, я часто думал об этом. Наверное, порою вы чувствуете себя одиноко здесь.

— Очень одиноко, — не колеблясь, подтвердила Гретель.

— А ты, Бруно, — отец перевел взгляд на сына, — ты скучаешь по друзьям?

— Ну да, — сдержанно ответил Бруно. — Но мне кажется, что куда бы я ни поехал, я всегда буду скучать по людям, которых оставил.

Это был скрытый намек на Шмуэля, однако выразиться яснее Бруно поостерегся.

— Но ты бы хотел вернуться в Берлин? — спросил отец. — Если представится возможность?

— Вместе со всеми?

Папа протяжно вздохнул.

— С мамой и Гретель. Вернуться в наш старый берлинский дом. Хотел бы?

Бруно сдвинул брови.

— В общем, да, но только если ты поедешь с нами. — И это было чистой правдой.

— Значит, ты предпочел бы остаться здесь, со мной?

— Я бы предпочел, чтобы мы все были вместе, — заявил Бруно, нехотя включая в этот список и Гретель. — В Берлине или Аж-Выси, все равно.

— Бруно! — раздраженно воскликнула Гретель, и он не понял, то ли она разозлилась, оттого что он рушит их планы вернуться в Берлин, то ли оттого, что упорно продолжает неверно (как она считает) произносить название их дома.

— Видишь ли, в данный момент это скорее всего невозможно, — сказал папа. — Боюсь, Фурор пока не намерен освободить меня от командования этим объектом. Однако мама полагает, что сейчас самое удобное время вам троим вернуться в Берлин, привести в порядок дом, и если задуматься... — Он умолк на секунду и посмотрел в окно, откуда открывался вид на ограду и лагерь за ней. — И если задуматься, то, возможно, она права. Наверное, это не самое подходящее место для детей.

— Тут сотни детей. — Это был тот несчастный случай, когда Бруно брякнул не подумав. — Только они по другую сторону ограды.

Наступила тишина, но не обыкновенная тишина, когда людям просто нечего сказать. Эта тишина была какая-то очень шумная. Отец и Гретель сверлили глазами Бруно, он же растерянно моргал.

— Что значит — сотни детей за оградой? — спросил отец. — Что тебе известно о том, что там происходит?

Бруно замаялся. Вряд ли стоит рассказывать слишком много — как бы не попасть в беду.

— Я вижу их из окна моей комнаты, — вывернулся он. — Они, конечно, очень далеко, но, похоже, их там многие сотни. И все в полосатых пижамах.

— В полосатых пижамах, да, — озабоченным тоном подхватил отец. — И ты наблюдаешь за ними, верно?

— Ну, я их *вижу*, — уклончиво ответил Бруно. — Но ведь это не то же самое, что *наблюдать*.

— Отлично, Бруно, — улыбнулся отец. — Ты прав, это не то же самое.

Он опять погрузился в свои мысли, а затем энергично тряхнул головой, словно наконец принял решение.

— Нет, она права. — Отец говорил вслух, но не смотрел ни на Гретель, ни на Бруно. — Она абсолютно права. Вы пробыли здесь достаточно долго. Пора вам возвращаться домой.

Вот так все и закончилось. В Берлин послали наказ прибрать дом, вымыть окна, отполировать перила, отгладить простыни, застелить кровати, и папа объявил маме, Гретель и Бруно, что в течение недели они уедут.

Бруно обнаружил, что он, как ни странно, вовсе не рвется обратно в Берлин. И потом, как он скажет об этом Шмуэлю?

Глава восемнадцатая

Как родилась идея великого приключения

На следующий день, после того как папа объявил о скором возвращении в Берлин, Шмуэль не пришел на условленное место. Днем позже он опять не появился. На третий день Бруно снова не увидел никого, кто бы сидел на земле, скрестив ноги. Бруно встревожился: неужто ему придется уехать из Аж-Выси, так и не повидав своего друга? Подождав минут десять и потеряв всякую надежду, он уже собрался отправиться обратно, как вдруг углядел вдалеке точку, которая превратилась в кляксу, которая превратилась в пятно, которое превратилось в силуэт и, наконец, в мальчика в полосатой пижаме.

Бруно расплылся в улыбке, сел на землю и вынул из кармана хлеб с яблоком, контрабандой вынесенные из дома, чтобы угостить Шмуэля. Но даже на расстоянии было видно: с его другом что-то не так. Шмуэль выглядел еще более несчастным, чем обычно, а когда он добрался до ограды, то не набросился сразу же на еду, как у него было заведено.

— Я уж думал, ты больше не придешь, — сказал Бруно. — Я вчера приходил, и позавчера, а тебя не было.

— Прости, — извинился Шмуэль. — Кое-что случилось.

Бруно, прищурившись, смотрел на друга, пытаясь угадать, что бы это могло быть. Может, Шмуэлю тоже сказали, что он возвращается домой? На свете бывают всякие, самые удивительные, совпадения. Ведь родились же Бруно и Шмуэль в один день — разве это не поразительно?

— Ну? — спросил Бруно. — Что случилось?

— Папа, — еле вымолвил Шмуэль. — Мы не можем его найти.

— Не можете найти? Как это? То есть он потерялся?

— Думаю, да. Он был здесь в понедельник, потом отправился на работу вместе с другими мужчинами, и никто из них не вернулся.

— И вы не получали от него письма? — допытывался Бруно. — А может, он оставил записку, в которой указал, когда вернется?

— Нет, не оставил.

— Ничего не понимаю, — признался Бруно и, поразмыслив, добавил: — Ты его искал?

— Конечно, искал, — горестно вздохнул Шмуэль. — Я сделал то самое, о чем ты все время говоришь, — организовал экспедицию.

— И никаких следов?

— Никаких.

— Очень странно. Но я уверен, этому найдется простое объяснение.

— Какое? — загорелся Шмуэль.

— Наверное, мужчин отвезли на работу в другой город и там им пришлось задержаться до тех пор, пока они не закончат работу. А здешняя почта работает не слишком хорошо. Не сомневаюсь, твой папа скоро вернется.

— Надеюсь. — Шмуэль едва сдерживал слезы. — Не знаю, как мы будем без него.

— Я мог бы спросить отца, если хочешь, — не очень уверенно предложил Бруно, надеясь в душе, что Шмуэль откажется.

— Вряд ли стоит это делать. — К разочарованию Бруно, ответ Шмуэля нельзя было назвать категорическим отказом.

— Но почему? Отец неплохо осведомлен о жизни по вашу сторону ограды.

— Мне кажется, военные нас не любят, — сказал Шмуэль и даже сделал попытку рассмеяться, — впрочем, безуспешную. — Да нет, я *точно знаю*, они нас не любят. Просто ненавидят.

От изумления Бруно слегка откинулся назад.

— Ты ошибаешься, такого не может быть.

— Это правда. — Шмуэль, напротив, подался вперед, глаза его сузились, а губы немного скривились от гнева. — Ну и пусть, потому что я их тоже ненавижу, всех. *Ненавижу*, — с чувством повторил он.

— Неужели и моего отца тоже? — спросил ошеломленный Бруно.

Шмуэль закусил губу. Он не раз видел отца Бруно и не мог понять, откуда у этого человека взялся такой симпатичный и добрый сын.

У Бруно не осталось ни малейшего желания обсуждать тему отцов. Подождав немного, пока Шмуэль успокоится, он сказал:

— Ладно. У меня тоже есть для тебя новость.

— Новость? — Шмуэль с надеждой посмотрел на Бруно.

— Да. Я возвращаюсь в Берлин.

От неожиданности Шмуэль открыл рот.

— Когда? — Голос его слегка дрогнул.

— Ну, сегодня у нас четверг, — прикидывал Бруно, — значит, скорее всего, мы уедем в субботу. После обеда.

— И надолго? — спросил Шмуэль.

— Похоже, навсегда. Маме не нравится в Аж-Выси... Она говорит, что в таком месте нельзя растить детей... А папа остается на своем посту, ведь у Фурора на его счет большие планы. Но все остальные едут домой.

Он сказал «домой», хотя уже толком не знал, где находится его дом.

— Значит, я больше тебя не увижу? — загрустил Шмуэль.

— Ну почему же, — не согласился Бруно. — Ты ведь можешь приехать на каникулы в Берлин. Не останешься же ты здесь навсегда, правда?

— Наверное, нет. — Шмуэль совсем расстроился. — Мне не с кем будет разговаривать, когда ты уедешь.

— Выходит, так. — Бруно хотел добавить: «Я тоже буду скучать по тебе, Шмуэль», но обнаружил, что стесняется произнести эти слова. — Получается, что завтра мы увидимся в последний раз... То есть здесь в последний раз, — поправился он. Устроим прощальную встречу. Я постараюсь принести тебе что-нибудь вкусненькое.

Шмуэль кивнул, но промолчал, не в силах выразить словами свою печаль.

— Жалко, что мы никогда с тобой ни во что не играли, — сказал Бруно после долгой паузы. — Хотя бы разок поиграть. Чтобы потом было что вспомнить.

— Да, жалко, — эхом откликнулся Шмуэль.

— Мы разговаривали с тобой больше года, а до игры дело так и не дошло. А еще знаешь что? — припомнил Бруно. — Я наблюдал за вами из окна своей комнаты, за тем, как вы живете, а вблизи ни разу не видел.

— Тебе бы не понравилось, — сказал Шмуэль. — Твой дом куда лучше.

— Все же очень хочется посмотреть.

Поразмыслив немного, Шмуэль нагнулся и приподнял проволочную ограду. Образовалась дыра, в которую вполне мог пролезть маленький мальчик, — например, ростом с Бруно и такой же комплекции.

— Что же ты? — Шмуэль глядел на Бруно. — Пролезай!

Бруно с опаской посмотрел на дыру.

— Вряд ли мне разрешат.

— Но ведь тебе не разрешают приходить сюда каждый день и разговаривать со мной, — возразил Шмуэль. — А ты все равно приходишь, разве нет?

— Но если меня поймают, то обязательно накажут. — На этот счет у Бруно сомнений не было: мама с папой не одобряют такой поступок.

— Верно. — Шмуэль опустил проволочную завесу и уставился в землю. Из его глаз закапали слезы. — Выходит, завтра мы с тобой попрощаемся.

Оба мальчика уныло молчали. И вдруг Бруно осенило.

— А что, если... — Бруно не торопился поделиться своей идеей, пусть его новый дерзкий план сперва созреет в голове. Он провел рукой по макушке: там, где была когда-то шевелюра, ладонь натыкалась лишь на колкую щетину, волосы пока не отросли. — По мнишь, ты сказал, что я похож на тебя? Когда мне обрили голову?

— Только толще, — уточнил Шмуэль.

— А если так, — вдохновенно продолжал Бруно, — и если я вдобавок раздобуду полосатую пижаму, я смогу запросто прийти к тебе в гости и никто меня не узнает.

Шмуэль просиял, теперь он улыбался во весь рот.

— Ты так думаешь? Ты вправду это сделаешь?

— Конечно. Это станет нашим последним приключением. Великим приключением.

Наконец-то мне будет что исследовать.

— И ты сможешь мне найти папу, — вставил Шмуэль.

— Почему нет. Мы обшарим все кругом и попробуем раздобыть необходимые сведения.

Исследователи всегда так поступают. Единственная загвоздка — где взять полосатую пижаму.

— Об этом не переживай, — махнул рукой Шмуэль. — Я знаю, где они хранятся. Возьму там одну моего размера и принесу с собой. Ты переоденешься, и мы отправимся на поиски папы.

— Здорово! — Энтузиазм переполнял Бруно. — Наш план готов.

— Встречаемся завтра в это же время, — сказал Шмуэль.

— Не опаздывай. — Бруно встал и отряхнулся. — И не забудь полосатую пижаму.

В этот день мальчики расстались в прекрасном настроении. Бруно предвкушал великое приключение — долгожданную возможность до отъезда в Берлин увидеть своими глазами, что же творится за оградой, а в придачу небольшую, но серьезную экспедицию. Шмуэль же понадеялся, что с помощью друга ему удастся разыскать папу. В общем и целом план выглядел очень даже разумным: они хорошенько повеселятся напоследок, а что может быть лучше накануне прощания.

Глава девятнадцатая

На следующий день

На следующий день — в пятницу опять собрались тучи. Проснувшись утром, Бруно выглянул в окно и с неудовольствием обнаружил, что на улице идет дождь. Если бы не последняя возможность увидеться со Шмуэлем — не говоря уж о том, что запланированное приключение обещало много интересного и увлекательного, начиная с переодевания в почти маскарадный костюм, — Бруно спокойно бы остался дома, отложив задуманное развлечение на первый же погожий день.

Однако часы тикали, и с этим ничего нельзя было поделать. Впрочем, расстраиваться Бруно не спешил: ведь впереди, до того часа, когда мальчики обычно встречались, еще уйма времени и всякое может случиться. Дождь после обеда непременно прекратится.

Занимаясь с герром Лицтом, Бруно то и дело поглядывал в окно, но просветов на небе так и не высмотрел. Дождь громко стучал по стеклу, будто нарочно показывая свою силу. За обедом Бруно сидел у кухонного окна. Дождь явно пошел на убыль, и вроде бы даже из-за черной тучи пробивалось солнце. Уроки истории с географией сопровождались шумным дробным аккомпанементом — дождь разбушевался не на шутку, казалось, он вот-вот выбьет оконное стекло.

К счастью, ливень прекратился как раз к окончанию занятий. Надев сапоги и непромокаемый плащ, Бруно выждал, пока учитель покинет их дом — нельзя же было столкнуться с ним по пути к Шмуэлю.

Земля превратилась в грязь, сапоги чавкали, и прогулка нравилась Бруно даже больше, чем обычно. На каждом шагу его подстерегала опасность — он мог поскользнуться и упасть, но этого так и не произошло. Бруно умудрился сохранить равновесие даже в тот щекотливый момент, когда поднял левую ногу без сапога, застрявшего в грязи.

По дороге он поглядывал на небо, и, хотя оно оставалось очень темным, Бруно надеялся, что с дождем на сегодня покончено и ничто не мешает ему осуществить свой план. Конечно, когда он вернется домой, придется объяснять, где это он так перемазался, но Бруно напомнит им, что он — типичный мальчик (мама всегда на этом настаивала), и тогда его, возможно, не будут слишком сильно ругать. Вдобавок мама всю неделю пребывала в отличном расположении духа, руководя упаковкой вещей для отправки на грузовике в Берлин.

Шмуэль уже поджидал Бруно. Впервые он не сидел, скрестив ноги и пялясь на пыль, но стоял, прислонившись к ограде.

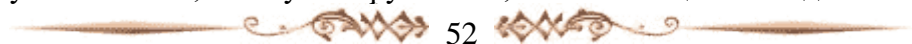
— Здравствуй, Бруно, — крикнул он, увидев друга.

— Здравствуй, Шмуэль.

— Я волновался, удастся ли нам увидеться сегодня... Дождь и вообще, — сказал Шмуэль. — Тебя могли не выпустить из дома.

— Да, ситуация была рискованной, — согласился Бруно. — Погода нас чуть не подвела.

Шмуэль закивал. В руках он держал полосатые пижамные штаны, полосатую пижамную куртку и полосатую матерчатую шапочку. Бруно пришел в полный восторг. Предложенный ему костюм не отличался особой чистотой, но переодеться в чужую одежду так увлекательно; к тому же Бруно знал, что настоящие исследователи всегда маскируются.

— Ты все еще хочешь помочь мне найти папу? — спросил Шмуэль.

— Конечно, — торопливо ответил Бруно, хотя перспектива исследовать неведомый мир за оградой представлялась ему куда более важной, чем поиски папы Шмуэля. — Я тебя не брошу.

Шмуэль приподнял проволоку и просунул под нее полосатый костюм, стараясь, чтобы тот не коснулся размокшей земли.

— Спасибо, — поблагодарил Бруно и почесал свой колючий затылок: и как он не догадался прихватить сумку, чтобы сложить в нее одежду, которую он снимет. Оставить ее прямо на земле после дождя — все равно что вывалить в грязь. Однако иного выхода у него не было. Либо оставить одежду здесь и потом не хныкать, когда придется возвращаться домой испачканным с ног до головы, либо отменить экспедицию, что, с точки зрения любого маломальски стоящего исследователя, просто невысказано. — Отвернись, — велел Бруно своему другу. — Не хочу, чтобы ты смотрел, как я переодеваюсь.

Шмуэль, смутившись, отвернулся, а Бруно снял плащ и положил его на землю как можно аккуратнее. Затем стянул с себя рубашку, поежился на холоде и облачился в пижамную куртку. Надевая куртку через голову, Бруно глубоко вдохнул носом, и это было ошибкой — куртка пахла не очень-то приятно.

— Когда ее последний раз стирали? — спросил он Шмуэля, и тот обернулся.

— Не знаю, стирали ли ее вообще когда-нибудь.

— Не смотри! — напомнил Бруно, и Шмуэль опять отвел глаза.

Оглядевшись по сторонам и не обнаружив вокруг ни одной живой души, Бруно взялся за самое сложное — стащить с себя брюки, стоя на одной ноге, обутой в сапог. Все-таки странно себя чувствуешь, снимая штаны на улице. Бруно даже вообразить не мог, что было бы, если бы его кто-нибудь увидел, но в итоге, изрядно попотев, он успешно справился с задачей.

— Ну вот, удовлетворенно произнес он. — Можешь повернуться.

Шмуэль глянул на Бруно как раз в тот момент, когда Бруно придавал своему маскарадному наряду последний штрих — натягивал матерчатую шапочку. Шмуэль вытаращил глаза — уму непостижимо! Пусть Бруно не был таким тощим и таким бледным, как мальчики по ту сторону ограды, но отличить его от них было бы очень трудно. Да что там, они были совершенно одинаковы! (Во всяком случае, Шмуэлю так казалось.)

— Знаешь, о чем я сейчас вспомнил? — сказал Бруно другу.

— О чем?

— О моей бабушке. Я тебе рассказывал о ней. Та, что умерла.

Шмуэль кивнул: конечно, он не забыл. Бруно часто рассказывал о своей бабушке, о том, как хорошо ему было с ней и как он жалеет, что написал ей мало писем, а теперь ее уже нет на свете.

— А вспомнил я потому, что она любила ставить спектакли со мной и Гретель в главных ролях. — Из его берлинской жизни только память о бабушке не выцвела и не поблекла, поэтому Бруно, говоря о ней, не смотрел на Шмуэля. Она всегда подбирала мне самый подходящий костюм и приговаривала: «Хороший костюм — это очень важно, наденешь его и сразу почувствуешь себя тем человеком, которого изображаешь». Похоже, именно это я сейчас и делаю, а? Изображаю человека с той стороны ограды.

— Еврея, значит, — подсказал Шмуэль.

— Да, — подтвердил Бруно, чувствуя себя немного неуютно. — Точно.

Шмуэль ткнул пальцем в сапоги, в которых Бруно пришел из дома:

— Их надо оставить здесь.

Бруно не поверил своим ушам.

— Я что, должен ходить по этой грязи босой?!

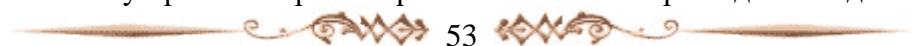
— Иначе тебя узнают. — Шмуэль был непреклонен. — Выбирать не приходится.

Бруно тяжело вздохнул, но он понимал, что друг прав. Он снял сапоги, сунул внутрь носки и поставил сапоги рядом с кучкой одежды, лежавшей на земле. Первый шаг он сделал с отвращением босые ноги по щиколотку проваливались в жидкую грязь, а когда он переставлял ногу, ощущения были еще хуже. Но потом ему даже понравилось разгуливать вот так, без всякой обуви.

Шмуэль попытался приподнять проволоку повыше, но о том, чтобы пройти под ней во весь рост или хотя бы пригнувшись, не было и речи. Бруно прополз на брюхе, и его пижама покрылась слоем грязи. Посмотрев на себя, Бруно рассмеялся. Никогда еще он так не измазывался — это было чудесно.

Шмуэль тоже улыбался. Мальчики стояли друг против друга, неловко переминаясь с ноги на ногу, очень уж непривычно было находиться по одну и ту же сторону ограды.

Бруно порывался обнять Шмуэля и тем самым дать понять, как крепко он привязался к другу и как ему нравилось разговаривать с ним весь прошедший год.

Шмуэль тоже порывался обнять Бруно, чтобы поблагодарить за доброту и за еду, которую он приносил, и за то, что Бруно вызвался помочь найти папу.

Но до объятий дело так и не дошло, вместо этого они потопали прочь от ограды к лагерю.

Этот путь Шмуэль преодолевал почти каждый день в течение года, когда ему удавалось, прокрадываясь незамеченным мимо солдат, сбежать в эту часть Аж-Выси, где не было постоянной охраны и где ему посчастливилось встретить такого друга, как Бруно.

До лагеря они добрались быстро. Бруно жадно разглядывал все вокруг. Глядя из окна своей спальни, он воображал, что в длинных строениях обитают счастливые семьи, по вечерам

бабушки и дедушки сидят в креслах-качалках перед домом и рассказывают тем, кто хочет послушать, насколько лучше жилось, когда они были маленькими, и как они уважали старших, не то что нынешние дети. Бруно воображал, что все мальчики и девочки, живущие здесь, сбиваются в компании, играют в теннис или в футбол, прыгают через скакалку или чертят классики на земле.

Он предполагал, что в центре лагеря стоит магазин, а может, и маленькое кафе вроде тех, что он видел в Берлине; в наличии овощных и фруктовых рядов он был не совсем уверен, но все же надеялся на лучшее.

Однако ничего из того, что Бруно нарисовал в своем воображении, в лагере не обнаружилось.

Ни стариков, сидящих в креслах-качалках на крылечках.

Ни детей, играющих в футбол или прыгающих через скакалку.

Отсутствовали не только фруктовые и овощные ряды, но и кафе вроде тех, что Бруно видел в Берлине.

На самом деле было вот что: люди, сбившись в кучу, сидели на земле с опущенными головами, и вид у них был страшно унылый. Роднила их не только мрачность, но и жуткая худоба, ввалившиеся глаза и обритые головы. Последнее обстоятельство Бруно был в состоянии объяснить: вши, что же еще.

В одном из закоулков Бруно увидел троих солдат; они командовали отрядом, насчитывавшим примерно двадцать мужчин. Солдаты орали на них, а кое-кто из мужчин стоял на коленях, обхватив голову руками.

На другом пятачке собралась компания солдат, они смеялись, заглядывали в дула своих автоматов, целились неизвестно куда, но не стреляли.

Бруно озирался по сторонам, он никаких других людей так и не заметил. Получалось, что обитатели лагеря делились на две категории: либо веселые, смеющиеся, оружие солдаты в красивой форме — либо несчастные, плачущие люди в пижамах, большинство из которых смотрели в пространство ничего не выражающим взглядом.

— Пожалуй, мне здесь не нравится, — сказал Бруно немного погодя.

— Мне тоже, — отозвался Шмуэль.

— И по-моему, мне пора возвращаться домой.

Шмуэль замер на месте.

— А как же папа? — спросил он. — Ты сказал, что сможешь найти его.

Бруно был не из тех, кто не держит слова, а тем более он дал обещание другу, с которым видится в последний раз — по крайней мере здесь, в Аж-Выси.

— Ладно, — ответил Бруно. Правда, чувствовал он себя уже не так уверенно, как раньше. — Но где нам его искать?

— Ты говорил, что нужно собрать сведения. — Шмуэль пал духом: ведь если Бруно ему не поможет, то кто тогда?

— Сведения, да, — кивнул Бруно. — Верно. Что ж, начнем.

Бруно сдержал слово: часа полтора мальчики рыскали по лагерю в поисках сведений. Они не очень понимали, что именно ищут, но Бруно не уставал повторять, что чутье исследователя их не подведет и когда они найдут то, что им нужно, они сразу это поймут.

Но они ничего не нашли, ничего, что бы подсказало им, куда исчез папа Шмуэля. А на улице становилось все темнее и темнее.

Бруно задрал голову — похоже, опять пойдет дождь. И в конце концов Бруно сдался:

— Прости, Шмуэль. Прости, что мы не нашли никаких сведений.

Шмуэль грустно кивнул. Он не удивился. В глубине души он и не надеялся, что они отыщут следы папы. Но хорошо хотя бы то, что его друг побывал у него в гостях и посмотрел, как он живет.

— Думаю, мне пора возвращаться домой, — сказал Бруно. — Проводишь меня до ограды?

Ответить Шмуэль не успел. В этот момент раздался громкий свисток, и не меньше десяти солдат — столько сразу Бруно еще не видел ни в одной части лагеря — окружили площадку, ту самую площадку, на которой стояли Бруно и Шмуэль.

— Что это? — прошептал Бруно. — Что происходит?

— Такое случается иногда, объяснил Шмуэль. — Они заставляют людей маршировать.

— Маршировать? — изумился Бруно. — Я не могу, у меня нет времени. Мне надо поспеть домой к ужину. Сегодня у нас жареная говядина.

— Ш-ш, — Шмуэль приложил палец к губам. — Молчи, а то они разозлятся.

Бруно насупился, но вздохнул с облегчением, когда к ним начали подтягиваться другие люди в полосатых пижамах; многих подталкивали солдаты, и мальчики оказались в центре толпы, так что их не было видно. Бруно не понимал, почему все такие испуганные, — в конце концов, маршировка не самое ужасное занятие на свете. Ему хотелось шепнуть этим людям, что все будет хорошо, что его отец — комендант лагеря, и если он отдает какой-нибудь приказ, значит, так надо, и бояться тут нечего.

Снова раздалась свистки, и колонна приблизительно из ста человек медленно двинулась вперед; Бруно и Шмуэль по-прежнему находились в самой середине. Сзади послышалась какая-то возня, кто-то в конце колонны отказывался маршировать вместе со всеми. Бруно был слишком мал ростом, чтобы увидеть, что там происходит, он только услышал громкие крики и выстрелы, но что к чему, так и не разобрал.

— А далеко нам придется идти? — прошептал он. Ему уже давно хотелось есть.

— Не знаю, — ответил Шмуэль. — Я никогда не разговаривал с людьми, которые участвовали в таких маршах. Почему-то они мне не попадались на глаза. Но думаю, вряд ли это надолго.

Бруно с беспокойством посмотрел на небо, и тут раздался еще один громкий звук — над головой прогремел гром. Небо мгновенно потемнело почти до черноты, и хлынул дождь, еще более сильный, чем тот, что шел утром. Бруно закрыл глаза и почувствовал, как по телу стекает вода. Когда он снова открыл глаза, он уже не столько маршировал, сколько его несло куда-то вместе со всеми, он был с ног до головы облеплен грязью, насквозь мокрая пижама прилипла к телу, и теперь он желал только одного — вернуться домой и наблюдать за всем этим на расстоянии, а не толкаться в самой гуще толпы.

— Нет уж, — буркнул он, — так я простуду заработаю. Мне надо домой.

Но стоило ему это сказать, как толпа вынесла его к каким-то ступенькам, а когда он по ним взобрался, то оказалось, что дождя больше нет, потому что все сгрудилось в длинном помещении, где было на удивление тепло. Вдобавок у этого помещения были крепкие стены и надежная крыша — ни капли влаги не проникало внутрь. Да и вообще, кажется, ничего не проникало, даже воздух.

— Спасибо и на том. — Бруно был рад укрыться от грозы хотя бы на несколько минут. — Наверное, мы здесь переждем, пока не кончится дождь, а потом я отправлюсь домой. Шмуэль прижался к Бруно почти вплотную и смотрел на него снизу вверх, в глазах его застыл испуг.

— Прости, что мы не нашли твоего папу, — сказал Бруно.

— Ничего, — пробормотал Шмуэль.

— И очень жаль, что нам не удалось по-настоящему поиграть, но когда ты приедешь ко мне в Берлин, мы обязательно поиграем. Я познакомлю тебя с... Ох, как же их зовут? — огорченно спросил он сам себя. Ведь эти трое были его верными друзьями на всю жизнь, но все они исчезли из его памяти. Он не помнил ни одного имени и не представлял, как эти ребята выглядят. — Впрочем, неважно, познакомишься ты с ними или нет. Они больше мне не лучшие друзья. — И тут он сделал нечто, что было совсем не в его характере: взял тоненькую руку Шмуэля и крепко пожал. — Теперь ты мой лучший друг, Шмуэль. Мой верный друг на всю жизнь.

Наверняка Шмуэль что-то ответил, но Бруно не услышал, потому что в этот момент закрылась входная дверь и снаружи раздался протяжный металлический скрежет. Люди, заполнявшие помещение, громко ахнули.

Бруно приподнял брови, недоумевая, зачем запирают дверь, но решил, что это делается для того, чтобы надежнее укрыть людей от дождя, они ведь могут подхватить простуду.

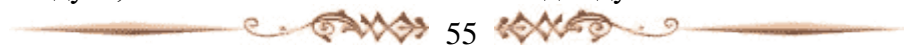
А потом в помещении стало очень темно, и посреди наступившей неразберихи и страшного шума Бруно вдруг обнаружил, что до сих пор сжимает руку Шмуэля в своей руке, и теперь уже ничто на свете не заставит его разжать пальцы.

Глава двадцатая

Последняя

С тех пор Бруно пропал.

Почти неделю солдаты прочесывали дом, двор и окрестности, разъезжали по соседним городкам и деревням, всюду показывая фотографию маленького мальчика. Наконец один из них обнаружил сложенную в стопку одежду и сапоги, оставленные Бруно у ограды. Солдат не тронул вещи, но побежал за комендантом. Тот осмотрел местность, поворачивая голову то вправо, то влево, в точности как Бруно, когда тот попал сюда в первый раз, — но так и не смог понять, сколько ни силился, что же случилось с его сыном. Мальчик словно растаял в воздухе, оставив на земле лишь свою одежду.

Мама вернулась в Берлин не так скоро, как намеревалась. Она провела в Аж-Выси еще несколько месяцев в ожидании известий о Бруно, пока вдруг не сорвалась с места, решив, что тот, возможно, отправился домой самостоятельно. Подъезжая к их берлинскому дому, мама уже видела, как он сидит и ждет ее на крыльце.

Разумеется, там его не было.

Гретель вернулась в Берлин вместе с мамой. Она подолгу просиживала одна в своей комнате и плакала — не потому, что выбросила всех своих кукол, и не потому, что оставила в Аж-Выси карты, утыканые булавками, но потому, что ей сильно не хватало Бруно.

Отец провел в Аж-Выси еще год, безжалостно гоня солдат и офицеров, чем и заслужил их ненависть. Каждый вечер он ложился спать с мыслью о Бруно и просыпался, думая о нем же. Со временем в его голове сложилась гипотеза, приблизительно объясняющая, что же произошло с его сыном, и отец отправился на то место у ограды, где год назад была найдена кучка одежды.

На первый взгляд ничего примечательного там не было, этот участок ничем не отличался от прочих, но затем комендант произвел небольшое исследование и обнаружил, что ограда в этом месте не была должным образом прикреплена к земле, и если приподнять проволоку, то под ней вполне мог проползти низкорослый и не толстый человек (например, десятилетний мальчик). Комендант поглядел вдаль и с помощью логики восстановил случившееся шаг за шагом, а когда восстановил, то обнаружил, что ноги отказываются ему служить — будто больше не в силах подпирать его тело, — тогда он уселся на землю почти в той же позе, в какой чуть не каждый день в течение года сживал Бруно, разве что не поджал под себя ноги.

Спустя пару месяцев в Аж-Высь пришли другие солдаты и велели отцу идти с ними, и он пошел — без возражений и даже с радостью, потому что ему было совершенно безразлично, что его ждет.

Вот так заканчивается история Бруно и его семьи. Конечно, все это случилось очень давно и никогда больше не повторится.

Не в наши дни и не в нашем веке.

